

Энни Вилкс
ВРЕМЯ СНОВ

Энни Вилкс

Время снов

«Автор»

2026

Вилкс Э.

Время снов / Э. Вилкс — «Автор», 2026

Родителей Саэли и Кеара обвинили в темном искусстве и казнили. Всю свою жизнь они вынуждены скрывать и свое благородное происхождение, и свой дар творения сновидений. Им удавалось строить простую и по-своему счастливую жизнь, пока в руки стражи не попал единственный, кто знал все их секреты. Теперь на брата и сестру идет охота. Король грозит смертью их близким, таинственные маги ранят Кеара, Голодные Тени подстерегают во снах, жрецы грозного культа требуют от Саэли исполнения странного обряда... И жизни всех, кого знает Саэли, зависят от нее. Кажется, только могущественный граф Севера встает на сторону девушки. Вот только он – чудовище, которого боится и король, и Голодные Тени, а предложенная им защита имеет свою цену...

© Вилкс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пропажа дедушки Рора (Саэли)	9
Глава 2. Каждый однажды засыпает (Ноам)	14
*** Просьба	17
Глава 3. Семья (Саэли)	23
Глава 4. Первая встреча с настоящим являющим (Саэли)	27
Глава 5. Поражение (Кеар)	31
Глава 6. Храм Куты (Саэли)	33
Глава 7. Ты забудешь (Кеар)	38
Глава 8. Приглашение (Дэймар и Саэли)	43
Глава 9. Вспышка (Дэймар)	50
Глава 10. Учитель (Ноам)	52
Глава 11. Неожиданная помощь (Саэли)	57
Глава 12. Сердце Энстадта (Саэли)	62
*** «Предательница короны и опасная преступница»	64
Глава 13. Цветочная девушка (Саэли)	69
*** Стрелиция	72
Глава 14. Путь (Саэли)	76
*** Наверху	78
Глава 15. Ящик (Ноам)	86
Глава 16. Методы (Саэли)	88
Глава 17	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Энни Вилкс

Время снов

Пролог

Девятнадцать лет назад

– О чем ты говоришь, малышка? – ахнул дедушка Рор, деревенский охотник, натягивая на дрожащие худые плечики найденыша свой громадный ватный жилет. – Подожди, не вертись, помочь же хочу! Сэл!

Так ведь назвал ее брат, когда приказал убежать? Нелепая кличка, да еще мальчишеская, девочке совсем не подходит.

– Меня зовут Асэлиари, – обиженно протянула малышка в ответ, подтвердив худшие опасения Рора. Ее лицо совсем посерело от холода, и подбородок дрожал. – Мама зовет меня Аса. Тебе тоже не нравится мое имя?

– Красивое, – выдавил из себя улыбку ошеломленный старик, панически соображая. Значит, та самая Аса, ошибки быть не может! Дочка осужденного графа – последователя Аспида, чудовища, сводившего с ума и убивавшего людей во сне, как все теперь говорят. – Расскажи-ка мне про сны подробнее.

– Я люблю, когда мне снится Акеар, это мой брат, – простодушно выдала девочка страшный секрет, который убил ее родителей и мог стоять жизни и ей, и ее брату, и самому Рору, если бы он промедлил и не сдал найденышей воинам короля сегодня же. С каждым словом Асы у старика темнело в глазах от ужаса: – У Ака самые интересные сны! Он посылает за мной бабочку, которая блесит. Только она зеленая, как светлячок. И от ее крыльев – такая дорожка из искр!

– И ты идешь за бабочкой? – зачем-то спросил Рор, уже зная ответ. – Прямо во сне?

– Да! У Ака там есть домик на дереве! Он теплый и спокойный. Только нельзя трогать ничего, что серое, от этого мерзнешь, и потом сложно проснуться, – с воодушевлением кивнула малышка. – А все зеленое – можно, оно теплое и звенит! В домике Ака все-все зеленое, коврики, окна, подушки, птицы и даже солнце немного. Не веришь?

– Ну...

– Я скажу Аку. Он пошлет и за тобой бабочку!

– Не приведи Творец, – машинально отозвался старый Рор, поднимаясь на неверных ногах. В растерянности он прижал руку ко рту и выдохнул в ладонь, грея заledenевший кончик носа. – Ох, малышка... А твой брат не говорил, что про цветные сны никому нельзя рассказывать?

Миловидное детское лицо стало вдруг озорным, как если бы Аса намеревалась совершить какую-то шалость:

– А давай я тебе сказала, а ты ему не скажешь!

– Давай, – машинально согласился Рор. – Подожди, Аса. Вот... – Дрожащими пальцами старик развернул перед найденышем бумажную обертку, в которой носил кусок черного хлеба для перекуса, когда уходил в лес надолго. Девочка тут же схватилась за ломоть так, что посыпались крошки, но нахмурилась в нетерпении: ждала разрешения, несмотря на ужасный, должно быть, голод. Воспитанная, как и положено знатной, хоть и в бегах, помилуй ее Творец... – Ешь вот... – спохватился Рор, отступая на шаг.

Пока Асэлиари Вэргос, дочка казненного пару недель назад графа Западных земель, умирала скучное угощение, Рор обессилено опустился на пенек, не зная, что делать дальше.

Тысячи человек по всему Ауренстадту в одну из ночей не проснулись, как клялись странствующие торговцы! Даже в небольшой деревне Рора мертвыми нашли двоих – дочку мельника и пожилого пастуха. Смерть гуляла по снам, не щадя ни детей, ни стариков, никто не мог уберечься от ее прихода, с ней было не торговаться. Увидел черно-белый сон с цветными вспышками – умрешь. Каждый это знал.

Разве можно не спать? Долго ли выдержишь в своем уме, ложась в кровать со страхом не проснуться?

Так что нового короля, объявившего Аспиду и творцам цветных сновидений решительный бой, а затем нашедшего даже среди знатных семей причастных к убийствам гадюк, подданные готовы были носить на руках. Политика истребления в отношении одаренных оказалась жесткой, но эффективной: меньше, чем за полгода таинственные смерти почти прекратились.

Две недели назад в деревню заявили люди с тисненными коронами на кирасах – уставшие, озлобленные наступающим холодом и долгой дорогой, испуганные, как и все вокруг. Они приказали старосте собрать представителей всех семей на рыночном пятачке, чтобы во всеуслышание объявить страшные, невозможные новости: граф Алиам Вэргос и вся его семья были уличены в сонном искусстве, «кое с потворствования Аспида использовали для наведения смертоносной болезни на всевластного монарха и детей его».

Чем повергли деревенских в ужас.

До того о старом графе сам Рор слышал только доброе. Крестьяне любили своего господина и жили лучше, чем на востоке или юге. Еще вчера деревенские благодарили «отца Алиама», как его ласково звали, за защиту от сонной напасти: он где-то закупил мешками травы, чтобы спать без снов, и раздавал их всем бесплатно; он построил на краю деревни храм Агранны с его громадными курительницами и предлагал боявшимся закрывать глаза собираться под его сводами – ходили слухи, что богиня защищает сны от чудищ.

Два человека на деревню – невероятно мало, где-нибудь на Севере умирали десятками. Всего двое... это была заслуга графа, а не вина.

Но как бы благодарны деревенские ни были «отцу», какими бы лояльными себя не считали, как бы ни сомневались в правдивости обвинений, спорить с солдатами не посмели. Все уже год как знали: король скор на расправу, и стереть деревню с лица земли для него – всего лишь забава... Рор немного винил себя, что промолчал тогда. Но разум его был высушен страхом, как и у всех остальных. Как и все, он выкрикнул: «Слава королю!» без малейшей заминки.

«Наше дело маленькое, – говорил старейшина. – Жить как живет, а знатные сами все решат, кто там прав, кто нет».

Уже после, изрядно напившись и разомлев от тепла и вина, королевские вояки уверенно болтали, что всю семью Вэргос немедленно казнили по королевскому приказу, а троих отпрысков – Акеара, Асэлиари и Фэара – задушили в кроватках, чтобы не росло, не плодилось, не распространяло страшную темную заразу «аспидово отродье»...

Значит, графовы детишки выжили!

Только вот девочка ни на заразу, ни на приспешника Аспида, ни уж тем более на убийцу ничуть не походила. Нормальный, светлый, чистый, добрый ребенок: даже будучи голодна, отломила половину и спрятала в истрепанное грязное платье, чтобы и брат поел, как проснется.

– Можно я Аку отдам? – спросила она тихо. – Мы немного находили ягоды и грибы, но Ак мне все оставлял. Он мало ел. Все время говорит, что не хочет. Но я думаю, он правда голодный.

На полуслепые глаза Рора навернулись слезы.

Брат Асы, колючий, как ежик, настороженный и, несмотря на сломанную руку, едва согласившийся принять обезболивающую настойку мака – и теперь в перевязке спящий чуть

поодадь, – тоже скорее походил на загнанного и потому угрюмого звереныша, а никак не на сводящее с ума ради удовольствия чудовище, каким считали ходящих по снам.

Бедные, несчастные сироты! Да даже твори их родители страшную сонную магию, в чем дети-то виноваты? Совсем одни на этом свете! Мальчишка хоть постарше – ему, должно быть, лет одиннадцать-двенадцать, а девочка – еще совсем малышка. Чудо, что им удалось выживать в осеннем лесу так долго! Наверно, спали, прижавшись друг к другу, как котята.

Но скоро грянут заморозки, и тогда дети не переживут и одной ночи. Зимы здесь, на границе со Срединными землями, стояли суровые, почти северные. А к людям бедняжки не сунутся – опасно, и мальчик явно понимал это куда лучше сестры.

На них же, наверно, люди короля охотятся, как сам Рор на куропаток! Разве что силков везде не понаставили!

Старик потер затылок, поплотнее натянул шапку: зябко. Со дня на день озеро покроется первой тонкой коркой льда. Деревья совсем уже облетели и теперь голыми черными ветвями расчерчивали низкое стальное небо, трава еще не покрывалась по ночам инеем, но уже высохла и пожухла. Когда дул ветер, подхватывающий пока еще сухую листву, наполняющий ей воздух и пускающий по воде мелкую рябь, становилось совсем холодно.

Снова трескуче зашуршала бумага, и Рор обернулся: девочка уже доела свою половину хлеба и теперь пальцем жадно собирала крошки. По-прежнему голоднющая. Большеглазая, тощая, как бездомный котенок. Радуетса чуть плесневелым крошкам, как спасению.

А ведь проболтаются про сны любому – сразу пропадут без следа. За них же, наверно, большую награду дают. Как там королевский глашатай объявил? – *«Корона ищет сбежавших слуг и поварят с кухни, если кто найдет, сразу старейшине деревни доложит надобно»*. Хорошо, что дети повстречали именно знавшего о снах поболее других Рора, а не какого-нибудь Укоала или старуху Виари! Те бы продали малышей и глазом не моргнули.

Вообще-то, именно это и следовало делать. Сообщить главным – и пусть разбираются. Жить свою маленькую жизнь, оставив знатным большие решения. Наверно, за такое дело Рору бы избу новую пожаловали. И дразнить чудаком бы перестали. Может, к ордену бы представили.

Забыть об этой встрече за пару месяцев. Объяснить себе, мол, не знаю ничего, а вдруг насчет семьи Вэргос правда? И жить, не мучаясь сомнением. Всякий поступил бы так.

Рор тяжело опустился на пень, разглядывая найденыша. Аса пыталась завязать плетеный серебром поясок своего некогда роскошного, но слишком легкого платья поверх жилета охотника, чтобы этот громадный кусок стеганой ваты держался на ней, не спадая. Вот она подняла свои круглые темные глаза на старика – и в них Рор увидел абсолютное доверие, обжегшее его на минуту прикрывшую глаза совесть.

«А я что? Я чем лучше Укоала? – спросил он себя жестко. – Боюсь помочь, хоть знаю, что цветные сны вовсе не означают убийцев. Мне изба и орден – а детишкам смерть. Но если приведу их домой, кто-нибудь проболтается, и меня как пить дать убьют. А не спрячу – помрут уже они».

– А-а-а! – вдруг словно из-под земли накинута на Рора очнувшийся от макового молока мальчишка.

Чумазий, как и сестра, резвый, как аспидова бестия, он попытался ударить старика в живот, но в последний момент неловко замешкался, споткнулся о корни и, потеряв равновесие, свалился на валежник здоровым боком, напоследок даже не вскрикнув, а зарывав от боли. Рор наклонился: что-то блестело у Акеара Вэргоса в руках. Надо же, малец как-то стащил у Рора хлебный ножик, которым тот обычно подрезал силки на куропаток!

– Вот ты как! – поднял его за шкуру Рор. – Я ему руку лечу, а он порезать меня решил, подлец!

И встретился с мальчиком взглядом. Карие, как у сестры, глаза искрились отчаянием и яростью, но более всего – страхом. Этот не доверял незнакомцу, как Аса. Бился насмерть, раз понял, что сестра не убежала, как он ей велел.

«Мальчик же все понимает, – осознал вдруг старик. – И что они с Асой идут по самому краю смерти, и что никто не должен их видеть. Знает: сестра от него зависит. Ему уже пришлось повзрослеть».

И эта ужасная мысль полоснула по сердцу даже больнее, чем образ того, как дети ночью жмутся друг к другу, пытаясь согреться. Нигде не найти сиротам помощи, никто не рискнет укрывать их. Ведь всем есть что терять – всем, кроме никому не нужного одряхлевшего отшельника-охотника.

Но нашел их именно Рор, старый чудаковатый Рор, одинокий деревенский медведь. Тот, кто и сам когда-то давно видел черно-белые и цветные сны – и всю жизнь скрывал это, а потому лишь чудом избежал смерти.

Может, единственный, кто мог понять: никакого Аспида ходящие по снам вовсе не восхваляют.

Великий Творец правит пути так логично! Значит, домой возвращаться нельзя. Сгинул в лесу старый Рор – невелика потеря. Никто даже не удивится. Только покроется мхом и развалится изба, да деревенские разберут ее на дрова.

А жизнь самого Рора все равно прежней уж не будет.

– Пусти! – извивался парень.

– Нет уж, – тряхнул его Рор. – Давай-ка так, милорд Акеар. Твоя сестра мне про зеленые сны уже рассказала, имена детей семьи Вэргос тут все знают, а про ваше... несчастье я и сам слыхивал. Хорошие они были, ваши родители, жилы из нас не тянули, и в вину их я не верю. И сестра у тебя хорошая. – Он помолчал, на удивление неуютно чувствуя себя, а затем все-таки подписал и себе смертный приговор: – Помогу вам. Ты ведь все понимаешь, да? Ты правильно придумал, что имена надо изменить. Значит, неглупый. Становится холоднее, нужен кров. Хорошо, вы меня повстречали. Я вас спрячу.

– А взамен что? – угрюмо уточнил мальчишка. Его колючие темные глаза буравили старика, словно это не Акеар висел на воротнике своей куртки в руках Рора, как котенок на шкурке, а наоборот, сам держал старика за горло и решал, можно ли ему довериться.

– Детьми мне будете вместо той, что Творец забрал, – хмыкнул Рор. – По хозяйству помогать станешь, как рука заживет. Ловить дичь тебя научу. А захотите – сбежите, что вас держать-то, лес вокруг. Идет?

Мальчик молчал.

Рор медленно поставил его на землю, разжал кулак, и Акеар тут же по-ящериному проворно подобрал с земли ножик. И далеко убирать оружие не стал, только за спину спрятал. Поврежденную руку, которую Рор привязал к двум веткам и примотал к груди широким платком, мальчик держал впереди, как щит. Кончики пальцев посинели, но он делал вид, что ему совсем не больно.

– Если ты нас воинам сдашь, я тебя убью. А если Асу обидишь, я тебе горло перережу.

Сказал совершенно серьезно, без намека на слабость. Вырастет настоящим мужчиной.

– Что я – зверь, детей обижать? – вытер нос Рор. Глаза слезились от ветра. – Не из чего тебе выбирать-то! Но я тебе что скажу, раз уж такое дело: я сам одноцветные сны видел, но мои были не зеленые, а рыжие. Свой я. Поэтому никому вас не отдам, пусть даже солдаты по мою душу придут. Раз уж Творец вас ко мне привел... Не смогу себе простить, коль не помогу. Хочешь – верь, хочешь – нет. Тебе решать.

– Клянись! – вдруг потребовал мальчишка. И добавил уже куда менее уверенно: – И на крови клянись, а то не считается!

Глава 1. Пропажа дедушки Рора (Саэли)

«Считающий себя ничтожным творит великие дела, не зная об этом. Творец зачастую правит пути руками людей, не ждущих славы. И потому говорящий с гордецами и равняющий остальных с пылью Аспид никогда не одержит верха».

Откровение матери Эришцы, жрицы храма Творца.

Брат появился как раз в момент, когда отчаявшаяся, готовая разрыдаться Саэли опустилась на груды дров, чтобы дать короткий отдых дрожащим ногам. Ее трясло. Она даже не сразу услышала стук копыт, но как только поняла, что больше не одна, бросилась открывать калитку.

Кеар здесь. Кеар всегда знает, что делать, он все исправит!

– Слава Творцу, ты вернулся! – выдохнула Саэли, кинувшись к набросившему на забор повод брату. Кеар поднял на нее глаза, его лицо едва заметно вытянулось: он всегда чувствовал волнение сестры еще до того, как она рассказывала о причинах. – Я... я во всем виновата!

Слезы жгли глаза. Дыхание, сбитое от бега, царапало горло и отдавало металлом.

– Рассказывай, – распорядился Кеар коротко. Затем оглядел сестру, дрожащую на ветру, и добавил мягче: – Только пойдем внутрь. Холодно, а ты одета как попало.

– Меня не было всего четверть часа, – торопливо начала Саэли, послушно отступая вглубь небольшого садика. – Я отдавала готовые книги учителю из столицы, он проверял, все как обычно. Я знаю, надо было запереть дверь, и я уверена, что запирала... Да и обычно дедушка просто лежит, у него же последнее время ноги болят... И я забыла, наверно... Дошла до тракта только, а когда вернулась, дедушка Рор пропал! Его нигде нет!

– Сэл, – твердо взял рыдающую девушку за плечи Кеар. Он легонько потряхнул ее, а потом обнял, погладил по голове. И хотя брат старался говорить ровно, Саэли, уткнувшись в пропахшую дымом кузни и царапающую щеки куртку, услышала сомнение в его голосе: – Успокойся. Дед и раньше уходил в забыты, но всегда сам возвращался. Скоро объявится. Тут же все его знают, домой уж доведут. И я позову парней, мы его поищем, хорошо? Давай домой, завари смородины с медом. Ты совсем замерзла, когда с тебя платок-то слетел? – мягко натянул он шерстяное полотно ей обратно на голову.

– Нет, ты не понимаешь! Оура заметила, как он шел к тракту огородами. Сейчас же многие едут в столицу на праздник, я всех расспросила, кого на дороге встретила. Его видели! Торговка посудой вспомнила, что какого-то старика стража вела в город! Она точно описала дедушку Рора! И что старик без обуви был, а дедушка правда сапоги надеть забыл! Это мог быть только он... Кеар, что теперь делать? В город мне пробраться не удалось, там же стража. Рор же не понимает, где он... Они же его покалечат...

Мысли смешивались, скакали. Отсюда до западных врат в столицу – всего-то полчаса, если на телеге. Но сейчас, во время недели торжества по поводу долгожданной беременности королевы, Энстадт закрыли от простого люда. Несколько мостов, по которым можно было бы попасть в город, неусыпно и пристрастно охраняла стража, и даже для того, чтобы просто посетить рынок, требовалась специальная въездная грамота. Живущих по эту сторону реки крестьян, как и многочисленных путников, не пускали вовсе: слишком боялись за знатных гостей, собравшихся во дворце.

Саэли пыталась примкнуть к каким-нибудь торговцам или музыкантам, но никто не согласился ее взять. Немудрено, что каждый опасался приютить у себя шпиона или убийцу и перестраховывался: король установил строгие и жуткие правила, по которым главу каравана могли и казнить, если кто-то из его работников нарушал порядок. Поэтому умоляющей Саэли сочувствовали, жалели, но твердо прогоняли.

Саэли трясло от злости, когда она вспоминала, что, смачно плюнув себе под ноги, ответил ей краснолицый стражник на мосту: «Знатные господа нынче празднуют, вас еще не хватало». Саэли пыталась ему возражать, но вояка только смеялся: «Нам тут страшные старики ни к чему, праздник, понимаешь? Пра-аздник! Никого из деревенских не пускают, и его бы не пустили! Если у него крыша свистит, его б зарубили уже, больно надо королю перед графьями и иностранцами позориться!»

И как потом другой воин, постарше и почеловечнее, отвел Саэли в сторонку, чтобы сочувственно похлопать по спине и развести руками: «Возвращайся через четыре дня, дочка».

Брат почти что силой усадил Саэли на небольшую скамейку, которую совсем недавно на городской манер обтянул кожей с войлоком, чтобы дедушке Рору тепло и удобно было сидеть под низким козырьком навеса и смотреть на небольшой сад. Саэли схватила руками за жесткую от ветра и холода обивку, и ей стало еще горше от нахлынувших воспоминаний.

Сам Кеар присел перед ней. Взял руки сестры в свои, согревая – надо же, она и не заметила, как замерзла! – и уточнил:

– Сэл, ты точно всех наших расспросила? Обычно дед ходит по кромке полей и леса, а потом приходит обратно. Мало ли кого могли вести в Энстадт.

– Всех, я три часа бегала, – кивнула Саэли. И добавила намного тише: – Его видели не только торговка посудой и Оура. Марта не уверена, но когда она сети чинила, по мосту под руки тащили старика, а он пытался вырваться. Он был в серой рубашке, Кеар, – умоляюще прошептала она. – Только не говори, что большинство стариков босые и в серой одежде. Дедушка совсем один, ничего не понимает, и без обуви, в одной рубашке в такой холод! Стража может его покалечить! – повторила она с болью.

Вроде в лице Кеара ничего не поменялось, он только плотнее сжал зубы. На высоких скулах проявились желваки. Он медленно встал, а затем присел на высокий – сколоченный под руку и в старости рослого Рора, – подлокотник скамейки. Саэли почти ждала, что брат, как и обычно, отпустит остроумную, саркастичную и по-своему успокаивающую реплику, но тот только прислонился к мореным доскам и долго выдохнул.

Саэли все гнала и гнала страшное предположение, почему стражники могли бы обратить внимание на безобидного старика, да еще не просто оттолкнуть с дороги, если он им помешал, не ткнуть под ребра и не напугать копытами лошадей, а увести с собой в столицу.

Ту самую причину, по которой последнее время Рора, скрепя сердце, брат с сестрой запирали дома, а знакомым говорили, будто дедушка хворает и все время спит. Саэли не решилась бы ее озвучить.

Но Кеару суеверный страх был совершенно чужд. Он говорил, как резали скованные им обоюдоострые ножи:

– В худшем случае, он снова вспоминает о том, как нашел детей графа Вэргос в лесу. Или про свои оранжевые сны. Если подумать, рассказы про детей скорее посчитали бы бредом умалишенного старика. Вряд ли стражники образованны достаточно, чтобы знать наши прежние имена.

«А вот про сны знают все», – повисло в воздухе.

Последнее время ходили слухи, что всех являющих сон истребили во время прошлой «чистки», как король называл события двадцатилетней давности. Тема эта оставалась запретной, и каждый, вне зависимости от происхождения, помнил крылатые слова короля: *«Аспидово семя положено выдирать с корнем»*. Преданные короне фанатики по-прежнему яро искали снотворцев, но уже много лет находили лишь таких – потерявших разум стариков и старух, лепечущих что-то отдаленно похожее на знакомство с темным искусством.

И жестоко расправлялись с ними. Ради безопасности Ауренстадта, конечно. А толпа ликовала: что обрадует больше, чем опасность, которую уничтожают на твоих глазах?

– Его же казнят, – прошептала Саэли.

– Я что-нибудь придумаю, – словно отмер Кеар. Он вдруг потрепал Саэли по голове, совсем как в детстве, когда повторял этот жест за Рором. – Так, Сэл. Я в город. Меня пустят, у меня есть разрешение от мастера Огара. На самом деле, оно на двоих, я хотел тебе вечером показать ярмарку, но прямо сейчас ты со мной не пойдешь, поняла? Собери нам теплые вещи, еду и все деньги, что есть. Рассчитывай, как если бы нам пришлось жить вне дома неделю или больше. Я постараюсь быстро вернуться или с бабушкой, или с вестями.

И снова брат говорил вот так: холодно, прямо и отстраненно! Как и обычно, совершенно не чувствовал, что нельзя озвучивать даже намек на подобное!

Но Кеар всегда знал, что делать.

Саэли проводила его взглядом: как будто совсем не устал после целого дня в кузнице, брат прыгнул с крыльца, в два шага добрался до калитки, на ходу подхватил повод и вскочил в седло лениво жующей сено кобылки. Он направился сразу в сторону тракта, мимо домов Ильмы и Жеара, мимо колодца. Цокот копыт все отдалялся, пока не смешался с далеким грохотом катившихся по тракту телег.

Кеар вернулся к закату.

Саэли, которая к тому моменту уже совсем извелась от тревоги, сразу поняла, что дела плохи: брат остановился у калитки, словно не хотел заходить. Тонкие губы его были крепко стиснуты, лицо казалось серым, а под глазами легли тени.

– Что? – одними губами спросила Саэли, и из ее рта вырвалось облачко пара.

– Мы уходим сейчас же, – мрачно распорядился Кеар. – Вещи собрала?

Саэли не шевельнулась. Только стиснула складку юбки почти до судороги пальцев и кивнула на два походных узла, сиротливо жавшихся друг к другу на крыльце. Ей показалось вдруг, что огненное небо падает на нее и Кеара, плава все вокруг – неотвратно и совершенно беззвучно. Стало совершенно нечем дышать.

– Бабушка? – удалось промолвить ей, но тут Кеар прижал палец к губам.

– Я не знаю, – ответил брат, приближаясь почти вплотную. – Мои знакомые стражники говорят, что сегодня поймали старика-являющего. Но это не все. Один упомянул, что пленник твердил что-то о семье Вэргос, после чего старшина поменялся в лице и увел его во дворец. Солдат смеялся, мол, у старика крыша съехала, а королевским дознавателям теперь разбираться. – Кеар вдруг очень зло, ядовито усмехнулся, и Саэли подумала, что брат решает, как проучить сволочь, посмеившую так отозваться о Роре. Она заметила эту мысль отстраненно и поняла, что иное, сейчас обрушившееся на нее, осознать никак не может. Наверно, так и стояла бы столбом, если бы Кеар не перехватил у нее дорожный мешок: – Поэтому Сэл, бери себя в руки, и пошли. Нам нельзя оставаться.

– Но как же дом? – потерянно просила Саэли, оглядываясь на сад, на скамейку Рора, на столь любимый сердцу пейзаж. – Как же мои книги? Я еще не переписала одну, ее будут искать... И соседи, они же...

В голове вертелось совершенно другое. Но взгляд цеплялся за чуть приоткрытую дверь, за едва заметный в окне рисунок занавесок, за неровности выложенной камнем тропинки к крыльцу. И конечно, за окошко комнаты бабушки: темное, зашторенное, пустое, как слепой глаз.

– Сэл, да приди в себя! – потрянул ее за плечи брат. – Пошли, скорее! Чудо, что они все заняты этим аспидовым праздником, иначе мы уже висели бы на дыбе.

Он потащил Саэли к лошади, и только когда пришла пора забираться в седло, та внезапно очнулась. Слезы текли по щекам. Саэли стерла их ладонями, плотнее завязала теплый платок и ухватила за сильную руку Кеара, чтобы подтянуться в седло.

– Прости, – шепнула она в спину брата, уже направившего лошадь к дороге. – Мы не вернемся, да?

– Я не знаю, Сэл, – отозвался Кеар с досадой. – Стражники хвастались, за две версты по каждой дороге к городу стоят оцепления. Там же поля, незамеченными не пройдем. Сейчас и мышь не проскочит, со всеми этими знатными. Пока предлагаю спрятаться прямо в Энстадте.

– Хорошо, – кивнула Саэли, словно это что-то меняло.

Безумная мысль, что так можно хотя бы попробовать спасти дедушку, ненадолго вспыхнула в ней радостью. Все знали: король не милует. Но если Рора решат казнить прилюдно, она бросится между ним и мечом. Или будет днями стоять на коленях перед дворцом и умолять короля пощадить, заточить в темницу, только не убивать... В сказках это смягчало сердца великих правителей.

В сказках, которые Рор рассказывал ей в детстве...

Брат и сестра выехали на тракт, когда солнце совсем скрылось за верхушками холмов, напоследок подсветив выглядящий причудливым храмом акведук. Сквозь уже остывшие слезы Саэли смотрела на эту привычную, душераздирающую красоту – арки на фоне багрового неба, – и думала, что выросший в деревне и лишь ради названных детей решивший поселиться у города дедушка Рор, так восхищавшийся пейзажем, возможно, больше никогда не увидит, как за акведуком заходит солнце.

Вдруг что-то грохнуло, Кеар резко натянул поводья, уводя вправо, и лошадь шарахнулась, застывая с недовольным храпом. Сердце сделало кульбит, и, пусть с трудом, но и с радостью отвлекаясь от своих тяжелых дум, Саэли схватила за пояс брата крепче.

– Сказал же, дорогу освободить! – раздался далекий крик.

А за ним – ржание лошади, стоны и всхлипы.

– Еще один, – презрительно выплюнул Кеар. Голос его сочился ядом. – Нет, ты только посмотри. Он едет, а остальные недостойны глотать пыль из-под его копыт. Разбегайся, презренная чернь.

Саэли чуть отстранилась, чтобы кинуть взгляд на тракт, и сразу же поняла, что вызвало негодование Кеара. С дороги сошла телега – теперь она лежала в неглубокой канаве боком. Из низких бортов на сухое каменистое дно канавы высыпалась, побившись, разномастная керамическая посуда. Женщина и мужчина, завалившиеся вместе с мисками и чашками, вроде были целы и выбирались из-под черепков, хватаясь друг за друга, как утопающие.

Паренек помоложе, наверно, их сын, до того явно сидевший на козлах, поднимался, потирая осадненное плечо через разодранную куртку. А вот покалеченная ударом длинной пики под колено чахлая кобылка осела, неестественно вывернув копыто, и только как-то по-детски отчаянно и непонимающе глядела, как мимо мчится колонна холеных скакунов в сине-серых пополах.

Остальным путникам повезло больше: убравшись с дороги на обочины, а то и по канавам, они успели пропустить дюжину всадников, сопровождавших широкую карету и расчищавшую себе таким образом путь.

Мужчины обнимали жен, прятали за спины подростков. Путники притихли, пригнулись, боясь даже глядеть на дорогу и проносившихся мимо господ. Похоже, кто бы ни сидел в простой на вид темной карете без стекол, он был куда важнее, чем все эти люди вместе взятые, а его время стоило дороже, чем все, чем они жили.

– Серый и синий, – хмыкнул Кеар, едва сдерживая ненависть. – Его сиятельство граф Лестос собственной персоной. Интересно, его воины соревнуются, сколько жизней разрушили по пути от Холодного Пика до столицы, или у них еще какие развлечения?

Кавалькада пронеслась мимо Кеара и Саэли, обдав холодным воздухом и запахом лошадиного пота. Саэли бездумно проводила ее глазами, зацепившись лишь за белое пятно: среди

воинов каким-то чудом затесалась статная светловолосая женщина, поверх кожного доспеха которой бился светло-серый плащ. Лишь она не носила головного убора, будто ей не было ни холодно, ни опасно оставаться без него.

Одетая в мужской наряд, всадница ловко лавировала между остальными воинами, не придерживая галопа и смещаясь к краю. Когда она поравнялась с раненой лошадью торговцев посудой, то сделала быстрое движение вниз, разя животное тонким длинным мечом. Вскрикнула женщина, упал вместе с нею за борт телеги ее муж, и лошадь дернулась и затихла.

А жуткая всадница широко улыбнулась, будто сорвала на скаку цветок, и, перебросив через плечо светлую, на северный манер скрученную косу, с лязгом убрала окровавленный клинок в ножны, прибавляя шаг.

Никто и слова не сказал. Не посмели. Даже бедные хозяева лошади только пригнули головы ниже.

Взгляд онемевшей Саэли метался по дороге: на лицах читались лишь испуг и покорность.

Глава 2. Каждый однажды засыпает (Ноам)

«Как иронично: я был историком королевских родов прежде, чем оказаться здесь. Со времен первого короля – просвещенного Фариана Аморвеса из рода Ищущих Звезды. И во времена его преемника, верного Аргаша Нургоса из рода Ратного Меча, захватившего половину континента и заставившего весь мир уважать нас. И во времена Лайола Сакриса из рода Грозы Времен, развивавшего науки и искусство, подарившего нам богатую культуру и не менее богатые знания школы. И следующего за ним Альвиана Вэргоса из рода Светлого Пути, миротворца. И Одарио Аморвеса, и Виаго Сакриса, и последнего настоящего короля – Пелрана Энклира из рода Нежного Шелка, присоединившего к нам Холодный Север... Никогда еще уничтоживший знатные рода бесталанный самозванец, сын дворовой девки и коноха, не сидел на троне. И никогда еще Ауренстадт не шел по пути Аспида. Аспид сеет страх, и страх – величайшая его сила. И каждый, кто страхом сковывает других, служит ему, зная или не зная своей присяги. Паника оупляет совесть, а ужас за близких оправдывает любое предательство. И сдается мне, его величайшая победа ныне, когда Голодные Тени истреблены, – здесь. Устами самозванца объявить поле боя за наши души – мир снов – лишь своей вотчиной, а воинов, способных дать отпор, – злом во плоти. Кто бы ты ни был, читающий эти строки, задумайся над моими словами. Хотя бы ты один... Впрочем, я этого уже не увижу».

Из надписей, нацарапанных на обратной стороне металлической кровати королевской темницы и счищенных бдительными стражниками. Автор неизвестен.

«Каждый однажды засыпает», – так говорил учитель с едва заметной усмешкой, от которой даже у Ноама кровь стыла в жилах. В эти моменты он понимал, почему учителя избегает даже Голодная Тень.

Каждый, пусть и противящийся сну, засыпает – и оказывается во власти того, кто являет его сон.

Каждый непокорный засыпает – и душа его открывается пытливому, беспощадному взору учителя, как исписанная детскими каракулями книга, из которой так легко вырвать страницы или переписать текст.

Каждый волевой гордец засыпает – и больше не владеет собой.

И остается только воля являющего сон.

А среди являющих сон никто не мог сравниться в темном искусстве с Дэймаром Лаэром Лестосом, графом Северных земель и Холодного Пика, которого Ноаму повезло называть учителем.

И необразованные хлебопашцы, и храбрые вояки, и знатные землевладельцы из поколения в поколение передавали друг другу искаженные, нелепые знания о том, как защититься. Они раскладывали вокруг ложа букетики из сухоцветов, оставляли тлеть в медных чашах травяную смесь, приговаривали молитву Творцу и накидывали поверх одеяла плетеное уздами покрывало.

Люди боялись. Но, оупленные страхом, не задавали себе самых главных вопросов.

А Ноам знал большинство ответов.

Частично их знал и обязанный темному искусству тронном король-самозванец. Знала являющая-королева, знали большинство глав знатных родов Ауренстадта, получивших власть и земли благодаря передававшимся в их крови слабым талантам к явлению сна, знали церковники. Но все они молчали, опасаясь кто за свою жизнь, кто за власть – и реальная опасность приобрела карикатурные до нелепости черты, обросла мифами и надеждами на смерть всех одаренных.

Подумать только: это и правда сработало!

Поддерживаемое жадным до власти монархом варварство, укрощавшее толпу, сделало из таланта преступление, наказания за которое избегали лишь *свои*.

Впрочем, Голодные Тени не появлялись в Ауренстадте уже двадцать лет. Может, они питались там, где являющие сны еще остались, но Ноам сомневался в этом. Даже та самая Голодная Тень, последняя, пряталась где-то в пустоте чужих кошмаров, а значит, отступила. Это можно было счесть победой

– Так он согласился встретиться? – обычно грохочуще-высокомерный, а сейчас пропитанный скрываемым страхом голос всевластного монарха Деаго Сакриса едва заметно дрожал. – Что твой учитель ответил? Он же уже в столице? Да говори же!

Кажется, на резной поверхности серебряного кубка, который Деаго стискивал в пальцах, образовались вмятины. Король был напуган, а оттого впал в еще большую ярость. Тяжелый нрав его величества, заостренный сосредоточенной в руках абсолютной властью, был известен каждому в Ауренстаде. Монарха не зря боялись уже двадцать лет.

И находиться сейчас рядом с ним было по-настоящему жутко: скорый на расправу, он не раз рубил головы слугам лишь за то, что попались под горячую руку.

«Я – не его слуга, – напомнил себе Ноам, не сумев выдержать тяжелого взгляда голубых водянистых глаз и делая вид, что заинтересован орнаментом на столешнице. – Я – ученик и воспитанник графа Лестоса. Деаго не захочет гневить того, кто ему так нужен».

– Сказал, что ваше величество может не утруждать себя визитом, граф посетит дворец сам, – послушно ответил Ноам, облакая в вежливую форму куда более пренебрежительные слова, которые бросил ему господин.

Не стоило злить короля Деаго сильнее. Графа Лестоса он упрекнуть не посмеет, а вот Ноаму головы не сносить.

– Хорошо, – со звоном поставил король на столик многострадальный кубок, и остатки вина плеснули через край, таким резким было движение. Молчаливая невидимка-служанка тут же промокнула пятно небеленым хлопком и исчезла, не привлекая к себе внимания: король не терпел ни грязи, ни лишней суеты. – Но я жду его сегодня!

– Милорд явится ближе к ночи, – поставил Ноам в известность своего собеседника, и лицо не спавшего двое суток короля снова исказилось, но уже не гневом, а досадой.

Еще бы: ночной визит означал нарушение любых правил этикета и, по сути, являлся плевок в лицо тому, кто контролировал все вокруг с рвением обстоятельного и самоуверенного параноика. Деаго, привыкший считать себя чуть ли не наместником Творца в захваченном им Ауренстадте, раз за разом сталкивался с тем, что граф Лестос делал то, что удобно ему, и тогда, когда удобно ему, не утруждаясь ни объяснениями, ни сохранением лица монаршей семьи.

Должно быть, всякий раз это оказывалось сродни болезненному удару по непомерному самолюбию монарха, и хорошо, что удары эти обычно оставались за закрытыми дверями, как сегодня.

Королева-змея Лианари могла шептать своему супругу, что однажды владыка Севера короне более не понадобится, и что его – великого монарха Деаго! – рука прервет жизнь Дэймара Лестоса, как только тот перестанет быть полезным. Может быть, Деаго даже верил в это в глубине души.

Однако стоило графу Лестосу появиться – и все вставало на свои места. Скорее трон опустел бы, чем Деаго Сакрис убил своего благодетеля, которого по какому-то недоразумению продолжал считать подданным.

*** Просьба

Почти десять часов спустя двери предспального зала распахнулись, пропуская внутрь троих. Впереди вежливо семенил мальчишка-камердинер, лишь пару дней как сменивший на службе заснувшего на посту и потому брошенного в каменный мешок для исправления отца. Учитель не следовал за ним – скорее, он просто появился из оранжевой от факелов тени коридора и широким шагом пересек зал, не обращая внимания ни на убравшегося с его пути слугу, будто того и не было, ни на Ноама.

Темно-синие глаза Дэймара Лестоса скользнули по спешно вскочившему ему навстречу монарху, затем – по небрежно и обольстительно изогнувшейся перед трюмо королеве. Вот учитель Ноама усмехнулся самым уголком губ, заметив, как та подняла подбородок, делая вид, что ей все равно, и снова обратился взглядом к рослой и округлой фигуре Деаго.

За плечом учителя, скрипнув кожей колета и брюк, застыла Индивиди – вторая слуга и ученица графа Лестоса, венчанная жена самого Ноама. Она заметила мужа, подмигнула ему, будто и не было трех недель вынужденной разлуки, и небрежно перебросила за спину толстую светлую косу. Сердце Ноама сжалось от радости.

– Лорд... Его сиятельство Дэймар Лаэр Лестос, граф Северных земель и Холодного Пика, – громогласно объявил слуга, путаясь в обращениях, что, конечно, являлось непростительной ошибкой. – Яд-ядовитая Тень, – еще и споткнулся он на необычном титуле гостя и весь поджался, будто ожидая удара.

Многие боялись произносить необычный титул семьи Лестос. Он звучал куда менее невинно, чем титулы остальных знатных семей: на фоне «Грозы Времен» Сакрисов, «Ратного Меча» Нургосов, «Нежного Шелка» Энклиров и даже давно потерявших влияние «Ищущих Звезды» Аморвесов, «Ядовитая Тень» звучала пугающе. Может, недалекий камердинер даже считал титул оскорбительным и боялся кары.

Индивиди прыснула, делая вид, что закашлялась. Этот розовощекий и перепуганный до икоты мальчишка в расшитых металлической нитью панталонах разве что не писался со страху, как маленькая дрожащая собачонка. То, как он тянул вперед тощую куриную шею, и правда выглядело потешно, но куда смешнее был официальный тон в столь далекой от церемоний обстановке.

В недоступных, защищенных, как крепость, покоях всевластной королевской четы. Там, куда не было ходу ни вельможам с их манерностью, ни советникам, ни родственникам. Допустить гостей в зал, за которым уже начиналось спальное крыло, было неслыханно. Да еще глухой бокой, глухой ночью.

– Да, да, прочь, – махнул рукой король. Он бросил на Индивиди недовольный, но, похоже, совсем не испугавший ее взор, и промолчал, сдвинув густые светлые брови. Только добавил раздраженно: – Нашел когда горланить, идиот. Все прочь!

Мальчишка сориентировался быстро: его тут же как ветром сдуло. Вслед за ним медленно, глухо звякая металлическими латами, покои короля и королевы покинула угрюмая стража – Ноам заметил, что детины, не сговариваясь, обошли графа Лестоса, словно вокруг того раскинулась сфера пламени. Последней из сапфировой гостиной выпорхнула миловидная пухленькая служанка королевы. Убегая, она исподлобья заинтересованно глянула на знатного гостя, вспыхнула краснотой, потупилась и неслышно притворила за собой дверь.

По-прежнему не приветствуя взволнованного монарха, граф Лестос кивнул своей ученице – и Индивиди тут же встала у проема, словно охраной теперь стала она.

Трещал духотой камин. В покоях королевской четы было очень жарко и совершенно неподвижно: даже пламя многочисленных свечей не дрожало. За окнами, наглухо закрытыми тяжелыми бархатными шторами, вился первый снег.

– Мой дорогой друг! – протянул король к неподвижному, с прежней почти незаметной ухмылкой наблюдавшему отчаяние монарха графу раскрытые ладони.

Но тот не подался ему навстречу, даже головы не склонил.

– Ваше величество, – прозвучал его низкий, чуть насмешливый голос, и Ноаму почудилось, что Деаго как-то померк.

Неслыханно! Произойди такая сцена на глазах у толпы, король потерял бы значительную часть авторитета, и по стране вновь прокатилась бы волна показательных кровавых репрессий – единственный известный Деаго способ вселять в подданных уважение.

Продолжая наблюдать за тем, как гордый монарх пытается наступить себе на горло и попросить помощи снова, не дожидаясь дозволения, словно был у себя дома, граф Лестос, сбросил на фигурную софу тяжелый черно-синий плащ, обитый мехом, оставшись в рубашке и камзоле без рукавов. Блеснула витая гарда над длинными ножнами: конечно, граф Северных земель не посчитал нужным сдать свой меч-скьявону при входе во дворец. Еще одна неслыханная наглость, которую король будет вынужден проглотить.

Королева прикусила губы, будто ошеломленное лицо мужа доставило ей удовольствие.

– У тебя не забрали оружие, – оскалился король, и Ноам подумал, что стражам конец.
– Друг.

Несмотря на рост и широкую спину Деаго Сакриса, он смотрелся как громадная аморфная тень, тогда как граф Лестос – высокий, широкоплечий, жесткий и прямой, как клинок на его поясе, выглядел высеченным из обсидиана.

– Ты не дал им таких полномочий, – заметил граф Лестос, словно за этим стояло что-то большее. – Нет смысла переживать об этом, ваше величество.

Даже назови он монарха по имени, не прозвучало бы так пренебрежительно, как самое уважительное из обращений, произнесенное с подобной интонацией. Ноам представил, как учитель достает клинок из ножен и одним мощным ударом пригвождает раздобревшего за годы правления Деаго к золоченой панели стены, и плотно сжал губы, чтобы не засмеяться, что тут же заметила поднявшая брови Индивиди.

И Деаго Сакрис улыбнулся сквозь стиснутые зубы, проглатывая унижение и переплетая пальцы обеих рук в замок, словно и не ждал приветственного рукопожатия. Ноам почти слышал, как у грозного короля от напряжения с хрустом трескается позвоночник.

Показное радушие, несмотря на все, стоило многого – и говорило о еще большем.

Король не приказал владыке Северных земель явиться – испуганный, растерянный, Деаго умолял Дэймара Лестоса об этом. Но и эта правда оставалась здесь, за закрытыми дверями.

– Спасибо, что пришел, невзирая на спешку. Дочери Творца милостивы ко мне, раз я застал тебя в столице в такой момент. Не стоит объяснять тебе, что значит осторожность. Никто не должен знать о твоём визите сюда, тому масса причин. Нам нужно избежать паники.

– Деаго, – вдруг оборвала мужа королева, до того сохранявшая молчание. Она изящно поднялась с инкрустированной лазуритом софы, проплыла жемчужной шелковой тенью через полумглу и, остановившись в пятне оранжевого света, склонилась перед графом Лестосом в легком реверансе. Драгоценные бриллиантовые нити на шее и запястьях Лианари переливались, как живые, но куда ярче блестели холодные, как лед, глаза. Округлый живот под легкими складками был почти незаметен. – Мой супруг и я снова просим помощи, ваше сиятельство. Разрешите не тратить время на пустые формальности и перейти к делу. Ваши слуги останутся?

– Добрый вечер, Лианари, – кивнул граф. – Ученики – мои тени. Пусть они вас не беспокоят.

Как и обычно, королева глядела на него с почтением и обожанием, какого за недели во дворце Ноам никогда не читал в ее взгляде на супруга. И обращение – «ваше сиятельство» – словно она сама была какой-нибудь баронессой, дочерью риттера или даже эдле, а не королевой!

Ноам предполагал, что ее величество тянулась к силе, которую ощущала почти звериным чутьем: из всех людей в этой комнате, в этом крыле, в этом замке Дэймар Лестос являлся самым опасным не только потому, что мог во сне убить любого. В руках владыки Северных земель за последние двадцать лет скопилось столько нитей, что, реши он объявить переворот, многие бы даже не стали спорить, а просто последовали за ним, как послушные марионетки.

И если Деаго, обычно не признававший ничьей силы, кроме собственной, предпочитал обманываться и считать графа другом, чтобы не сталкиваться с ним напрямую, то королева, знавшая Дэймара Лестоса лучше, казалась более прозорливой.

А Индивид ставила свой любимый кинжал, что ее величество просто влюблена. Когда она доказывала это Ноаму, тот даже ревновал, столько аргументов у обычно циничной Индивид находилось за. Жена приводила в пример и вечно добивавшихся внимания господина знатных леди, и ощущение, что мир застывает, когда он входит в комнату, и то, как чуть алеют фарфоровые щеки ее величества, когда граф Лестос усмехается, походя ставя ее на место.

«А кого еще любить королеве при муже-тиране?» – доказывала она Ноаму. – *Разве есть еще хоть кто-то, кто в ее глазах мог бы быть лучше мужчины, что у нее уже есть? Ты знаешь кого-нибудь равного господину? Мы, женщины, тонко чувствуем подобное. И Ноам, ты вряд ли поймешь, как может распалить холодность и сила, сплетенные вместе. К тому же он очень, очень красив, уж поверь мне».*

Если бы Индивид не выражалась так прямо, Ноам решил бы, что это его возлюбленная потеряла голову от близости учителя – и старался об этом не думать, убеждая себя, что такую тайну женщина хранила бы в сердце, а не трепала языком. Да и граф, к счастью, не оказывал Индивид подобного внимания.

Так или иначе, ее величество держалась достойно. Но и глаз с графа Лестоса не сводила. Пухлые губы королевы алели влагой, а голос звучал с придыханием, чуть хриловато, словно она не рассказывала, а ласкалась издаваемым звуком:

– Как вы уже наверняка знаете от ученика, почти десяток служащих короне являющих нашли мертвыми. В прошлую ночь погибли еще двое, что почти опустошило этот ценнейший ресурс. Мы становимся уязвимыми.

– Лианари! – возмущенно перебил ее Деаго. Похоже, король был против того, чтобы рассказывать графу Лестосу о печальном положении дел открыто. – Не утрируй! Друг, к тебе являлся кто-то... такой?

Предположение было смешным: никто в своем уме к учителю бы не сунулся. Граф Лестос даже не удостоил вопрос вниманием, а королева и бровью не повела, продолжая:

– Смертей среди черни в этот раз нет – или их тщательно скрывают. Главы слабо одаренных родов напуганы за свои семьи и ждут нашей защиты, которую предоставить мы не можем, как и объяснить им происходящее. Скоро они поймут, что власть осталась лишь в их руках. Еще хуже, если они решат обратиться за помощью в Каладар или Таргасию, а это уронит наш международный авторитет. До этого необходимо быстро принять несколько непростых решений, которые во многом зависят от вашего участия. Поначалу мы посчитали происходящее повторением старой трагедии и приготовились просто пережить, однако сегодня все поменялось. Тайная служба привела к нам потерявшего разум старика. Он родом из Западных земель. И называет имена, которые уже долгие годы должны быть забыты. Бредит, что отпрыски семьи Вэргос не только выжили, но и знакомы ему. Зовет Творца и между молитвами лепечет тайны, которых простой полоумный бродяга знать не может. – Лианари немного помедлила, переводя дыхание. – Сам старик когда-то был являющим, я готова поручиться за это, но сейчас он пуст. Боли и даже кошмаров он не боится, и я исчерпала все средства, чтобы заставить его говорить. Мои люди посетили его дом – совсем рядом, в селении по ту сторону реки. У него было двое внуков, которых не оказалось, когда их решили разыскать.

– И в чем же срочность? – усмехнулся граф, обводя красноречивым взором ночные покои королевской четы. – Хотите, чтобы я решил, что делать с недовольными баронами? Или, может, пытал старика?

Это звучало, как насмешка. Только граф Лестос мог озвучить подобное тем же тоном, каким сам монарх мог бы осведомиться, не ждут ли от него мытья ночных горшков.

– Старик совсем плох и едва ли доживет до утра, – небрежно, но как-то суетливо заметила ее величество. – И никто не знает, что он тут. Буквально тут, в моем будуаре. Он выпил столько отвара сонной травы, что не приходит в себя. А я не могу добиться от него нужных сведений! Дэймар, насколько сильны должны быть эти дети, если по трагической оплошности им дали вырасти? Только Вэргосы умели приходить в сны к *любому*, не нуждаясь в маяках и физической близости, верно? А если это не Тень? И все идет по простому плану? Я и сама поступила бы так. Сначала убрала бы тех, кто может защитить моих врагов. Затем начала бы мстить семьям, сдавших моих родителей. А после расправилась бы с королем. – Лианари подняла узкие ладони, с трудом сдерживая дрожащий в нетерпении голос. – Да, знаю, есть шанс, что это не они. В этом случае, мы уже потеряли всех являющихся, так что Вэргосы нужны нам, и срочно! Их можно обучить и убедить помочь, ими можно откупиться от Тени, в конце концов! Все сводится к ним. А этот полоумный молчит!

Изящный и прямой стан королевы, облаченный в серебряный атлас и бриллианты, напоминал идеально заточенный, отполированный о плоть стилет. Безусловно, ее величество королева Лианари являлась одним из самых увлеченных и безнаказанных палачей всего Золотого королевства. Ноам ни на секунду не усомнился бы: эта беременная женщина лично пытал старика и кошмарами, и огнем.

Лианари была младше мужа почти на пятнадцать лет, но невоздержанный на язык и расправу бывалый вояка Деаго считался с ней, как с равной. И сейчас он молчал, только ходили на скулах желваки от тщательно скрываемой ярости. Может, Индиви была права, а король все понимал?

– Вы, вероятно, уже попробовали проникнуть в его разум? – осведомился граф у королевы Лианари, неспешно обходя ее. – Не бойтесь таинственного убийцы, Лианари?

Вслух предположить, что сама королева обладает даром являющего сон, было сродни обвинению в страшнейшем грехопадении и одновременно признанием невозможного. Но после откровений ее величества привычные правила не действовали.

Королева медленно отбросила назад темные пряди и повернулась за графом Лестосом, как подсолнух за солнцем, не отрицая:

– Разумеется, я не боюсь. А он безумен. Даже во сне повторяет и повторяет свое собачье имя. И имена спасенных им детей – Асэлиари и Акеар Вэргос. И больше я ничего не вижу. – Она подняла острый подбородок и встретила с графом глазами. – Но я стократно слабее вас. Как и все наши являющие, как и ваши ученики. – Лианари долго выдохнула полуоткрытыми губами, и Ноам окончательно уверился в правоте Индиви. Королева же продолжила: – Воины уже оцепили все деревни рядом с Энстадтом, но у них должен быть явный знак, кого забирать.

– Расспросите соседей.

– Расспросили. Художник нарисовал портреты. Округу уже обыскивают. Но я предполагаю, Вэргосы прячутся в городе. Здесь собралось несколько тысяч человек. Ворота мы контролируем, и на каждах я посадила к страже по одному такому, хорошо знавшему Кеара и Саэли, – так их теперь зовут, – соседу, чтобы смотрели в лица отбывающим. – Лианари улыбнулась. – Впрочем, это все ненадежно, люди вообще ненадежны. А мы не можем держать город закрытым долго. Раз дети отступников нужны нам живыми, граф, требуется и своего рода печать, что-то, что выделит их из толпы и не позволит дальше скрываться, но не убьет. Или чтобы они сами пришли во дворец, повинувшись вашей воле. Если найдем их в течение праздничной недели,

ваше графство увеличится за счет пашен на западе, двух перевалов на востоке и серебряного рудника на юге.

Ноам чуть не присвистнул. Ничего себе! Да они в отчаянии! Интересно, чего ее величество хочет больше – чтобы во всем виноваты оказались Вэргосы или чтобы это были не они?

– Сомневаюсь, что остальные графы в курсе вашего предложения.

– Каждая графская семья, не задумываясь, отдаст свои земли ради вашей помощи, Дэймар.

– Они сделают то, что прикажу я, – подал голос Деаго. Наконец он встал между Лианари и графом Лестосом, блестя улыбкой, за которой крылась уязвленная гордость и едва контролируемая ярость. – Не нужно забывать об этом. Щедрое предложение за... что бы ты там ни делал, друг.

Интересно, насколько хорошо Деаго знал о том, *какая* являющие находят сны? Смог ли слепой король сложить два плюс два, как Ноам, когда королева призналась, что ничего не боится – фактически, что рассчитывает на защиту графа Лестоса, – и предположить измену? Ведь являющие могли найти сон лишь того, кто был с ними эмоционально связан долгое время, а Голодная Тень избегала Дэймара Лестоса.

Так или иначе, Деаго выбросил руку вперед, надеясь, вероятно, положить ее на плечо собеседника в почти покровительственном жесте. Но не успел: граф сделал шаг, но не назад, а вперед, оказавшись с королем лицом к лицу, и Деаго растерянно отпрянул, сжимая кулаки.

И в этот миг Ноаму стало страшно. Вдруг все, что казалось смехотворным, превратилось в чудовищное, сокрываемое, опасное – и особенно унижение короля. В конце концов, если Деаго Сакрис отдаст приказ казнить каждого, кто наблюдал за его слабостью и унижением, и стража решит убить графа Лестооса и его слуг прямо здесь и сейчас, что они смогут сделать?! Даже такой мастер клинка, как учитель, даже ловкая, как лесная кошка, Индиви! И что уж говорить о самом Ноаме...

Внезапно свет свечей показался тусклым. За окном из-за туч выползла и высветила из темноты серебряные волосы учителя луна, и стало как-то совсем тихо.

– Ты, должно быть, забыл, о чем твоя супруга просит, – хмыкнул в этой тишине граф Лестос, будто злость короля Деаго его забавляла. – И что на кону. Впрочем, все это мало меня интересует, – шире улыбнулся он.

– Деаго, – предупреждая, вполголоса бросила королева.

– Королевству нужна твоя помощь! – то ли прося, то ли требуя, выкрикнул король. Он с силой огладил светлую бороду, будто пытался стянуть с себя лицо, как маску. – Ауренстадт под угрозой! Хочешь моего унижения, Дэймар?! Ты знаешь, что значат эти новости. Я – не Лианари и не верю, что необученные дети способны на подобное. А вот в международный заговор я верю, как и в эти твои Тени. Мы на грани очередного хаоса, – выплюнул он с яростью. – Воскресших Вэргосов нужно заставить помогать или убрать с доски совсем. А останутся на свободе – увидят нашу слабость, воспользуются моментом, если не совсем дураки. И со временем пошатнут власть короны и перебьют оставшихся знатных одного за другим. Думаешь, избежишь этого? После всего, что *лично ты* сделал семье Вэргос двадцать лет назад?!

Последние слова он прокричал почти пренебрежительно.

– Сбавь тон, – просто сказал граф, и Деаго вдруг отступил, стискивая зубы. – Я помогу. Цена будет иной. Моим войскам нужен особый статус, как королевским. Чтобы ни одно графство не смело препятствовать их передвижениям и расположению лагерей.

– Это... – выдохнул король. – Ты хочешь убить меня? Занять трон? Ты...

Не нужно было не то что быть королем, даже разбираться в политике, чтобы понимать: запрошенное чрезмерно, и, подписав соответствующий указ, Деаго фактически позволит владыке Северных земель взять под контроль все королевство. Ни один монарх в своем уме не одобрил бы подобного, как не отдал бы корону по своей воле.

Тем более, склонный к паранойе Деаго, окончательно терявший самообладание, когда чуял запах измены.

– Нет.

– Ты!.. Как все они!

Деаго бросился вперед, занося громадный кулачище, но граф ушел от его атаки, одним быстрым движением выхватывая из ножен узкий меч и пронзая им рукав и кусок ворота короля так, что последний оказался пришпилен к резному гардеробу, как бабочка с заломанным крылом.

Охнула королева, весело хмыкнула Индиви.

Обнажить оружие в присутствии короля! Проткнуть ворот его рубашки, чуть не задев горло! Унизительно прибить в нелепой позе к стене! Ноам, кажется, перестал дышать. Казнят, этой же ночью казнят! И учителя, и Индиви, и его самого. Вывесят на стену на потеху грифам!

Разъяренный король кинулся вбок, раздирая о клинок ткань – и тут же был остановлен простым, безболезненным, но не менее унижительным захватом.

– Оставь свою паранойю для других. Я могу убить тебя сейчас, мог убить вчера, позавчера и каждый день, что ты сидишь на этом троне, – проговорил граф Лестос негромко. Затем хват его стал жестче, и Деаго зарычал от боли выворачиваемого запястья. Кинжал, который уже как-то оказался в руках Дэймара, поднялся от шеи монарха и коснулся щеки у самого глаза, тут же расширившегося и быстро заморгавшего. – Если бы мне нужно было что-то твое, оно уже было бы моим. И именно поэтому я – единственный, в ком ты можешь быть уверен, Деаго. Так что возьми себя в руки и не лишайся единственного союзника, который позволяет тебе удерживать власть.

Легкое движение руки – и кончик кинжала, так и не поранив затихшего монарха, с лязгом пронзил металлический завиток орнамента рамы зеркала и остался торчать прямо в центре золотой розы. Деаго с силой рванулся вперед – граф Лестос отпустил его, – и выдрал оружие вместе с куском лакированного красного дерева, тяжело дыша, словно только что бежал. Губы его едва заметно дрожали, на лбу блестел пот.

Не дожидаясь ответа, не спрашивая, где держат пленника, Дэймар Лаэр Лестос повернулся к его величеству спиной, словно не видел более никакой угрозы. И двинулся вглубь зала, к высокой двери с латунными ручками, будто и покои, и весь дворец уже принадлежали ему.

– Ноам, за мной, – приказал он ученику через плечо, и Ноам, подорвавшись, бросился за ним. – Тебе нужно тренироваться.

– Чтобы все было сделано чисто! – со звоном кидая кинжал на пол, крикнул Деаго вслед являющему, которого боялся до дрожи. И тихо, чтобы тот не мог расслышать, добавил, как раз когда Ноам проносился мимо него: – Иначе вздерну на стене.

– Мы согласны, – куда громче ответила за супруга Лианари. – К моменту, как вы закончите с этим Рором, ваше сиятельство, указ будет готов.

Глава 3. Семья (Саэли)

«Творец – это все вокруг и даже больше, ядро и мякоть нашего мира. Дочери его, Агрانا и Кута – воплощения великих сил, которые мы способны понять, – созидания и беспристрастной истины. Но и Аспид – оборотная сторона Творца, несущая хаос и разрушение. Аспид погружает людские души в хаос, ослепляя их страхом и питая ненавистью. Агрانا защищает нас, а Кута удерживает баланс. И там, где владетель вечного холода создает из людей голодных чудовищ, богини подарили нам дар явления сновидений, чтобы защититься. Несколько семей были благословлены на борьбу особыми талантами. Благодаря им мы еще здесь – и имеем выбор, по какую сторону быть. Но горе нам, если хотя бы один представитель великого рода являющихся перейдет на сторону Тьмы, нарушая баланс!»

Ученый-церковник эпохи правления первого короля – Фариана Аморвеса из семьи Ищущих Звезды.

Услышав громкий вдох, Саэли напряженно вгляделась в лицо брата.

Кеар очнулся ото сна, словно вынырнул из глубокой воды: задыхаясь, хватая ртом воздух. Несколько мгновений он невидящими глазами всматривался в пустоту, будто не мог прогнать им же созданный образ, но спустя пару секунд медленно несколько раз моргнул и с силой сжал пальцами виски, приходя в себя.

Лицо брата смотрелось в темноте серым, почти бесцветным. Вьющиеся темные волосы, которые он, как и обычно, скрутил в петлю на затылке, разметались по грубой дощатой стене и сейчас обрамляли его узкое лицо с высокими скулами, как черный нимб. Он выглядел почти смертельно измотанным. Но почему? Заглянуть в сон бабушки никогда не было сложно! Может, Рор совсем плохо себя чувствовал?

И еще до того, как Саэли, державшая его руку, успела рот открыть, Кеар первым спросил: – Сэл, ты как?

– Я как?! – возмутилась она. – Ты как? – Брат хмыкнул, словно это было неважно, и Саэли добавила: – Как бабушка? Ты же нашел его, да? Тебя долго не было. Тебе удалось хотя бы успокоить его? Сказать, что мы идем?

Кеар сел прямее, как ни в чем не бывало размял шею. Его движения выглядели демонстративно небрежными, как и обычно. Вот только Саэли напряглась лишь больше: брат явно скрывал, что очень, очень устал. И ладонь, которую она держала на случай, если придется выдергивать его из сна, была совсем ледяной – плохой признак.

Саэли поворошила угли в небольшой яме – в ставшем им укрытием полузаброшенном портовом складе, к счастью, оказался земляной пол, – и подкинула в пламя еще одну полусгнившую доску: Кеару обязательно нужно согреться. Сегодня, как назло, все-таки ударил мороз, и стоило немного удалиться от огня, изо рта начинал идти пар. Горячая еда была бы кстати. Но дорожный мешок пришлось оставить на мосту: страже не понравилось, что кузнецы несут припасы – или они просто сами хотели есть. Так что ужином стали вяленое мясо, которое Кеар купил у лоточника, и несколько найденных здесь полусгнивших картофелин, давно уж запеченных и съеденных.

– Даже не знаю, с чего начать, – протянул Кеар мрачно. – Во-первых, хорошо, что пошел я, а не ты. Бабушка сейчас спит, с ним все более-менее в порядке, насколько я могу судить. Во-вторых, я был там, как бы, не один. Помнишь, мы сокрушались, что не знаем других являющихся сон? И еще предполагали, что они могут быть хорошие, как мы? Так вот, я больше сокрушаться не стану.

– Ты видел другого являющегося? – прижала Саэли пальцы к губам. Дыхание ее замерло, даже сердце пропустило пару ударов. На миг она даже забыла о Роре. – Их же не осталось! Кого? Он представился? Как он оказался во сне бабушки?!

– О, это совершенно восхитительная сволочь. Она не мужского, а женского пола. Во сне разряжена в жемчуг и шелк, а под кожей будто чешуя блестит. И знаешь, рассказы о последователях Аспида, ради своего господина пытающих и сводящих с ума, начинают для меня приобретать некоторый смысл. И да, она прямо представилась. Не мне, конечно, а Рору, когда пыталась вытащить из него все о нас. Она – королева, Сэл, по крайней мере, так зовет себя. Королева Лианари Сакрис. И очень хочет знать, куда делись дети Вэргос и откуда они знают, кто служит короле.

– Ч-что? – только и сумела вымолвить Саэли.

Это звучало как абсолютный, невозможный бред. Такой, что как его ни крути, в голову не уложить. Саэли вдруг ощутила вкус металла и поняла, что прикусила щеку изнутри до крови. Королева.

Где-то вдалеке гремели фейерверки и музыка: жители столицы всюду гуляли. Из бывшего оконного проема Саэли могла видеть только темную воду – и к лучшему: если бы сейчас ей пришлось наблюдать всеобщую радость по поводу беременности истязавшей ее бабушку Лианари Сакрис, то это стало бы пыткой. Былые мечты о ярмарке теперь казались чужими и смехотворными.

– Знаю. Тоже сначала решил, что лжет. Но подумай: дед во дворце. Не так уж это невероятно.

Саэли поджала колени к груди. Сердце рвалось наружу.

– Но тогда она знает, и его величество тоже, – прошептала она. – Что мы – не приспешники Аспида. Что не нужно нас убивать. Почему же?..

– Почему же последние двадцать лет великий монарх казнит даже за упоминание об этом? – поднял бровь Кеар. – Может, это для него новость? Ну ты и наивная, Сэл, а еще столько книг переписала. А знаешь, было бы даже здорово, окажись его величество не в курсе. Королева-являющаяся. Кстати, слабая и глупая. – Кеар закинул запястье за голову, будто прилег отдыхать. – Цвет – что-то среднее между болотным и серебряным. Я закрыл деда, и она общалась с созданной мною иллюзией, думая, что допрашивает его. Угрожала, проклинала, пыталась испугать и пообещать помощь. Даже не заподозрила. – Он немного помолчал. – Нет, только подумай. Мать наследника, в честь которой закатили недельный пир. Это столь иронично в Ауренстадте, где за подобное зверски вешают, режут и сжигают, что я бы смеялся, узнай в другой обстановке. Теперь мне хочется найти способ рассказать об этом всем.

– Давай лучше придумаем, как вытащить бабушку. Ты...

– Что?

– Словно похоронил его, и теперь хочешь мстить! – почти выкрикнула Саэли брату в лицо.

Почти сразу ей стало стыдно, но Кеар бесцеремненно ответил:

– Я буду закрывать его столько, сколько смогу. Но мы оба понимаем, что с момента, как Рор переступил порог королевской темницы, он не жилец. Нам не пробраться даже во дворец, и уж тем более – туда, где держат пленников. За нами уже охотятся. И мне надо спасти тебя, Сэл. И да, отомстить затем за деда.

– Да как ты смеешь! – взвилась Саэли. Не помня себя, она начала бить брата раскрытыми ладонями. – Не смей, не смей его хоронить! Не смей! Он спас нас! Рор заменил нам родителей, он все за нас отдал, он – наша семья! Ради того, чтобы мы могли научиться чему-то и не пропасть, он даже поддался на мои просьбы и согласился жить здесь! Он просто так любил нас, а мы умерли бы без него! Он рисковал всем! Он не заслужил этого! Чтобы его тупая внучка сначала уговорила его переселиться под стены столицы, а потом даже не догадалась запереть

несчастную дверь, не смогла вовремя заметить его отсутствие! Это я во всем виновата, понимаешь?!

Саэли вдруг поняла, что больше не бьет брата, а плачет, изо всех сил зажимая руками рот, и что изнутри, откуда-то из солнечного сплетения, рвется ужасный спазм. И злилась она не на Кеара – а на себя, умолявшую Рора жить у Энстадта, оставившую незакрытой дверь и калитку, не сумевшую найти дедушку вовремя, беспомощную, бесполезную и где-то в глубине души понимающую, что будет дальше.

И что Кеар прав – Рор не жилец.

В какой-то момент Саэли остановилась, только сжалась в полный боли комочек. И ощутила, как Кеар обнимает ее.

Через несколько невероятно долгих то ли минут, то ли мгновений брат спросил:

– Легче?

– Нет, – одними губами ответила Саэли, хотя острота боли чуть отступила.

Внутри было глухо и пусто.

– Я считаю, ты ни в чем не виновата. И ты всегда запираешь дверь.

– Запирала.

– Я спрошу Рора, Сэл. Попробую увидеть его воспоминания. Ты никогда не забываешь, ты внимательная и ответственная, я хорошо тебя знаю.

– Ты просто пытаешься успокоить меня.

– Я не стал бы тебе лгать.

Саэли медленно подняла заплаканное лицо. Острый, оранжевый в свете огня профиль брата размывался из-за слез. Вдруг она поняла, что руки Кеара почти ледяные, намного холоднее обычного, и это немного отрезвило ее.

«Мне надо спасти тебя, Сэл».

«А мне надо спасти Кеара».

– Ты очень холодный. Подвинься к огню.

Голос звучал сипло, словно она кричала часы напролет.

– Я почти выдохся, – неохотно согласился Кеар, и Саэли даже в этом бесчувственном состоянии стало не по себе. Брат никогда не признавался в слабости. – Вот и взял паузу, пока есть возможность. Дед спит, а эта гадина уже уползла. Напоследок прошипела, мол, совсем скоро дед пожалеет, что родился на свет, такую помощь она приведет. Знаешь, если бы Рор не оказался у нее в плену, я бы эту змею так не отпустил. Представь, как эти праздничные пляски превратились бы в трагическую заунывь. Ладно, главное, Рор и правда отдыхает, – повторил он.

– Я могу подежурить в его сне вместо тебя.

– И речи быть не может, – отрезал Кеар. – Ты не умеешь ни биться, ни создавать иллюзии. Думаешь, будет лучше, если тебя обнаружат, подтвердив этим все подозрения, да еще покалечат ненароком? Мы же договорились: я его защищаю, а ты дежуришь с булавкой, чтобы, если что пойдет совсем плохо, выдернуть меня. Не плоди проблемы, нам и так достаточно.

Как всегда – прямо и жестко. Действительно, Кеар ей никогда не лгал.

Саэли кивнула, как бы подтверждая, что согласна: нужно быть Кеару поддержкой, чтобы он не беспокоился хотя бы о ней. И правда, брат немного расслабился – на губах даже заиграла то ли ироничная, то ли грустная полуулыбка, обычное его выражение.

Сполохи освещали обычно выглядевшее аристократическим, а теперь какое-то изможденное лицо Кеара, заостряя тени под глазами и между тонкими губами и носом.

– Значит, передышка. Все-таки подвинься к огню ближе, хоть согреешься, – подтолкнула Саэли Кеара в спину и с ужасом поняла, что брат двигается рвано, дергано, как механическая игрушка. – Я просушила плащи и шапероны, пока ты спал, но еды найти больше не смогла. В одном из мешков обнаружился, кажется, корень топинамбура, но я не уверена, он какой-то красноватый. Так что я его почистила и обжарила, но сам понимаешь...

– Как бы ни хотелось есть, не рискну еще и дристать, – хмыкнул Кеар. – Не волнуйся, Сэл, не суетись. Завтра я поговорю еще с парой парней, может, нас сориентируют, что делать дальше. Его же должны перевозить или вроде того. Все... – Он хотел сказать «будет хорошо», как обычно – и не смог. Вместо этого Кеар приобнял дрожащую сестру, а когда она положила голову ему на плечо, с невеселой усмешкой закончил: – Сама понимаешь.

Саэли понимала.

Кеар подкинул в костер большую сосновую ветку, притащенную им с реки и уже обсохшую, и хвоя затрещала, искря. Яркие сполохи резанули по глазам, стало жарко. Саэли прикрыла веки. Теперь, когда внутри было почти пусто, слова Кеара не испугали, а почему-то даже немного успокоили ее. Они звучали так, словно он снова держит все под контролем.

Контроль – это иллюзия. И все же... Однажды, такой же морозной поздней осенью двадцать лет назад, двое детей должны были умереть в лесу, но Творец послал им Рора. Теперь все казалось безысходным для него, но вдруг Творец поможет вернуть долг?

– Теперь все как в детстве?

– О, совсем нет, пчелка Сэл, – покачал головой Кеар, потягиваясь. – Теперь мы куда более зубастые и быстрые. Я отдохнул. Пожалуй, навещу деда снова, вдруг эта венценосная гадина все-таки вернулась, как обещала. Обтрепу ей чешую, как смогу. Пусть думает, что кошмар безумца может свести ее с ума. Не ругайся, я буду очень аккуратен, – поднял он ладони, увидев лицо сестры.

Глава 4. Первая встреча с настоящим являющим (Саэли)

«Иногда я пытаюсь понять, что могли чувствовать те, кто заключил сделку с Аспидом. И, не имея более возможности даже поговорить о моем мире снов, прихожу к выводу: одиночество. Только настоящее, режущее одиночество могло разорвать душу столь глубокой пропастью, чтобы Аспид нашел путь вверх. Избегайте его, избегайте всего, что делает людей одинокими! Даже искренняя вражда лучше этой пустоты, когда сомневаешься в своем рассудке. Иногда мне кажется, я слышу его голос».

Ваур по прозвищу Медный, безумный отшельник, утверждавший, что был являющим сон. После прихода к власти Деаго Сакриса прятался в горах. Все его заметки сожжены.

Стремительно холодало.

Когда Кеар заснул, Саэли поднялась с тонкого тюфяка, на котором сидела, и укрыла им ноги брата, чтобы хоть немного его согреть. Тонкий, набитый сгнившей соломой матрас противно пах, но температуру держал неплохо. Подкинув в костер еще досок, Саэли набросала у стены смоляного елового лапника, оставленного кем-то, кто прятался тут раньше, и забралась на обсыпавшуюся хвоей, пачкая юбку. Иголки кололись сквозь двойной слой сукна, но сидеть было даже мягко.

Затем снова взяла Кеара за руку: надолго отпускать ее было рискованно. Пальцы брата не дергались – он не просил помощи, – значит, все в порядке, и будить его не нужно. Скорее всего, он задержался лишь потому, что снова успокаивал дедушку.

Саэли плотнее переплела пальцы с пальцами Кеара и положила ему на плечо голову. Она вертела булавку в руках, рассматривая блики на гладкой металлической поверхности, оставляя тревожные мысли пустыми, и это убаюкивало. Саэли всего на миг прикрыла веки, давая отдых уставшим глазам, в которые словно кто-то песок насыпал, и сама не заметила, как задремала.

И почти сразу Кеар сжал ее ладонь.

Саэли проснулась, как от удара. Прежде чем вонзить острое брату в руку, чтобы боль точно выдернула его из сна, она привычно дернула Кеара за плечо, расталкивая. Пальцы ее соскользнули по краю ватной куртки, ворот чуть сместился вниз... И тут она увидела узор на шее.

Багровый, ветвящийся, как древесная лоза, он прямо на глазах растекался то ли по коже, то ли под ней, вздуваясь, влажнея, темнея. Всего мгновение, пока Саэли заносила булавку – ожог уже добрался до щеки и устремился вверх, минуя закрытое веко, по виску, к брови.

Со вскриком Саэли ударила брата булавкой, но он не только не открыл глаза, но и весь как-то обмяк, сползая по стене. Неровные, ветвящиеся линии тем временем начали лопаться, как кракелюр, но крови отчего-то не было, вместо того запахло паленой плотью. Паникуя, Саэли зачем-то попыталась подтянуть брата обратно вверх, но сразу поняла, что не сможет, и неловко уложила его головой на лапник, чтобы не ударился.

– Нет, нет, нет, – шептала Саэли, продолжая колоть Кеара булавкой. Это было похоже на кошмар наяву, где она, беспомощная и слабая, наблюдала за неминуемой и неотвратимой смертью самого близкого ей человека. Десятки мыслей проносились в голове, одна другой страшнее. За все время, что Кеар путешествовал по снам, его ни разу никто не ранил. Что же за чудовище могло быть на той стороне?! – Просыпайся! Пожалуйста, Кеар! Творец всемогущий!

Отчаявшись, Саэли несколько раз ударила Кеара раскрытой ладонью по щекам, а потом положила брату кулак на грудь, прямо туда, где багровела рана, и с силой провела по груди костяшками, надеясь, что хоть такая боль заставит Кеара очнуться. Пальцы скользнули по чему-то скользкому и горячему, но брат даже не дернулся, наоборот, словно расслабился еще больше.

Дыхание его замедлилось – вопреки всему, он только глубже уходил в сон. Из полуоткрытых губ, посеревших от холода, доносился слабый, далекий стон.

Происходило чудовищное.

Дрожащими пальцами Саэли зажала головку булавки между пальцами и уперла ее острие себе в ладонь, отбрасывая мысль, что это никогда не срабатывало, а затем бросилась за Кеаром.

И упала в бездну, разрываемую лишь острыми, оглушающими вспышками.

Несколько мгновений Саэли не могла понять, где верх, где низ. Ее одновременно будто оглушило и ослепило. Все невесомое тут тело отозвалось болью, как если бы ее протащили сквозь плотный терновый куст.

Никогда еще переход в сон не был таким изматывающим и болезненным.

«Это какая-то защита, – пришло в голову. А затем и вторая мысль, острее первой: – Кеар такого не умеет. Это делает не он. Королева?»

Она все еще пыталась по-настоящему *открыть* глаза – и по-прежнему не удавалось.

– Девочка, – шепот дедушки Рора пробился сквозь пелену. – Уходи скорее! Чудовище тебя спалит! Гроза гремит, нужно спрятаться, спрятаться...

Только теперь Саэли поняла, что за грохот слышит – это и правда походило на раскаты грома и шум ливня. Значит, дедушке Рору снится гроза.

Свинцовые веки ныли. «Раз, два, выдох. Открой глаза. Просто открой».

Сейчас.

Выдох.

Свет на мгновение дезориентировал Саэли – и вернул ей немного сил. Она лежала на траве – живой, шевелящейся, мокрой от тяжелых капель дождя, обвивавшей и прораставшей сквозь пока еще призрачные руки и ноги. Спина, касавшаяся травы, уже захладела и онемела – земля являлась частью голодного серого сна. И только ладонь будто держала уголек: сквозь сон пробивалось ощущение вонзавшейся в кожу булавки.

Саэли быстро поняла, что дедушка Рор спрятался чуть дальше, под пологом травы, как с головой хоронится под покрывалом ребенок, испугавшийся чудовищ. Чудо, что у него хватило сил и памяти, чтобы натянуть на себя слой почвы и укрыться от молний. Впрочем, его мог спрятать и Кеар.

Но когда она протянула руки к старику, тот вдруг пропал, словно его и не было. Неужели проснулся?

Безграничное, бушующее небо, раскинувшееся над травой, казалось сферическим, будто неизвестный являющий сон поместил своих жертв внутрь детской стеклянной игрушки. В вышине клубились, извергая из себя дождь и молнии, тучи. Над ними, вокруг них, в самих серых завихрениях грохотало.

И конечно, небо не было кобальтовым или иссиня-черным – оно было угольным, словно кто-то оставил ему темноту, но высосал краски. И трава, на которой сидела Саэли, тоже не зеленела, а выглядела скорее пыльной, с мокрым налетом платины.

Почти черно-белый мир. Наведенный сон, конечно – ни у одного являющего не хватит ни сил, чтобы наполнить все свое творение плотным живым цветом.

Нет, это явно не был сон болотно-серебряной королевы.

Через выцветшую, но живую картинку протягивались нити бледно-желтого света, являющиеся незримой основой полотна этой реальности. Если приглядеться, они прозрачными штрихами присутствовали почти во всем, незаметно оживляя пространство и добавляя ему теплого тона, чуть согревая холодную и жадную материю. В вышине же эти нити силы собирались в яркие пучки – и молниями срывались вниз, оставляя на ткани сна глубокие и горячие разрывы.

«Сон всегда голоден. Сначала – не дай сну тебя поглотить», – так учил Кеар.

Вода застилала глаза, тяжелая одежда липла к телу и стремилась вниз, словно весила сто пудов. Тело становилось плотнее, и теперь острые верхушки травинки не только холодили, но и ранили все еще оглушенную Саэли. Она поспешила вскочить, придавая своим ступням более жесткую структуру – и мерзлая, жадная до жизни материя обезличенного мирка отступила.

Убедившись, что больше не прикована к месту, Саэли бросилась на помощь Кеару.

Посреди замкнутого в шар пространства прямо из травы выросла громадная, похожая на шип, кривой обелиск. Материал, из которого он был создан, вновь выдавал руку истинного творца грозного кошмара – металлическая поверхность переливалась всеми оттенками светлого золота, как и огонь, сходящий с неба, бьющий в верхушку и рассеивающийся по шипу до самой земли.

Однако вокруг обелиска висела ослепляюще-зеленая древесная сетка из живых ветвей. Кеар, прикованный противником к верхушке шипа, соткал вокруг себя щит, похожий на громадный дуб без цельного ствола. Дикое зрелище: сквозь изумрудные волокна коры пробивалось лунное сияние обелиска, и цвета эти, смешавшись, пылью оседали к подножию необычного дерева, яркими брызгами окропляя серую траву вокруг него.

Каждый удар молнии заставлял маленький мирок содрогнуться – и освещал серое пространство. Вспышки резали листву в пыль и выпаривали из коры изумруд Кеара. Шершавая поверхность трескалась и осыпалась, и на ее место нарастала новая, зеленая, живая.

Где-то наверху, едва успевая растить между собой и смертельными ударами древесную крону, с сияющим золотом незнакомцем бился Кеар. Он никак не мог отцепиться от обелиска: сил хватало только на то, чтобы защититься от очередной атаки. Саэли слышала неверное, заходящееся биение его сердца.

Похоже, противник брата ее не заметил.

«Я его отвлеку. Но сначала нужно помочь Кеару освободиться».

Стараясь не касаться золотых лучей – не стоило обращать на себя внимание незнакомца, – Саэли приложила ладони к коре, питая дерево и своей силой, чтобы Кеар смог использовать ее. Единственное, что она могла и умела, сработало: вверх по коре потекли патина, серебро и шафран и собрались, раскрываясь в плотные крупные листья над истерзанным Кеаром. Это дало брату пару секунд, чтобы соскользнуть с обелиска вниз.

Дуб дрогнул, будто отряхиваясь, а оказавшийся рядом Кеар закрыл и себя, и сестру от таинственного убийцы.

Вдруг все разом остановилось, и золото пропало, а сон с треском заостенел, как высыхающая у огня кожа.

– Кто ты? – услышала Саэли незнакомый, высокий, но определенно мужской голос. – Мое имя – Ноам. Представься.

Рот сам открылся, но ей удалось не проговорить свое имя, а лишь беззвучно прошептать одними губами:

– Са...

– Уходи! – закричал Кеар, и Саэли поняла, что теперь сила брата клубится вокруг нее, не давая ни ей увидеть нападавшего, ни нападавшему – ее.

– Совсем еще девчонка, а столько сил, – хмыкнул тот же голос. – Глупа, но не побоялась же. Любопытно. Я знаю, кого это заинтересует. Ты очень дорого стоишь, «Са». Скажи, твоя фамилия – Вэргос?

– Пошла прочь! – закричал Кеар снова.

– Только вместе, – твердо ответила ему сестра, ощущая, как игла по-прежнему впивается в ладонь. – Возьми меня за руку.

За зеленой рябью она не могла разглядеть того, кто медленно спускался вниз в светлосинем сиянии. Только силуэт – легкий в кости, почти нестрашный, какой-то мелкий и даже несерьезный, совершенно не вяжущийся с устроенным им кошмаром.

– Я оставляю вам жизнь, чтобы встретиться снова. Так и быть, обоим, – словно напевая, протянул звенящий голос незнакомца. – Мой учитель точно захочет познакомиться с тобой, девочка. Я позову его.

При слове «учитель» высыхающий серый кошмар дрогнул, окрашиваясь кобальтом, и Саэли вдруг показалось, что за кажущимся серо-желтой куклой Ноамом раскинулась громадная, закрывшая все небо черно-синяя тень. Саэли не успела понять, что произошло, только что сон разом наполнился силой, невозможно засиял всеми красками сразу, заструился вокруг, живой и пульсирующий, как настоящая, реальная плоть.

Сфера, ограничивающая созданный Ноамом мирок, разлетелась вдребезги, не выдержав присутствия кого-то другого, кто только начал проявляться, сильный и неумолимый, как сам темный бог.

– Пошли вы в жерло к Аспиду! – отчаянно проревел Кеар откуда-то сзади, наконец, обжигая запястье Саэли своей хваткой.

Тут же она стиснула кулак, скривившись от боли – там, в реальности, игла прошила ладонь почти насквозь.

И Саэли с Кеаром проснулись.

Глава 5. Поражение (Кеар)

«По улыбке силача не поймешь, тяжела ли ноша».
Народная поговорка.

Неизвестный являющий разделал праздновавшего очередную победу над королевой и не ждущего подвоха Кеара, как щенка.

Пожалуй, с болью от удара молнии не могли сравниться даже те ужасные мгновения, когда Кеара, тогда еще подростка, схватили воины короля. Они требовали указать, где прячутся сестра и брат, все сильнее и сильнее нажимая тяжелым сапогом на вытянутую между ножками стула руку, а за окном уже лежало окровавленное, обмытое ливнем тело отца.

Кеар всегда считал, что та ночь стала пиком его страдания, но эта ослепляющая боль оказалась даже страшнее.

Не только ощущение, что сквозь тебя, по жилам и костям протекают мягкие расплавленные пруты, но и страх, такой же, как и тогда, и превративший Кеара ненадолго в прежнего одиннадцатилетнего мальчишку – враг хотел знать, где скрывается Саэли. Еще немного, и разум обездвиженного Кеара раздели бы, как луковицу, слой за слоем, кромсая и поджаривая.

И как и тогда, Кеар выдержал, не сказав ни слова. Ни одного воспоминания, ни одной подсказки – на это его хватило. Вот только Сэл пришла сама, дурочка.

Пришла и спасла его.

На самом деле, он был даже немного рад, что никогда и ничего не слышал о том, чтобы в людей били молнии – только встречал покореженные небесным огнем вековые деревья, обугленные, выжженные, но продолжавшие каким-то чудом зеленеть хотя бы одной своей половиной. Знай Кеар хоть одного умершего от удара молнии человека, атака Ноама вполне могла бы убить.

«Реально то, что осознаешь». Так учил отец.

Поэтому когда Кеар очнулся, цепляясь за храбрую, но такую опрометчивую сестру, то первое, что обрушилось на него – это оглушающее онемение ожога, змеившегося по щеке, шее, торсу, поясу, правому бедру и правой же руке, вплоть до онемевших кончиков пальцев. Кеар знал, что еще немного, и первый шок спадет, и тогда он начнет ощущать все в полной мере. До того момента необходимо было... Что?

Сквозь плотный, бесполезный комок мыслей пробивался плач сестры, и Кеар хватался за него, с трудом не переваливаясь за грань обморока.

– Кеар, – плакала Саэли. – Нам срочно нужно к лекарям! Это выглядит очень плохо. Пожалуйста, ты же знаешь город, скажи, куда тебя вести! Пожалуйста, Кеар, не теряй сознание! – слишком аккуратно шлепала она его по здоровой щеке. – Куда? Где здесь лекари?! Я же не знаю! Скажи мне!

Губы и язык не слушались. Глаза слезились.

Сестра закинула руку Кеара себе на шею и теперь неловко пыталась подтащить его наверх. Для хрупкой, миниатюрной, не поднимавшей ничего тяжелее ведра с водой Саэли широкоплечий Кеар был непосильной ношей. Поэтому он собрал в кулак остатки воли – «Не время размякать!» – и оттолкнулся от земли ногами, вставая и путаясь в каком-то тюфяке.

Оранжевое лицо сестры плыло перед глазами. Она что-то говорила, и Кеар хотел ей ответить, но язык никак не хотел ворочаться. Он будто наблюдал за собой со стороны: ростовая тряпичная кукла, набитая плотью, пытается ожить. Это было и смешно, и мерзко.

В голове мелькали нужные образы: больница для бедных, лазарет для военных. Приют при храме Аграны, куда приходили за исцелением паломники. Он пытался поделиться с сестрой опасением, что в больницы и храмы обращаться нельзя, ведь именно там их могли бы

искать в первую очередь. Ребята в кузнице рассказывали, что у северной стены жила пожилая травница. Был еще торговец, продававший разные странные порошки, у него мастер Огар покупал мазь от ожогов...

Кажется, Саэли выволокла его на улицу – стало холоднее. Шаперон, который сестра натянула на голову, скрывал лицо и приглушал цвета, а еще царапал ожог. Но умница Сэл была права: нельзя попадаться на глаза в таком виде. Наверно, страже уже дали какой-нибудь приказ. А если и нет – обязательно дадут. Обожженный молнией – отличный ориентир.

Кеар с трудом переставлял ноги. Вспышки масляных фонарей резали глаза. Кто-то рядом хохотал, когда они пробирались через веселящуюся и пританцовывающую толпу моряков и их одноразовых продажных девиц с цветами на тугих корсетах. Пахло мясом, вином, огнем, морем, табаком. Взвизгивали пляшущие люди, свистели свирели и пиликали скрипки.

Саэли все время спотыкалась. Ее тяжелое дыхание то и дело срывалось, а она перехватывала Кеара чуть удобнее. Бедная сестра! Это он, Кеар, старший брат, должен был заботиться о ней, а не она, испуганная до смерти, тащить его тушу через празднующие припортовые районы.

Почему-то вспомнились последние слова мамы, обращенные к Кеару: *«Пожалуйста, береги их. Ты теперь самый старший!»* и страшный выбор, о котором наследник семьи Вэргос не вспоминал долгие годы: кого спасти – сестру или брата. Фэара Кеар уже не спас. Осталась только Саэли.

Реальность совсем поплыла, и единственное, что по-прежнему пробивалось через пелену путанных, похожих на кошмар воспоминаний – это ощущение саднящей ожог ткани.

«Не сейчас! Переставляй ноги, она же и так еле идет, ты, тряпка!»

– Еще немного, Кеар, держись, – шептала Саэли. – Прости, мне нужно закрыть лицо. Знаю, что больно, прости.

Она натянула его шаперон ниже, до самого носа, что опалило щеку и шею, и Кеар был ей благодарен. Боль удерживала его в сознании. Он специально пошевелил обожженной рукой, чтобы прийти в себя, а потом попытался провести ладонью по горевшему боку. Помогло: шепчущие образы – малыша Фэара, черного леса, плачущей мамы, недвижимого отца и сурового, обветренного лица Рора, – наконец, пропали, уступив место огням уже ночной ярмарки и хохоту пьяных шлюх.

Кто-то ударил Кеара по плечу – здоровому. Сэл, кажется, просила прохожих о помощи. «Набрался?» – прозвучало басом, а потом женским фальцетом: «Да брось ты его, проспится и придет! Мой тоже где-то шляется!» И еще один, брюзжаще-старческий: «Дура, домой иди».

Вдруг Кеар понял, что Саэли оседает вниз, и тут же осознал, что это потому, что его собственные ноги подогнулись, и весь вес пришелся на ее узкие плечи.

А потом перед глазами мелькнул яркий свет, пронеслись почему-то скошенные набок острые пики храма дочери Творца, но не целительницы Аграны, а бесплодной Куты.

И с мыслью «Саэли не знает куда сунулась, здесь нам конец!» все пропало.

Глава 6. Храм Куты (Саэли)

«Холодные разумом дети Куты ставят истину превыше морали – и с недоумением смотрят на нас, иногда предпочитающих не знать правды, чтобы оставаться людьми. Так люди ли они? Никто не скажет, что происходит за закрытыми дверями, но не теряет ли обратившийся к бесплодной дочери Творца человеческую природу?»

**Четвертая книга странствий лекаря и философа милосердия
Олграана Открытого.**

– Эту рану моему брату нанесли во сне.

Как вообще язык повернулся сказать подобное? Услышь кто... Уже после того, как треугольные ворота распахнулись, Саэли поняла, что, упав прямо на землю под тяжестью потерявшего сознание Кеара, выпалила заготовленную формулировку сразу же, даже не оглядевшись, не подслушивает ли кто.

Она терла оцарапанные о ледяную грязь руки и молилась Творцу, чтобы решение оказалось верным и сохранило Кеару жизнь. Он дышал, но как-то совсем слабо, как будто воздух не наполнял грудь целиком. При виде бледного, с багровым следом лица забывались даже аргументы – и оставалась только острая надежда, смешанная со страхом так плотно, что Саэли не понимала, чего в ее душе больше.

Открывшие на стук служители Куты, богини знания и равновесия, молча помогли Саэли подняться.

Она почти ждала, что они сейчас схватят ее под локти, но вместо того один служитель молча кивнул другому, и тот быстрым шагом ушел куда-то вглубь темного сада. Саэли искала на бесстрастном лице оставшегося в дверях аскета осуждение, удивление, желание помочь – что угодно! – и не находила ничего, будто он надел маску. С таким выражением служитель мог бы прикончить и ее, и Кеара прямо тут, положив всему конец.

Однако и не проявляя эмоций, мужчина в сером помог ей устроить Кеара на спину. Сама Саэли села на пятки, чтобы голова брата легла ей на колени, а ноги и руки не выворачивались под неудобным углом.

Те длинные, невероятно длинные мгновения, пока приходилось ждать, Саэли кляла себя, что отправилась к монастырю. Ледяной рукой она пыталась хоть немного охладить горячий без пота лоб Кеара и изредка бросала на бесстрастного служителя быстрые, опасливые взгляды.

– Ты пришла к нам, – негромко констатировал аскет, распрямляясь.

Это не был вопрос, и оттого стало жутко. Будто он поставил точку в предложении, которое Саэли написала сама, но не могла прочесть.

– Да. Помогите, прошу, – хрипло ответила она, сама не понимая, зачем вообще просит: очевидно же, решение было принято еще в тот миг, как отдали приказ второму аскету то ли донести, то ли позвать помощь.

«Если это будет стоить жизни Кеару, и я убью его, как обрекла дедушку, я не знаю, что с собой сделаю».

Конечно, Саэли пришла сюда! Да, в столице, как и в любом крупном городе, работали больничные корпуса, но разве не в больницах станут искать обожженного прежде всего? И разве, не обнаружив ничего, не отправят голубей во все храмы богини исцеления и плодородия Аграны, осведомляясь, не было ли среди многочисленных ищущих помощи мужчины с ветвистыми ожогами, будто от удара молнии? Не пошлют допрашивать лекарей? Кто, кроме фанатиков, может промолчать в ответ на прямой вопрос от имени королевы?

Малочисленные, холодные храмы Куты, старшей дочери Творца, большинство предпочитало обходить стороной. Господствовал слух, что служители богини знаний и равновесия освобождены своей госпожой от человеческой этики и руководствуются одной лишь холодной логикой, не разделяющей знание на светлое и темное и не поддерживающей ничьей стороны.

Совсем недавно, когда Саэли переписывала учебники для учеников Энстадтской основной школы, она прочла в них запавшую ей в память фразу из откровения пророка Куты: *«Если жизнь, власть и семя человека положить на одну чашу весов, а на другую – лишь крупицу знания, мои дети выберут второе»*.

Как некстати всплывали новые, пугающие мысли. Если нет света и тьмы, плохого и хорошего, значит, и жизнь, и воля человека в стенах этого монастыря стоят ничтожно мало. Им не помогут, исходя из того, что помочь правильно. Достаточно ли Саэли предложила? О чем еще придется рассказать здесь, чтобы ее посчитали заплатившей сполна?

Даже Кеар говорил: пройти во внутренние треугольные врата означало стать пленником, так дорожили аскеты тем, что прятали внутри. Он же рассказывал, что за стенами монастыря действуют особые законы, с которыми традиционно смиряется даже королевская семья – и прошлая, и нынешняя, – чтобы иметь возможность обращаться к неиссякаемому источнику знаний.

А вдруг они уже отправили весть королю?

В дверях тем временем возникли трое. Двое высоких мужчин держали в руках простые тканые носилки с деревянными ручками.

Тот же, что привел помощь, вышел вперед и, чуть склонившись к дрожащей Саэли, мягко, но степенно проговорил, словно читал молитву:

– Мы изучим ваш вопрос. Вы пришли не зря.

Что, что, Творца ради, он имел в виду?! Однако аскеты помогли Саэли подняться, а затем очень бережно переложили на носилки брата. Что бы ни крылось за их ответом, Кеар умирал прямо сейчас, а они, похоже, согласились оказать ему помощь.

Даже не спросили о цене. Похоже, необычный ожог сам по себе стал платой, и хотя Саэли именно на это и надеялась, произнося запретные слова, у нее задрожало что-то за солнечным сплетением, когда ворота бесшумно сомкнулись, и грязный переулочек пропал из виду.

Громко щелкнул засов.

– Спасибо, – почти беззвучно прошептала Саэли, но, поняв, что ее даже не услышали, прочистила горло и повторила: – Спасибо!

Все, кроме этого, было не так уж важно.

Храм Куты представлял собой систему широких стен, в которых, похоже, и располагались помещения. Несколько замкнутых форм друг в друге, не соединявшихся между собой переходами, выглядели, как лабиринт, особенно в свете масляных ламп, подвешенных на чугунных цепях то там, то тут и будто не столько разгонявших темноту, сколько заострявших ее там, куда не добирались лучи.

Саэли, как могла, запоминала дорогу, но после шестой арки, кажется, выходящей на восток между третьим и четвертым периметрами, совершенно запуталась. Она все время поднимала голову вверх, ища отблески луны на металле: единственным ориентиром служили похожие на мечи острые серебряные пики – по две на каждом обращенных к югу воротах. Судя по тому, что их виделось не меньше десятка, периметров могло быть минимум пять...

Настоящий лабиринт.

Саэли спешила за быстрым шагом безмолвных аскетов, продолжая держать руку на краю носилок, рядом с безжизненной, частично побагровевшей кистью брата. Служители не обращали на девушку внимания и не говорили с нею. Одетые в пепельно-серые одежды, прячущие под капюшонами волосы, с гладковыбритыми спокойными лицами, аскеты казались порожде-

ниями наведенного сна. Одно радовало: Кеара они не только укрыли одеялом, но и несли очень бережно, не делая резких рывков.

«Изучим! Изучим – это не излечим, как я сразу не подумала! – грызла себя Саэли, потирая нестерпимо нывщую шею. – Ладно, кто-то из их летописцев, или кто там у них, все равно захочет узнать у меня, что случилось. И тогда я поставлю условие – сначала вылечить его. И потом, чтобы изучать, нужно, чтобы Кеар жил. И я его не оставлю, буду требовать ухода. Главное, мы не снаружи».

Наконец, бесконечные внутренние дворики-лабиринты из камня и черных древесных лоз закончились, и перед носилками распахнулись внутрь, бросая на мощеную камнем дорожку длинные лучи оранжевого света, узкие, но высокие прямоугольные двери. Носилки и человек рядом с ними не прошли бы в проем по ширине, и Саэли поняла, что придется отстать, встав в хвост небольшой процессии.

А вдруг двери захлопнут у нее перед носом?! Поэтому она, наоборот, спешно, спотыкаясь от усталости, обогнала несущего головную часть, чтобы зайти в здание первой – и вдруг встретила взглядом с пронзительно-голубыми глазами молодого мужчины. Тот, кажется, был удивлен. Верхняя губа его слишком презрительно для безэмоциональности дернулась:

– Подвоха нет. Не позорь нас своим недоверием.

Саэли нервно сжала складку юбки и упрямо покачала головой:

– Спасибо. Прощу прощения.

И все равно проскользнула в двери первой, спиной вперед, не сводя глаз с носилок. Аскет усмехнулся – и вдруг показался Саэли совсем человеческим. А затем кивнул, указывая на что-то позади ее спины, как если бы не хотел, чтобы девушка случайно оступилась.

Саэли обернулась. И несколько раз удивленно моргнула: как такой просторный зал помещался внутри стены?! Вытянутое, прямоугольное, почти пустое пространство без окон освещалось шестью крупными стойками с масляными лампами, больше похожими на исполинские свечи. По периметру зала у самых стен блестели полированным деревом скамейки, а в центре высилось странное, будто горевшее изнутри сооружение. Присмотревшись, Саэли узнала в нем трехмерный символ учения Куты – шар, вокруг которого располагались несколько колец, на каждое из которых в случайном месте был нанизан шар поменьше. Вся композиция была выбита из камня, резной центральный шар пылал огнем, и в каждой из сфер поменьше, делая их похожими на падающие вниз кометы, тоже горело пламя.

Это не лазарет! Какая-то культовая комната? Алтарь? Кеару нужна помощь сейчас, а не после молений!

Из-за скульптуры навстречу Саэли неспешно вышла высокая, пожилая женщина. Она тоже была одета в серое, но капюшона не носила, оставляя жидкие, длинные седые волосы свободно спадать почти до пояса. Кожа ее была смуглой, намного темнее, чем у ауренстадцев – наверно, островитянка с Солисара, а может, жительница Таргасии. Контраст между белой сединой и коричневым лбом казался почти нереальным.

– Кто пришел к нашим воротам? – спросила женщина, но не у Саэли, а у аскетов.

Голубоглазый, держащий передний край носилок, ответил:

– Девушка.

– Не мужчина? – сузила глаза жрица. Саэли показалось, что она смеется.

– Девушка, – повторил тот и вдруг тоже едва заметно улыбнулся, отчего у Саэли по спине пробежал холодок.

– Что ж, – кивнула женщина, поджимая тонкие губы в плотной сетке морщин, и Саэли показалось, что она разочарована. – Ты знаешь вопрос?

– О чем речь? – отступила Саэли к носилкам. – Нам нужна помощь! Мой брат сильно пострадал. Пожалуйста, обработайте его раны или позвольте мне обработать их, и я отвечу на все ваши вопросы.

Суеверное чувство, что не нужно обещать невыполнимого – о являющих сон Саэли все равно намеревалась молчать, – засвербело под ложечкой.

Кажется, и голос дрожал. Вдруг представилось, что нет и не было никаких пленников, что люди не зря обходят обиталище детей Куты, и что сейчас двери, через которые в стенной храм еще тек свежий ночной воздух, захлопнутся, и они с Кеаром останутся наедине со служителями, которые буквально могут делать с ними абсолютно все, что угодно.

– Поставьте носилки, – распорядилась женщина, и аскеты по-прежнему очень бережно опустили Кеара на широкую скамью. – Пойдем к алтарю, – протянула она ладонь к Саэли. И повторила слова аскета: – Не оскорбляй нас своим недоверием.

Не выпуская носилки из виду, Саэли прошла ближе к каменной статуе и остановилась напротив внимательно разглядывающей ее жрицы.

– Ему нужно обработать раны, – повторила Саэли. – Пожалуйста, сначала это.

– Ты действительно не знаешь, – снова сузила подведенные сурьмой глаза женщина. Говорила она медленно, тихо, почти завораживающе. – Ты обратилась к нам, думая, что пришла за помощью брату. Но мало кто из *обычных* нуждающихся в помощи стучит в ворота храма Куты. На самом деле, его рана – лишь путь, чтобы ты могла задать свой вопрос. И мы найдем на него ответ. Получим его от тебя и сохраним.

– Это сделка, условий которой я не понимаю, – качнула головой Саэли. Ей было очень страшно. – Но если вы вылечите брата, я...

– Подожди. – Теплая, сухая ладонь коснулась плеча Саэли. – Я объясню тебе иначе. Нам ничего не стоит спасти мужчину: здесь проходят свой путь к ответу множество прекрасных врачей и травников. За одним из них уже послали, другой уже готовит охлаждающую мазь. Мы спрячем вас, раз ты скрываешься – и это ничего не стоит нам. Но прежде чем покинуть наш храм, ты сформулируешь свой вопрос. Тот, на который всю жизнь ищешь ответ. Сделав это, ты поймешь, чего будет стоить знание, которого жаждешь. И только после этого решишь, давать ли ответ нам.

– Но зачем вам что-то, касающееся только меня? – отступила Саэли к каменной сфере.

Слова жрицы вязью обволакивали разум, как мелкий, повторяющийся узор из острых, растущих завитков.

– Раз ты здесь, оно не касается только тебя. Значит, этот вопрос определяет что-то большее, чем твоя жизнь, – мягко ответила жрица.

– А если я откажусь? – замороженная пляшущими в темных глазах жрицы отблесками пробормотала Саэли. Ей подумалось, что ее убаюкивают, и она выпалила прямо: – Вы убьете нас?

– Незачем. Как и сотни других, вы покинете храм, когда захотите. Но у тебя нет возможности отказаться. Ты пришла сюда для этого. Он, – женщина кивнула на носилки, – меня не интересует. Но если тебе так привычнее, можешь считать исцеление платой за услугу, которую ты окажешь нам, озвучив вопрос.

Саэли показалось, что в глазах жрицы она – глупая девчонка, которая никак не может сообразить очевидного, и ей захотелось со всем согласиться, чтобы доказать что-то, чего она и сама толком не понимала. Женщина смотрела на нее внимательно, мягко, как могла бы смотреть мать или няня.

«Может, мой вопрос – на что я готова, чтобы спасти брата и дедушку? Нет, звучит совсем не ценно. Что же мне делать?»

Тут вдруг вспомнились слова Рора: *«Держитесь от церковников подальше и не давайте им говорить, что правильно, а что нет. Церковь Творца в конце концов не осудила убийство ваших родителей. Слушайте только себя»*. Это было хоть и мимолетное, но такое яркое воспоминание, что Саэли почти ощутила, как ветер шевелит ее волосы в лесу, где дедушка дал им с Кеаром это наставление, почти услышала плач пойманной в силки курупатки.

Темный, полный огня, серых служителей и непонятных символов и слов храм внезапно показался менее реальным, чем быстрый и светлый образ.

Саэли моргнула – и наваждение пропало. Жрица по-прежнему стояла рядом с ней, а за прямой серой спиной по-прежнему светила огонь и тянула взгляд каменная сфера, и было все так же душно.

– Видишь, – вдруг улыбнулась жрица. – Ты уже ищешь ответы. И Кута дает их, да?

Саэли обернулась туда, где раньше лежал Кеар – но ни носилок, ни служителей храма не было.

– Я приказала им отнести твоего брата в лазарет, – опередила ее жрица. – Мы же не хотим, чтобы ему стало хуже. Прямо, налево через двор, мимо дуба, в маленькую арку, в которой горят два факела, затем сразу направо, пока не наткнешься на фонтан. От него – на юг, к пикам. У палат есть окна, ты не пропустишь. Не бойся. Здесь ты в безопасности, но вряд ли согласишься мне так просто, так что иди и наблюдай, как твой брат придет в себя. И попроси у врачей настойку, чтобы спать без снов, – сделала она ударение на последние слова, к ужасу Саэли. – Настоящую, а не ту, что предлагает использовать его величество.

Глава 7. Ты забудешь (Кеар)

«Голодная пустота существовала до Аспида и в конце поглотит его самого. Но и такая тьма состоит из отчаявшихся души, жаждущих жизни. Помнить об этом – единственный способ заглянуть Тени в глаза и не исчезнуть».

Неизвестный мастер сновидений, переживший собственную смерть.

– Кеар, ты меня слышишь?! Я здесь! Я нашла дедушку!

Кеар без труда – как и в любом видении Саэли, – открыл глаза и огляделся.

Сон – черно-белый с несколькими цветными жилами, как обычно. В отличие от Кеара, сестра обладала целыми тремя цветными нитями, хоть и была слабее брата.

Слава богам. Мало что было ему привычнее, и мало где он ощущал себя увереннее. С детства ориентируясь во снах, как рыба в воде, Кеар вздохнул с облегчением. Ни боли, ни ожога, ни слабости – все они остались спящей оболочке. Даже поражение, которое пришлось потерпеть от рук Ноама, теперь казалось далеким и необходимым опытом. В тот раз Кеара застали врасплох техникой, о которой он не знал, но в этот, здесь, отдохнув – Кеар в любом случае готов ко всему.

Как и всегда в созданных Саэли снах.

Знакомая запруда с ветхим деревянным причалом, клонящаяся к воде плакучая ива, шумящий тростник, расходящиеся по воде круги, быстро бегущие облака на голубом небе и тонкие полосы солнечного света – здесь светло-серого, с небольшой примесью шафраново-золотой силы сестры.

По воде рябью растекалась патина – еще один цвет, которым Саэли рисовала миры. В воздухе вместо солнечного тепла едва заметной пылью висела охра. В отличие от живого и многоликого изумруда, которым расцветивал сны сам Кеар, цвета сестры были приглушенными, умиротворяющими, как и все здесь.

Именно этот пейзаж – кусочек рощи вблизи первого домика Рора, – нравился Сэл больше всего. С самого детства, когда она показывала деду и Кеару, чему научилась, все чудеса происходили над этой заросшей кувшинками и камышом стоячей водой. И до сих пор пчелка машинально то и дело воссоздавала запруду, как сам Кеар раз за разом воскрешал образ дома в раскидистой кроне дерева-исполина – создание привычного почти не тратило сил.

Кеар огляделся. Саэли стояла по пояс в воде, точно как на свой двадцатый день рождения. Она закатала рукава и шарила по дну, ища подаренную Рором каменную подвеску, которую обронила, пока чистила котел. Кончики темно-серых волос плыли по воде. Головы девушка не поднимала, занятая своим занятием, как кричающие утки или танцующие стрекозы. И жизни в стройной фигурке было не больше, чем в окружающем пейзаже.

А вот это странно. Просто оживленное воспоминание? Зачем сестра создала свою копию?

– Сэл?

Сам Кеар сидел на мостках. Он поднял руки, чтобы убедиться, что может их увидеть. Да, все под контролем – стоило сосредоточить на ладонях и пальцах внимание, и в спокойствие летнего дня врывался изумруд.

– Сэл, ты где?

– Меня схватили, – раздалось вдруг из-за грани сна. Голос Саэли прерывался, будто между ней и Кеаром бился водопад. – Я не... могу прийти! Я только хотела сказать, не высовывайся, хорошо? Оставайся, где...

– Где ты? – Кеар вскочил и тут же ощутил, как кружится голова. Не успев понять, почему сил так непривычно мало, если изумруд по-прежнему наполняет его, являющий в несколько

шагов преодолел путь до берега, а затем погрузил босые ступни в ил. Идти оказалось очень сложно, словно он пробирался не через воду, а через жидкий свинец. – Что происходит?!

Ему удалось схватить «Саэли» за плечо. Она обернулась – лицо девушки размывалось, как будто его кто-то стер – конечно, ведь сама Саэли никогда не видела себя во сне. Куда больше испугало другое: по всем оттенкам серого живой кровью текла смесь шафрана и патины, будто кто-то разбил пепельный, заполненный краской сосуд.

– Сэл... – прошептал Кеар, наконец понявший: сестра так пытается показать, что происходит. И вверх: – Где ты?! Где тебя искать?! Как помочь?!

– За... Там... что...

Голос все отдалялся, и картинка начала тускнеть. Еще немного, и сестра совсем пропадет, проснется! Кеар с ужасом вообразил издевательства, во время которых Саэли еле держит и эту несложную композицию. Пытаясь успеть, пока еще не слишком поздно, он затараторил:

– Я видел пики и треугольные ворота! Тебя схватили там? Королева? Этот Ноам?

Саэли под его руками бесшумно растеклась, как горячий воск. Дрогнув, окончательно сдаваясь, пейзаж.

И вдруг мир окрасился уже совсем забытым Кеаром огненно-рыжим.

Теперь уже откуда-то издали слышался голос Рора, дребезжащий, по-старчески с трудом выговаривающий слова:

– Саэли здесь, со мной. Она смогла как-то найти сон королевы и предложила обменять на мою жизнь свою свободу. Но как ты допустил это, Кеар? Ты все еще в храме Куты? Ты бросил ее, а сам отсиживаешься там?

– Я не знаю! – в ужасе прокричал Кеар. – Наверно! Как она? Королева не пыталась ее?!

– Нет, – почему-то грустно ответил Рор. – Тебе нужно проснуться. Храм Куты – плохое место. Из него нужно бежать как можно скорее. Зачем ты обратился к ним?

– Знаю, я бы не рискнул так, – сжал виски Кеар. – Я сильно ранен. Это Сэл привела нас сюда.

Внезапно вода начала густеть, шевелиться, как волосы, и наконец прямо из-под ног взметнулась высокой оранжевой волной и, мягко ударив, вынесла Кеара на берег к ногам деда Рора.

Кеар с благодарностью ухватился за протянутую руку. Обняв деда, он на миг подумал, как же здорово, что Рору наконец удалось создать движущийся сон – и тут же понимание, что этого просто *не может быть*, окатило его ужасом.

Рор и десять лет назад не сумел бы.

Сейчас же дед не ощущал в себе даже оранжевой искры.

Но это невозможно! Это как поменять небо и землю местами! И цвет... Откуда мастер этого сна знал о цветах Саэли и Рора?! Как мог использовать их – все четыре?! И о том воспоминании, о запруде? Неужели кто-то смог залезть в голову Рора или самой Саэли?! Ни дед, ни сестра никому бы не рассказали об этом убежище, даже если бы их пытали.

– Нельзя было пускать сестру во дворец говорить с королевой. Вам обоим нельзя во дворец, – печально, но давяще сказал лже-Рор, и Кеар отступил от него, теперь по нарастающей отмечая в облике старца все больше несоответствий.

Так, нижнюю фалангу безымянного пальца Рор потерял только год назад и точно не мог представить себя во сне без нее. Он не сотворил бы себе такую внешность – старческую, согбенную, морщинистую; не мог воссоздать потерянного, ему самому попросту незаметного выражения лица. Так мог нарисовать Рора только тот, кто знал его не дольше года – и уж точно не он сам.

Иллюзия, здесь все – только иллюзия! Таинственный являющий как-то вытащил из Рора воспоминание о снах Саэли и попытался провести Кеара. Это с самого начала было не криком

о помощи, а ловушкой. Но являющий все же прокололся – у старика не существовало воспоминаний о своей внешности во сне.

Кеар отступил на мостки, собираясь. Что ж, если хочет битвы – будет битва. Плевать, что на чужом поле. Глубоко вдохнул, сосредотачиваясь... и понял, что ничего не ощущает. Как не потомственный являющий сон, а самый обычный человек! Это привело Кеара почти в панику: цвет рождался на кончиках пальцев, но тут же пропадал, не успевая не то что изменить мир, но даже и проявиться.

Такого не случалось ни разу. До этого мига Кеар не представлял, что такое возможно.

Может, и это иллюзия? Может, на самом деле у него получается, и задача этого гада – заставить врага поверить в бессилие?

Кеар представил, как зеленые волокна оплетают его, защищая. И чтобы протянуть время, уже в глубине души зная, что потерпел неудачу, отказываясь верить, он спросил:

– Откуда ты знаешь, что Саэли говорила с королевой? Она бы не стала.

Хуже безвыходного положения, которое Кеар и заметить вовремя не успел, оказался только этот низкий – настоящий! – голос, звучащий из призрака уст названного деда:

– Неужели? Девочка в отчаянии, ведь у Лианари ваш Рор. – Губы говорящего презрительно изогнулись, придав лицу Рора вид маски. – Лианари только что проснулась. И будешь смеяться, после разговора с твоей сестрой она отдала приказ лечить старика, так не хочет лишаться очевидного рычага. Полагаю, теперь он станет основой договора. Так что, в целом, Саэлира спасла его. И все же не пускай ее во дворец. Она умрет там, и это будет твоя вина, Кеар. Вам обоим нельзя во дворец, – в какой уже раз повторил он с нажимом, словно это не было очевидно самому Кеару.

– Кто ты? Зачем ты здесь?

Теперь являющий походил на деда только отдаленно. Там, где Рор склонялся от возраста, и плечи его уходили вперед, этот стоял прямо и расслабленно, как воин. Морщинистое лицо деда шевелилось нескладно, как восковая маска – незнакомец больше не старался удерживать ее на своем лице.

– Значит, храм Куты заключил сделку с Саэлирой и теперь укрывает вас. Изобретательно, признаю, хотя и глупо. Из храма Куты необходимо сбежать. Хорошо, что я могу помочь в этом.

– Кто ты? Ты работаешь на королеву? – задал Кеар вопрос без надежды узнать правду. Смех стал ответом. – Зачем тебе Саэли?

В этот раз незнакомец не стал игнорировать вопрос и ответил. Кеар не сразу понял зачем.

– И среди являющих сон талант твоей сестры очень необычен, чего вы, дички, конечно, знать не могли. Даже у меня такого нет – сюда я пришел по связи между тобой и Рором. Подумай, каково значение ее способности: пока мы ограничены лишь теми, кого видим, или с кем можем установить прочную эмоциональную связь, Саэлире достаточно случайного имени, образа, даже чувства. Чего угодно. Так ведь?

Будто мягкая рука погладила затылок и шею.

Мысли против воли потекли волной.

Конечно! Еще малышкой Саэли прочитала грустную историю о потерявшей дом дочке рыбака и хотела ее утешить. Тогда она прибежала к Кеару, чтобы показать сны несчастной, оказавшейся глубокой старухой. Кеар с Рором решили, что девочка ошиблась и случайно обратилась к кому-то из хорошо знакомых деревенских, и настрого запретили ей являться в чужие сны. Но что, если автор сказки списал персонажа со своей знакомой, например? Ни имени, ни каких-либо ориентиров... Но если Саэли и правда не ошиблась, а нашла *ту самую* дочку рыбака?! Это было бы...

Кеар с ужасом увидел, как его воспоминание обретает плоть, складываясь из тысяч протекавших сквозь него цветных нитей. На миг рядом оказалась девятилетняя Саэли, и даже появилась плачущая пожилая женщина, которой Сэл радостно протянула золотой цветок.

Нет!

Как набат бил в ушах. Кеар вдруг понял, что если в обычно наведенном сне может не касаться твердых форм, чтобы морок не питался им, то тут даже воздух был пронизан световыми жилами, даже он сам! Кеар бросил взгляд на свою ладонь – прямо сквозь нее струились жилы золота, багрянца, пурпура, сирени, лазури, малахита, персика, обсидиана, патины, луны, платины... Именно из них строились образы воспоминаний. Пока он пытался собрать силы... Как же Кеар раньше не понял?!

Страх перестать существовать, разложиться на силу и утечь в руки таинственного являющего на миг застлал его разум.

Но это был лишь миг.

«Значит, ты материализуешь мои воспоминания, сволочь? Есть у меня одно».

Кеар заставил себя думать о молниях в кошмаре Ноама, и они затрещали где-то в вышине. Две даже ударили вниз, рядом с фигурой лже-Рора, и Кеар представил, как из земли вырывается золотой шип, но вместо этого гроза рассеялась, будто являющий отмахнулся от нелепой атаки.

Еще бы, ведь вопреки всему, что Кеар знал о снах, все эти нити принадлежали одному человеку.

Стало почти темно.

– Даже настолько? – снова послышался ставший совсем ледяным голос. – Рор забыл об этом случае, иначе рассказал бы мне. Поражительно. Впрочем, этот талант – закономерное наследие Вэргос. Жаль, что его унаследовала именно Асэлиари, лучше бы талант отошел младшему. Тогда все уже давно было бы решено, а королева приручила или казнила бы вас и успокоилась.

– Ты хочешь убить Саэли, чтобы ни у кого не было такой власти! – леденя, догадался Кеар.

И снова в ответ громовым грохотом, на грани слышимости, послышался смех.

Фигура старика к этому моменту совсем рассеялась, как пропали и мостки, и запруда, и ивы, и домики вдали, и даже небо и земля. Пространство плавилось на глазах у Кеара, и только там, где раньше стоял лже-Рор, как клинок, темнела острая фигура мастера сна. Именно она сосредотачивала в себе всю силу, обернувшуюся минуту назад тысячами цветов, основной нотой которых все же оставался кобальт.

Кеар крикнул, срывая голос:

– Кто ты?! Меня зовут Акеар Вэргос! Назовись! Я представился, неужели ты боишься, раз так силен?!

– Мое имя Дэймар Лаэр Лестос, – обманчиво мягко проговорил мужчина, направляясь к Кеару. Теперь, когда вокруг не осталось ничего, кроме полихромной пустоты, его приближение словно отсчитывало время. Являющий не шел, а просто *становился* ближе и больше. В его фигуре сходились все световые потоки, мерцающие, невозможные, они текли по венам этого чудовища и дрожали в такт его дыханию. Дэймар Лестос не творил сон, а сам являлся миром, и этот мир мог прихлопнуть Кеара в любой миг, как залетевшую прямо в рот к лягушке мошку. Но вместо того, чтобы щелкнуть пальцами, обрывая жизнь пленника, являющий только улыбнулся: – Но это не так уж и важно. Ты все равно не запомнишь ни моего лица, ни имени, ни этого сна.

Как бы не так!

Да будь он хоть самым Аспидом, нет на свете такой силы, что заставила бы являющего забывать сны.

С каждым мгновением лик Лестоса становился все больше похожим на человеческий. Потерял бдительность, даст себя разглядеть – отлично!

Кеар не стал говорить это вслух, боясь лишиться остатков воли, но изо всех сил всмотрелся в лицо легендарного графа Севера, стараясь не упустить ни единой черты. Даже во сне оно выглядело совсем как настоящее. Высокий лоб, немного изогнутые брови, миндалевидные глаза с темно-синей радужкой, хищный нос с небольшой горбинкой, тонкие, почти бескровные губы. Серебряные волосы – не поймешь, то ли необычный цвет, то ли платиновая седина, – бездвижно обрамляли гладковыбритое светлокжее лицо с высокими и острыми скулами. Мужчине, казалось, около сорока, но в глазах читался совершенно иной возраст.

– Значит, ты – граф Северных земель и Холодного Пика. С титулом, который скорее оскорбителен, чем хвалебен? – нашел в себе силы презрительно взглянуть похожему на божество Дэймару в глаза Кеар. – Ядовитая Тень, – театрально добавил он, желая задеть собеседника.

– Мальчишка, – усмехнулся тот, разводя руки. – Однако ты меня не разочаровал, намного сильнее Ноама, хоть и не обучен. Теперь я знаю и тебя, и талантливую умницу Саэли. Это было намного интереснее, чем я ожидал. Но пора тебе проснуться, Кеар Вэргос.

И граф беззвучно свел ладони вместе.

Кеар очнулся так, словно его подбросило. В приступе невероятной тревоги он согнулся, попытавшись собраться вокруг солнечного сплетения, и тут же застонал от боли: всю правую часть тела словно кромсали маленькими лезвиями. Тяжелая, влажная повязка мешала глядеть правым глазом, противно липла к шее и боку и холодила кожу бедра.

Нестерпимо пахло травами. И во рту стоял странный вкус.

Сердце колотилось, как у пойманной куропатки.

Он быстро огляделся, не понимая, что видит вокруг, все еще чувствуя себя, как загнанный зверь. Комнатушка, маленькая, как клетка, давила на него. Каменные стены с деревянными балками, высокое и узкое окно, похожее на бойницу, за которым виднелось прозрачное голубое небо, только усилили ощущение ловушки.

– Саэли, – радостно выдохнул Кеар, увидев свернувшуюся на скамье рядом с краем его кровати сестру.

Дрожащими пальцами он приподнял темные локоны Саэли, почему-то испугавшись, что они закрывают раны. Но нет: лицо ее оказалось чистым, умиротворенным и даже румяным. Пушистые темные ресницы дрогнули, она открыла глаза – и почти сразу Кеар увидел в них слезы.

Слава всем богам, хоть Творцу, хоть самому Аспиду! В порядке!

– Наконец, очнулся! – схватила Саэли за его здоровую, не замотанную ничем ладонь. – Кеар, ты... Ты хоть представляешь, как напугал меня?! Как себя чувствуешь? Мы тебя перевязали, и жар уже спал. Тебе не очень больно? – Она всегда так тараторила, когда нервничала. – Меня уверили, что надо все-таки дать и макового молока, чтобы ты смог нормально очнуться. В нем и ментоле вымочены перевязки...

– Мне что-то снилось, – проговорил Кеар неуверенно. Мысль пыталась уцепиться за что-то важное, синее, но повисала в пустоте.

– Ты был без сознания, в бреду, – покачала головой Саэли. Потом наклонилась ближе, понижая тон до шепота: – Я еще дала тебе настойку тысячелистника и горянки, чтобы не было снов. И потом несколько раз пыталась тебя найти на всякий случай. Ты точно не *спал*.

Так вот что за знакомый горький привкус во рту! Еще немного – и желудок начнут мучить спазмы, а глаза станут слезиться от света. День будет тяжелым. Но сестра поступила верно: если Ноам из кошмара деда Рора умеет искать спящих, как Саэли, то в ином случае прикончил бы обессиленного Кеара безо всякого труда.

– Да, наверно, – машинально согласился он, наконец обнимая сестру и отбрасывая беспричинную тревогу. – Тогда это невозможно. Ты молодец, Сэл. И спасибо, что цела.

Глава 8. Приглашение (Дэймар и Саэли)

«Когда головорезы с севера осаждали наш храм семьдесят лет назад, я была ещё молода. Фьер головорезов полюбил меня и вознамерился забрать своей женой. Он взывал к логике, объясняя, что мы глупы, просил меня стать сильнее и прочил всем детям Аграны скорую гибель, потому что нас слишком легко сломать чужой болью. Темные войны лишены этого недостатка. Нас всех сострадание вело к смерти – мы бросались в ловушки, спасая своих братьев и сестер. Была ли истина в его словах? Возможно. Хотела ли я выжить? Конечно. Но чем мои воззрения отличаются от наличия сердца? Пронзи его – и я умру, а если бы не было сердца, лишь одним способом убить меня стало бы меньше. Наличие ещё одного места для удара рапиры – условие моего существования, не плохое и не хорошее. А если бы я вынула сердце, и жилы, и связки, и чрево, чтобы стать неуязвимой – что бы от меня осталось? Лишь пустая оболочка. Поэтому я защитила сердце, а не вырвала его».

**Неизвестная преподаватель этики в школе при храме Аграны.
Надпись найдена в конспекте ученика – великого миротворца эпохи
Расцвета, одного из основателей рода Вэргос.**

ЧУТЬ РАНЕЕ

Ставки в этот раз были выше, чем обычно, что придавало новому открытию вкус азарта. И дело не только в том, что сильнейшие являющие мира, испуганные пришествием Теней, прямо сейчас спешили в Холодный Пик, и надеялись на союз, а сильная являющая сон благородного происхождения, да еще и в опале, могла бы стать отличной разменной монетой при заключении договора с Каладаром или Таргассией.

Асэлиари Вэргос – теперь безродная Саэлира – как являющая сон была по-настоящему уникальна, несмотря на всю заурядность своей бедной опытом жизни. Давно Дэймар не встречал того, что заинтересовало бы его как мастера снов – обычно реальность оказывалась куда более щедра на события.

Даже не будь ему нужен именно этот талант, даже не служи он одним из ключей к окончательному уничтожению того, что остальные опасливо именовали Голодной Тенью, именно так Дэймар Лестос предпочитал поступать с открывающимися возможностями: исследовать способность, разложить на составляющие, научиться самому, в очередной раз дополнив собственную природу и преодолев ее предел, раз выдался шанс. Использовать, не разбрасываясь ресурсом.

А оказалась сама девчонка сильна, после нет смысла от нее избавляться: можно и оставить, чтобы работала в связке с Ноамом или даже с Кеаром, если тот примет верное решение и согласится следить за сестрой.

Саэлира, конечно, сначала начнет протестовать, станет строить из себя оскорбленную невинность и требовать, чтобы темный приспешник Аспида оставил ее в покое, втайне надеясь на настойчивость. Все встретившиеся на пути «правильные» девочки, которым не повезло родиться с даром, вели себя именно так, не понимая, что их мысли для Дэймара – открытая книга, а попытки спрятать истину даже от себя не вызывают уважения, а выдают слабость.

Игра, где определен каждый ход, не требующая особых усилий и даже серьезных временных затрат. Фигуры в такой ходят сами. Дэймар последние годы даже не следил за подобными самородками, после беглой оценки предоставляя это ученикам.

Сколько всего существовало шаблонов реакций потенциальных являющих, узнавших о своих перспективах? С десятков? Опасение, жажда власти, желание быть особенным, смутный

страх, что это подвох и за это накажут – и гордость за то, что на них обратил внимание сам граф Лестос, изредка приправленная мечтами о том, что теперь-то жизнь изменится и сравняется с судьбами великих мира сего. Первый ужас сменялся удивлением, оно – восхищением, то – надеждой и энтузиазмом.

И сколько вариантов поведения он видел за последние двадцать с лишним лет? Три, если огрублять?

Радостное согласие.

Опасливое «докажите мне, что это не обман, и я могу вам доверять», за которым крылось такое же радостное согласие, только вымоченное в тревоге, как хлеб в вине – потерявшее собственный вкус. Стоило оставить такого сомневающегося надолго, и он сам готов был искать того, кого сможет назвать господином. Скорее всего, Кеар Вэргос пойдет по этому пути.

И, конечно, «Я никогда не стану этим заниматься!», которое, переламываясь, превращалось в столь ярое служение, что рвение остальных слуг на его фоне блекло – примером тому стала бывшая благочестивая жрица Агранны Индивиди.

Сомневающимся и не слишком талантливым являющим Дэймар обычно определял судьбу донора, предпочитая иметь возможность при встрече спутать видение Голодной Тени их силой, а не своей. Возиться с бесполезными он не любил, отдавая эту роль Ноаму, этому не избалованному судьбой и тревожному пареньку, во снах с удовольствием преображавшемуся в великого мастера, каким мог себя представить.

В отличие от своего господина, пользовавшегося даром являющего раз в пару недель или реже, Ноам не пропускал ни ночи и жил только снами, к огорчению Дэймара не проявляя способностей ни к политике, ни к военному делу, ни даже к мелкому управлению. Но дело, во время которого он ощущал себя властителем умов, воспринимал как поощрение.

Впрочем, весь этот затягивающийся – пусть и вокруг чужих шей, – узел следовало разрубить. И появившаяся Саэлира Вэргос воплощала в себе шанс окончательно освободиться от последствий произошедшего двадцать лет назад и оставить себе *только* силу.

Вот только чего можно ожидать от оболочки этого шанса – двадцатипятилетней девочки, воспитанной сельским дурачком, отчего-то решившим, что жизнь с охотником на куропаток подходит детям графа? В отрывочных воспоминаниях старика Дэймар наблюдал то, что Рор хранил, как драгоценные сокровища – моменты, в которые чистая сердцем Саэли заботилась, любила, светила тем, что большинство называют добром и теплом.

Иронично, что в этом поколении судьба выбрала именно дочь Алиама, а не одного из сыновей. В венах ее тек концентрированный талант всей когда-то великой семьи Вэргос, но Саэлира слушала своих опекуна и брата, как верная собачка. Будь она покрепче духом, давно сбросила бы иго и их заботы, и собственной правильности.

Наглухо похороненный в грязи алмаз. Девушка была красива, даже относительно начитанна – оказалось, она занималась переписыванием книг. Талантлива. Она могла бы блистать, воспитай ее иначе. А так... Слабая, инфантильная, самонадеянная, наивная. Станет отличным оружием и вернейшим последователем, если потратить время на ломку духа и заточивание таланта.

А пока – посредственность.

Так что Дэймар Лестос не ожидал многого, когда впервые увидел Саэлиру лично.

Она не нашла ничего лучшего, чем явиться к королеве во сне лично, чтобы потребовать освободить Рора! Воистину детская непосредственность, ошарашившая Лианари настолько же, насколько насмешила самого Дэймара.

– Да кто ты такая, бездарная малявка, чтобы проникать в мой сон и ставить мне условия?! – испуганно воскликнула королева, ища подвох, не замечая, что сама Саэлира боится ее намного сильнее.

Созданный для Лианари сон можно было бы назвать топорным, если бы не как минимум три цветные жилы, которыми Саэлира щедро снабдила каждую живую деталь, сама того не ощущая. Облик пейзажа раскрывал ее душевное состояние, и, похоже, она знала об этом, пытаясь создать впечатление уверенности, не понимая, как открывается.

Сон, рожденный необученным являющим, и так отражает его суть, а уж если он полагает, что образы связаны с чувствами – тем более. Саэлира пыталась сделать ночной лес мрачным, неуютным, холодным, простым – и даже не поняла, *что* на самом деле получилось.

Первое, что рассмешило Дэймара – в агрессивном мороке, который силился быть почти что кошмаром, оказалось уютно. Вместо того, чтобы нагнетать атмосферу, лес приятно и тепло шелестел, изредка оживляясь пением птиц. Даже когда Саэлира пугалась или чувствовала боль – будто раной на теле пейзажа проносилась тень, – и все равно находиться здесь было как вернуться домой после долгого путешествия и опуститься в удобное кресло перед затопленным камином.

Посетив тысячи снов и построив десятки тысяч, Дэймар мог с уверенностью сказать, что какими бы красивыми они ни были и как бы хорошо ни слушались, чужеродность делала любой морок смутно неприятным, как сшитый из слишком жесткой ткани костюм. В созданной же Саэлирой дреме хотелось оставаться. Если бы Дэймар опирался только на ощущения, то даже вполне мог бы перепутать сон со своим собственным.

Как ей это удалось? Удавалось ли каждый раз и с каждым спящим?

Если да – это открывало еще больше возможностей.

Дэймар взгляделся в Лианари. Королева не обращала внимания на обстановку, что уже говорило немало: и являющий обязательно отвлекается на то, что ощущает как чуждое, тем более, наведенное. Значит, и Лианари по-своему комфортно, а порожденный прямой встречей с Вэргосом страх имеет другую природу.

Любопытно.

Девушка не замечала гостя. Дэймару и укрываться особо не пришлось: Саэлире еле хватало самообладания поддерживать пейзаж цельным для Лианари. Так испуганный до смерти котенок топорщит шерсть, чтобы напугать волка. Трогательно, смешно и глупо – тот, кто сам нуждается в защите, бросается вперед, не щадя сил.

Ее облик тоже интриговал. Мало, что говорит об отношении к себе больше, чем эта деталь – каким являющий представляет сам себя. Саэлира выглядела... никак. Ни роскошного платья, ни стройной фигуры, ни молодого лица, ни даже гордого разворота плеч. Рядом со смертоносной, яркой и необычайно красивой Лианари Саэлира смотрелась, как статист в плохенькой пьеске уличного театра – серым фоном. Даже лицо ее расплывалось.

И было в этом что-то, что как раз привлекало взор.

«С ней придется непросто, – отчего-то подумал граф Лестос, обходя женщин по кругу и останавливаясь совсем рядом с Саэлирой, так что мог ощущать исходящие от нее пульсирующие потоки. Та вздрогнула и обернулась, но ничего увидеть, конечно, не смогла. – И, может быть, все же интересно».

– Да кто ты такая, бездарная малявка, чтобы проникать в мой сон и ставить мне условия?!

Королева Лианари Сакрис шагнула – перетекла – ближе. Кеар был прав: ее плавные движения совершенно не выглядели человеческими, а мерцающий болотный цвет, вившийся вокруг идеально стройного и идеально гибкого тела, напоминал чешую. Длинные темные волосы перерастали в этот блестящий саван, заостря сходство с полозом.

Встретишь такую являющую – согласишься в детей Аспида.

Королева даже не пыталась внедряться и изменять наведенный Саэли жуткий сон. Всей своей силой женщина покрывала только себя. На некотором расстоянии от нее Саэли ощущала себя почти в безопасности: ни шипов, ни веток, ни кислоты, ни мерцания воздуха, ничего, что могло бы таить угрозу. По сравнению с тем, что создавал во снах Кеар, это выглядело почти жалко.

И все же, только почти – все время казалось, что являющая ударит незримым хвостом, как пикой.

Саэли, которая еще надеялась на то, что беременность немного смягчила сердце королевы, с удивлением приглядывалась – и не видела даже зачатка проблеска разума ребенка, как обычно. Если Лианари была беременна – и не думала о ребенке настолько, что не давала ему проявиться здесь, – это делало ее еще большим чудовищем.

– Вы сказали, что Рор не значит для вас ничего, но при этом я и Кеар нужны вам. Кеара вы уже убили, – уверенно солгала Саэли, внося нотку обманной печали – гулкого шума деревьев, искажившегося дождем неба – в пейзаж и молясь, чтобы королева не заметила лжи. Решать приходилось быстро. – Случайно или специально, я не знаю, и мне плевать. Но осталась только я. А я говорю вам прямо: если с бабушкой что-то случится, вы меня не найдете. Мне, как вы уже поняли, нечего терять.

Искрящиеся тьмой глаза сузились:

– Тогда приходи во дворец. Как только прибудешь, Рора я отпущу, пожалуй. Но его здоровье весьма шатко. Он все время зовет тебя, Са-э-ли-ра.

Нет. Нельзя вестись. Нельзя показывать слабость!

– У вас там, наверняка, лучшие врачи королевства, сделайте что-нибудь. Мне нет смысла идти к воротам, стража просто убьет меня. И нет смысла идти, если Рор не в состоянии встать и на своих ногах выйти на свободу.

При упоминании бабушки ее собственный голос все-таки дрогнул. Проклятье!

В мглистом лесу – мутном, однообразном, грязеподобном, – с криком сорвались с ветки вверх птицы. Нужно было сосредоточиться, а то она все поймет! Саэли оглянулась: неподвижный, голодный сумрак, вроде, не менялся. Странное ощущение, что во сне присутствует кто-то еще, отозвалось где-то под ложечкой. Нет, не может быть. Это ее сон, она бы заметила.

Королева вдруг отклонилась назад и засмеялась:

– Какая ты наглая, дрянь! Но у меня отличное настроение. Дворец или нет – не важно, все королевство принадлежит мне. Это лишь вопрос времени.

«Я – хозяйка сна. Я. Я не должна ее бояться. Мой страх сгубит бабушку».

– И сколько же времени у вас есть?

– Я даю тебе день. И то, только потому, что очень уж хочу взглянуть тебе в лицо. Боишься дворца – приходи на вечерний карнавал в поместье Арноар, мы будем там. Скажешь страже на входе пароль – «Амарантус», и тебя пропустят. А я отпущу Рору, как только ты окажешься достаточно близко, чтобы я могла разглядеть цвет твоих глаз.

«Перед тем, как выколю их», – подумала Саэли. Насколько же недалекой королева считала свою собеседницу, если думала, будто Саэли слепо воспользуется индивидуальным паролем? И уж тем более сочтет маску и толпу достаточной защитой. Неужели знатные считают деревенских дурачками? Ладно, тем лучше.

Все же королева верила в свои слова. Хорошо, значит, Рор ей и правда не очень нужен.

Призрак надежды – очень много для того, у кого еще час назад надежды не было совсем. Нужно продолжать выглядеть уверенной.

– А если я не успею?

– Потом сны Рора очень поменяются, девчонка. Впрочем, ты сама увидишь. А ты не выглядишь убийцей. Значит, связаться со мной в твоих интересах, ведь иначе тебя рано или

поздно поглотит Голодная Тень. А я сохраню тебе жизнь, если договоримся. Ты же не убийца? Или так хорошо маскируешься?

В руках женщина вертела тонкий стилет.

– Это – мой сон, Лианари, – подняла подбородок Саэли, вновь решаясь подыграть.

Пусть думает, что Саэли – опасна, пусть боится.

И снова ощущение, словно по спине бегут искры, как когда на тебя кто-то внимательно смотрит. Но мир оставался серым и пустым, только потемнел. Может, это королева пыталась создать атмосферу кошмара, чтобы надавить на Саэли? Если так, то она сильнее, чем считал Кеар.

– Ты... Серовата для такого тона.

Не дать ей сбить себя с толку.

– Времени слишком мало. Я далеко – и не успею, даже если выдвинусь прямо сейчас.

– Времени вполне достаточно, – хмыкнула королева. – Думаешь, я глупа? Еще на закате тебя видели в деревне у Энстадта. Ты хоть представляешь, сколько людей знают тебя и знали твоего брата? А я совсем скоро узнаю их всех. Ты боишься только за Рора? Так не бывает. Может, ты любишься с каким-нибудь сыном скорняка или молодым охотником? Или одним из друзей-кузнецов брата? О, я поищу, Саэлира.

Последние слова королевы будто ударили Саэли в грудь тяжелым молотом. Все, кто знал их с Кеаром! Это же... десятки, сотни людей... У королевы вовсе не один заложник! Если она начнет пытаться каждого, если будет вывешивать их тела на стене дворца одно за одним, Саэли, идиотка Саэли, показавшая себя и свои слабости, никогда не сможет исправить только что нанесенного вреда!

И тут лес, который обомлевшая Саэли не могла более удерживать, задрожал, изгибаясь неровными линиями. Нет! Только чтобы королева не поняла, как задел этот намек на шантаж, иначе одно это станет причиной чьей-нибудь смерти!

– Меня будят! – выкрикнула Саэли первое, что пришло в голову, и сделала вид, что просыпается. – Я буду на карнавале!

В голове вдруг словно все смешалось. Сотканный ею самой морок словно не хотел отпускать свою создательницу, а Саэли никак не удавалось прорваться сквозь и высвободиться из мягких, но неразрушимых пут.

И только тут она поняла, что держит ее вовсе не сон.

– Лианари, прочь, – приказал Дэймар королеве, испуганно шагнувшей назад и, в отличие от девочки Вэргос сразу понявшей, кто к ней обращается.

– Господин, я не могу проснуться сама, – прошептала Лианари. – Это девчонка проникла в мой сон и...

Саэлира завертелась, словно это имело смысл. Цвета вокруг нее метались роем. Лес и хмурое небо начали дрожать и пропадать, и Дэймар машинально подхватил странно уютный пейзаж, оставляя его на месте.

– Кого вы называете господином?! – тут уж Саэлире не удалось даже выглядеть уверенно, и Дэймар наконец услышал ее настоящий голос – юный, растерянный, но полный решимости. Впрочем, Лианари вряд ли заметила перемену. Дэймар выбросил ее из сна, и они с девочкой Вэргос остались одни. – Кто здесь? Почему я не вижу его?! Лианари?! – заметила она исчезновение королевы.

И наконец девушка сообразила: пустила вокруг себя сплошную охранную волну. Дэймар мог бы легко рассеять брызги, уйти, укрыться... Но не стал, позволяя себе проявиться. Едва заметные на блеклом лице глаза Саэлиры расширились, губы дрогнули:

– Вы – король? – попыталась она отступить на шаг, но Дэймар легко поймал узкое запястье, чтобы оставить на обличье маячок.

– Допустим, – усмехнулся он.

Кожа девушки в его пальцах даже во сне горела огнем. Она попыталась выдернуть руку, но не смогла, так что оцетинилась шипами, как ежик, пытаясь его ранить. Девушка бесполезно искрилась так несколько мгновений, но цвет, который она старалась заострить, только гладил – как и все здесь, пытавшееся быть агрессивным и устрашающим, эти нелепые неумелые атаки создавали лишь ощущение тепла.

Завершив плетение, Дэймар отпустил – и девушка подняла светящееся лазурью запястье к глазам.

– Что это такое? – скорее подумала, а не спросила она. Затем опустила руку, понимая бессмысленность вопроса. И неожиданно сделала решительный шаг вперед, хотя Дэймар видел по дрожащему сну, что она боится его до паники, как можно бояться голодного дикого зверя, в клетке с которым оказался. – Ваше величество, ваша супруга удерживает моего родственника. Он не являющийся сон, только бредит, а я – да. Раз и вы... – Саэлира помедлила, тряхнула рукой. – И вы явно намного сильнее жены. Отпустите Рора, я приду к вам сама. Я клянусь. В отличие от вашей жены, вам точно под силу убить меня, если обману. Я же не могу не спать или пить зелья постоянно.

– Зачем менять жизнь старика, потерявшего разум и одной ногой стоящего в могиле, на свою длинную жизнь, Саэлира?

– Вас не устраивает такая сделка?

– Не в этом дело. Ты – носитель уникального таланта, а бросаешься собой и им, как безделушкой.

– При всем уважении, ваше величество, – процедила девушка без малейшего почтения, хоть и тщетно пыталась это скрыть, – вы вряд ли поймете, раз вообще спрашиваете.

– Это – откровенная глупость. Основы основ безопасности. Но тебе негде было научиться, – задумчиво ответил Дэймар сам себе.

Он пытался разглядеть за блеклой оболочкой настоящее выражение лица, но не мог. Ее смятение Дэймар ощущал в остатках ветра, в дрожащей, как осиновый лист, земле. Подхватить созданный сон – все равно что поддерживать под руку и спину спотыкающегося: ощущаешь настроение и пульс того, кому помогаешь. Весьма интимно, чего эта девочка тоже не понимала.

– Но ведь вам моя глупость на пользу, – продолжала гнуть свое Саэлира. – Разве это не хорошая сделка?

Пряча руки за спиной, она изо всех сил пыталась стереть оставленную Дэймаром метку. Даже развоплотила кисть ненадолго – неочевидный жест: большинство являющихся не могли специально лишиться части тела, так как привыкли ощущать их постоянно. Чтобы внимание Саэлиры не рассеивалось, Дэймар укрыл метку серым коконом, приглушил ее вибрацию, и ощутил, что девочка едва заметно улыбнулась, решив, что ей удалось.

– Сомневаешься, идти ли в Арноар – иди, но не пользуйся паролем королевы. Ты *должна* оказаться на балу в Арноаре. Объясняй это себе как хочешь. Я найду тебя и пошлю помощь. До встречи, умничка Саэли. И забудь, что видела меня.

Конечно, ее разум поддался. Она ведь не умела защищаться.

Все, что Саэли удалось запомнить – это почему-то посиневший, а не посеревший лес. И прикосновение жесткой, как закаленная сталь, ладони к своему запястью.

Глаза слезились. Кеар по-прежнему был без сознания, за окном кричали вороны. Последняя свеча уже не столько горела, сколько чадила. Саэли приложила ухо к груди брата, слушая его сердце, и, убедившись, что дыхание ровное, наконец, дала волю слезам.

– Идиотка, идиотка, – шептала она, кусая губы, закрывая руками рот, чтобы стоны не разносились по холодным коридорам храма Куты. – Почему я решила, что получится с ней договориться? Если мне не удастся выбраться отсюда, если они все из-за меня... Пожалуйста, если ты слышишь меня, Творец, не дай этому произойти! Не дай этому произойти! Аграна, Кута, кто угодно! Я все сделаю! Мне только бы выбраться отсюда в Арноар...

Глава 9. Вспышка (Дэймар)

«Любовь – великая иллюзия. Создать призрачный мир, в котором столь сильная привязанность имеет смысл, под силу лишь богам. Но и мы – мастера иллюзий. Так что и эта нам подвластна, кто бы что ни говорил. Научись. Только не дай лезвию этого клинка пронзить себя».
Бывший учитель Дэймара Лестоса, Веал Вэргос.

За окнами уже брезжил рассвет, а граф Лестос так и не ложился. Черный кабинет, отведенный ему в королевском дворце, был холоден и пуст: он просил не растапливать камина там, где не собирался спать.

Граф задумчиво крутил в руках ларец, оставленный ему Лианари, но мысли его были не о куске плоти внутри. И даже не о событиях завтрашнего дня – безусловно, одного из поворотных в истории Ауренстадта. Не о Каладаре, Таргасии и Солисаре, как бы интересно ни было договориться с ними. Даже не об открывшейся возможности поймать, наконец, Голодную Тень.

А об упрямой и по-детски идеалистичной Саэлире Вэргос.

– Господин, я сегодня больше понадобится? – неуверенно, почти виновато нарушил тишину застывший в дверях Ноам. – Мы с Индивиди долго не виделись...

– Вы оба на сегодня свободны, днем я пошлю за вами, – ответил Дэймар, со стуком ставя лакированную шкатулку на стол.

Ноам замялся, явно желая не только уйти, но и задать мучивший его вопрос. Иногда его стремление к поощрению было столь сильным, что Дэймар не сомневался: парень видит в своем опекуне настоящего отца, гнева которого боится даже больше, чем жаждет близости с женой. И оставлять его в таком состоянии не стоило: Ноам только извелся бы, а завтрашняя разлука с Индивиди совсем подорвала бы его дух.

Поэтому Дэймар добавил:

– Твоя встреча с Кеаром Вэргосом на самом деле нам на руку. Нет смысла винить себя. Днем поговорим.

Ноам выдохнул, явно сдерживаясь, чтобы не вышло шумно.

– Спасибо, – тихо поблагодарил он. – Если я что-то еще могу... – Затем сам остановил себя: – Завтра.

И вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

И снова Дэймар представил, что сказала бы внучка Рора, узнай она о том, как именно Лианари предоставляет Дэймару всегда иметь возможность вторгнуться в сон старика, и что было бы, увидь Саэли содержимое ларца.

Девочка Вэргос все никак не шла из головы. Никогда не склонный к тому, чтобы застревать на размышлении о ком-то, Дэймар Лестос с интересом крутил в голове вспыхнувший интерес, пытаясь найти его истоки.

«Благословенные рода тянутся друг к другу», – говорилось в том огрызке трактата о Голодных Тенях, что он читал пару лет назад, ища способ избавиться от вновь появившейся твари. Могло ли странное неожиданное притяжение оказаться следствием этого правила, по сути скрепляющего союз против пустоты? Вэргос и Лестос – две из трех сильнейших семей являющих сон. Они учились друг у друга поколениями, усиливая могущество, пока двадцать лет назад этот круг не оказался разорван.

«Судьбы не существует. Только выбор».

Конечно, удивляла и несработавшая метка. Как только Саэли проснулась, оставленный Дэймаром знак растворился, и хотя обычно подобный маяк позволил бы ему проникнуть и в

сознание бодрствующей Саэли, погружая ее в дрему наяву – чего не умел даже давно почивший стараниями самого Дэймара учитель, – теперь метки словно не существовало.

Вряд ли сама Саэлира могла снять ее. Вряд ли кто-то помогал ей. Храм? Не являвшаяся смертным богиня знания могла вмешаться?

Коротко усомнившись в себе, граф коснулся сознания жреца Куты, которого собирался использовать для помощи девочке Вэргос – и он тут же отозвался, с теми же ненавистью и почтением, что и обычно, и так же верно, как всегда.

А Саэли... будто не было. Связь обрывалась в пустоте.

И это оказалось... досадно? Почему? Неужели он и впрямь хотел ощутить ее – и возникающее в близости к ней то же чувство, что пропитывало наспех сотворенный ею «кошмар», – тепло и уют?

До Арноара Саэли доберется – у нее просто нет другого выхода. Приказ уже действовал, вряд ли она могла думать о чем-то другом.

Дэймар со смешком поймал себя на том, что размышляет, не стоит ли, не полагаясь на изворотливого жреца, встретить девушку прямо у ворот храма Куты и забрать сразу, чтобы не подвергать лишней опасности.

Это было бы глупо. Сама придет.

Глава 10. Учитель (Ноам)

«Фьеры Севера не похожи ни на королей, ни на генералов. Их обычаи непонятны нам. Они редко передают власть по наследству, а если теряют влияние и силу – сами склоняются перед преемником. В народе говорят, сердца северян суровы, как вечные снега, и не знают ни жалости, ни смирения. Они не уважают волю дочерей Творца. Их боятся простые люди. И поэтому я против того, чтобы Холодный Пик становился частью Ауренстадта. Мое мнение таково: эта их показная слабость – ловушка, и нужно всеми силами сохранить границу».
Советник короля Пелрана Энклира, граф Веал Вэргос.

Ноам никогда не видел Дэймара Лестоса в гневе. Не видел он господина и всерьез расстроенным. Почти двадцать лет – что там, всю свою жизнь! – Ноам служил этому человеку и за все время не застал ничего, что мог бы посчитать потерей контроля хоть в малейшей степени. Граф воплощал собой каменное, почти ледяное спокойствие, и даже когда казалось, что вот-вот все рухнет, и головы Лестоса и его учеников полетят с плеч, в последний миг Ноам вновь убеждался, что господину подвластны какие-то невидимые нити, не только во сне, но и наяву пронизывающие людей.

Это, конечно, было сродни суеверию. И все же что бы ни случилось – нападения, заговоры, даже попытка пойти на Холодный Пик войной – Дэймар Лестос в результате выворачивал положение себе на пользу, вновь расширяя территории, убирая с политической арены ставшие ненужными фигуры и противников, и неверных союзников, создавая очередную легенду, которая неслась потом и по знатым, и по черни.

И ему, Ноаму, повезло оказаться по нужную сторону. Повезло быть доверенным – насколько это вообще возможно, – лицом опаснейшего правителя Ауренстадта.

Когда Ноаму было восемь, он узнал от няни, что дед Дэймара Лестоса заключил с правящим тогда королем Золотых земель Пелраном Энклиром сделку, в результате которой независимые до того земли Стормсундта, или Холодного Пика, как их называли на юге, формально подчинились короне Ауренстадта. Выходило, что граф Лестос – по праву рождения тоже король, или фьер, как называли правителей на севере.

Ноам пришел тогда к учителю и, не в силах держать в себе новое знание, которое так меняло его мир, спросил:

«Как мне теперь обращаться к вам?»

«Как тебя учили?»

«Всех, кто барон и выше, можно звать лордами. Своего господина – милордом. Графа можно звать «его сиятельство». Но ведь вы на самом деле даже не граф...»

«Фьером был Лаграл Лестос. Неужели считаешь, стоит цепляться за не слишком славное прошлое? Твой род и титул по праву рождения – не ты сам, Ноам. А мой, и уж тем более, бывший – не я».

«И вам... совсем не жалко?»

«Нет. Я одобрил восхождение Деаго на трон, он – очень удобный король, не осмеливающийся влиять на Холодный Пик. И знаешь, что делает его таким удобным? Он самонадеян, привязан к красивому званию и считает себя великим монархом по праву рождения в знатном роду Грозы Времени. А значит, слеп. Сейчас ты рассуждаешь, точно как он».

«Это неправильно?»

«Дело не в правильности, а в эффективности. Эта логика делает тебя слабым и со временем заменит реальные действия мечтой о них».

Ноам тогда очень испугался, что господин начнет войну за независимость с родным краем самого Ноама, исправляя ошибки деда. Но войны все не было, и, взрослея, Ноам понял, что господин имел в виду: Деаго Сакрис не управлял землями Холодного Пика, не посылал туда даже дежурных войск и всегда предупреждал о своих визитах. При этом граница владений Лестоса медленно смещалась южнее и южнее.

И граница эта охранялась. Когда-то бесплодный, скудный земельными недрами север расцвел, постепенно становясь самым безопасным и богатым краем всего Ауленштадта. В Сундт, столицу – единственный город, звавшийся в народе столицей, если не считать Энштадта! – стекалось все больше народу, и получить разрешение на строительство или покупку дома в нем считалось величайшей удачей в жизни, несмотря на климат.

Став старше и несколько раз появившись на королевских балах в роли воспитанника и подручного графа Лестоса, Ноам начал получать письма от знатных семей. В них выражали почтение и просили помощи в рассмотрении их предложений к правителю Севера, и заискивающий тон этих посланий отражал реальную картину событий на политической арене лучше, чем чопорные обсуждения политики на приемах во дворце.

Конечно, граф Лестос не воспитывал Ноама. И все равно сирота, выросший на руках у служащих Лестосу нянь и в детстве видевший спасшего его благодетеля раз в полгода, считал графа своим названным отцом. И господин не высмеивал это. Наоборот: признавал заслуги и отмечал верную службу даже чаще, чем Ноам решился бы претендовать на награду. И в самые тяжелые для ученика моменты оказывался рядом, готовый предложить выход из тупика – даже если Ноам сам себя в него загнал, – и не требовал ничего взамен. Находил на это время.

Пожалуй, это было ближе всего к заботе. Не каждый отец вел себя так: стоило только послушать Индивиди или кого-нибудь из разоткровенничавшихся за вином вельмож.

На самом деле, все приближенные господина знали, что им повезло. На фоне его величества Деаго Сакриса, без сомнения не только швырявшегося людьми, но и самолично обрывавшего жизни провинившихся, на фоне остальных графов – слабых, заискивающих перед посадившей их в кресла правителей короной, граф Северных земель казался незыблемой твердыней. Пожалуй, вассалы Лестоса были единственными, кто мог спрятаться от гнева Деаго, а так как его характер и паранойя короля заострились, желающих обрести защиту становилось все больше.

А заслужившие расположение графа Лестоса держались за свое положение изо всех сил.

Словом, в принудительном привлечении новых союзников земли Холодного Пика не нуждались.

Тем страннее оказались новости.

– Вы хотите, чтобы я вместе с войском отправилась через всю страну – на юг, в графство Энклиров. Там нашла бывших вассалов Лестосов, Крайтов, спрятавшихся где-то недалеко от побережья, ведущих активную торговлю с Таргассией и островами и живущих в роскоши, несмотря на свои преступления. И не уничтожила, хотя мы знаем, где они обосновались, и имеем разрешение короны на казнь без суда, а попыталась убедить их вернуться на Север? – словно не веря в то, что сейчас услышала, повторила Индивиди. – Мы же говорим о тех, кто покушался на вашу жизнь... трижды?

– Да.

– Я не понимаю, господин, – вмешался такой же обескураженный и расстроенный приказом графа Ноам. – Энклиры отдадут вам преступников без лишних вопросов.

– Вы можете завтра на балу поговорить с графом Энклиром, и головы предателей в течение месяца пришлют в коробках для вина, – подхватила Индивиди. – Семья Нежного Шелка не сделала этого, вероятно, лишь потому, что пока не в курсе, кто пригнулся под их крылом. Скорее всего, они скрыли фамилию и взяли другую.

Граф Дэймар оторвал взгляд от письма, посмотрел на Индиви, и та, смутившись, закрыла рот и села. Учитель же закрыл чернильницу, посыпал лист кварцевым песком и вложил в металлический цилиндр-шкатулку. Щелкнул замок, заскрежетал механизм, и цилиндр захлопнулся.

Граф протянул послание Индиви.

– Пароль? – уточнила она.

– Глава их семьи, Каргус Крайт, помнит комбинацию. Индиви, это изначально провальная миссия, я знаю об этом. Но ты должна быть там так долго, как сможешь, или пока я не прикажу тебе возвращаться. Сын Крайта Вално влюблен в тебя, так что не даст погибнуть. Если же дело пойдет к этому, можешь распорядиться посланным с тобою войском и уничтожить все их поселение, но это нежелательно. Это – то задание, о котором мы говорили вчера.

Задание, о котором не знал Ноам? И Индиви и словом не обмолвилась?!

Граф поднялся из кресла и подошел к склонившей голову ученице. Он остановился в шаге от ее скрещенных ног в тяжелых мужских сапогах. Только тогда Индиви подняла лицо, и Ноам увидел на лице жены какую-то нетипично отчаянную решимость, которая его поразила. Безумная мысль, что граф отправляет свою ученицу на самоубийственное задание, испугала Ноама, и он сам вскочил, не в силах более смирно сидеть.

Нет. Любимая женщина не пойдет на возможную смерть!

– Индиви, о чем идет речь?

– Сядь, – коротко, но без раздражения бросил, не поворачивая головы, граф, и Ноам как подкошенный рухнул обратно в кресло, не в силах послушаться.

Ноам хотел возразить, что Индиви – его жена, и он не может оставаться в стороне, но к его стыду, язык будто приклеился к небу. Тут он поймал насмешливый, почти пренебрежительный взгляд жены и понял, что и она заметила эту заминку. Тогда Ноам все же нашел в себе силы набрать в грудь воздух, но прежде, чем вымолвил хоть слово, к его стыду заговорила Индиви:

– Я могу взять Ноама с собой? – уточнила она буднично. Голос ее не дрожал, но глаза в свете свечей казались слишком блестящими. – Или он нужен вам в столице?

– Он тебе помешает. И да, Ноам нужен мне здесь.

Индиви медленно кивнула.

– Я справлюсь.

– Знаю, иначе бы не посылал, – ответил граф Лестос. – Ты отбываешь до полудня.

Всего несколько часов!

Жена почтительно склонилась, принимая приказ, а Ноама как кипятком окатило. Как он мог быть так слеп?! Ее же волнует только одобрение графа!

Она вообще не смотрела на мужа, с которым вновь расставалась, не выражала никакого сожаления. Словно Ноама и не существовало. И это пугало его больше всего.

«Ты во снах и в реальности – два разных человека, – смеялась Индиви, когда они с Ноамом только встретились. – Во сне чем-то похож на Аспида, каким его рисуют. И немного на учителя. Сразу видно, ты – являющий до мозга костей. Хотела бы я выглядеть так. А здесь... такой уютный, надежный, нежный, мой. Мне очень нравится».

Действительно, что Ноам представлял из себя здесь?

Мальчишку двадцати трех лет, ничтожного, не умеющего ни вскрывать с первого взгляда интриги, как граф, ни драться с десятью противниками разом, как Индиви. Вечный придаток к кому-то, кто во всем лучше – последний год к жене. Ноам бросил взгляд на зеркальное окно: еще и невысокий, узкоплечий, некрасивый. Конечно, Индиви не берет его в расчет. Когда-то разве брала?

– Индиви, выйди. Нам нужно поговорить с твоим мужем, – неожиданно приказал Лестос.

И когда жена, не тратя более слов, широким шагом покинула кабинет, притворив за собой дверь – лакеев Дэймар Лестос не держал, – господин обратился к Ноаму:

– Спрашивай.

Обескураженный прямоотой учителя, Ноам даже растерялся. Нет, в предложении, как и всегда, не содержалось подвоха: учитель не издевался и не высмеивал ученика, не пытался его подловить или что-либо подобное. Если предлагает задать вопросы – значит, не разозлится, когда Ноам воспользуется этим шансом.

Он поднял на графа взгляд – и осознал, что заставляет того ждать.

– Что с ней будет? Что за задание?

– Ту часть, что тебе можно знать, ты уже услышал. У Индивиди есть все, чтобы вернуться живой, целой и исполнившей мой приказ. Если так и будет, на что я надеюсь, подарю Индивиди собственное небольшое войско. Ты легко поддаешься страху, и он парализует тебя. Но у меня не так много учеников, и я не стал бы разбрасываться вами.

Граф говорил ровно. Ноам с детства боялся глядеть учителю в глаза, но знал: если поднимет взгляд, то не встретит ничего, кроме спокойной силы, за которой не кроется злости. Если бы граф Лестос не мог уделить Ноаму этого времени – не уделил бы, если бы не посчитал нужным отвечать – не ответил бы.

Только что в голове роились десятки вопросов – и все пропали, как не было их! Ноам потерял виски, сосредотачиваясь, досадуя на себя. Все, о чем он теперь думал, казалось ему ничтожным. Стоило только задуматься о вопросе – и ответ тут же приходил на ум, почти как в сказках о храмах Куты.

Ноам и сам помнил о договоренности на свадьбу и «долге превыше любви» – условии заключения брака, выдвинутом со стороны невесты. Индивиди всегда решала за себя сама – и тут никто ее не неволил, это же очевидно! Так как мог он обвинить учителя в том, что тот не уважает мнения мужа? А задать вопросы, которые отражали бы иногда терзавшую его ревность, он не решился бы.

Одно только требовало ответа:

– Зачем вы позвали меня? Дали мне услышать все это?

– Во-первых, чтобы ты был в курсе ситуации, над которой я передам тебе частичный контроль. Командир войска – слабый являющийся, познакомься с ним и поставь метку-маяк. Если не сможешь дозваться жены или решишь, что ей нужна помощь, о которой она почему-то не просит, приказ уничтожить всех, кроме Индивиди, отдашь ты.

Ноам ушам своим не верил. Выглядящее заданием на самом деле являлось настоящим подарком – лучшим лекарством от ощущения бессилия и невозможности поучаствовать в судьбе Индивиди. Спасти ее, если станет опасно! Знать, что она не одна, и быть той самой страховкой!.. Учитель же продолжил:

– Что касается остального – ответ сам, Ноам. Будешь неправ – поправлю.

Остального. Он говорит, конечно, о том, что Ноам принял за страшнейшее унижение. И снова – ни малейшей злости. Граф Лестос предлагал ему, должно быть, простую задачу, надеясь научить, как и обычно.

– Чтобы я видел, что она согласилась сама, – тихо ответил Ноам, радость которого немного померкла.

– Да. И?

– Я не знаю.

– Знаешь.

– Чтобы дать ей возможность воспользоваться симпатией сына Крайта, – сквозь краску выпалил Ноам, вдруг складывая все воедино. – И что я как будто не против, раз промолчал, но я...

– Здесь не ошибся в главном, но ошибся в выводе, – поправил его учитель. – Чтобы если она будет вынуждена прибегнуть к подобному ради выживания, ты знал: это – мой приказ, а она знала, что ты помнишь о нем. И это не сказалось ни на ее решимости выжить, ни на вашем браке.

– Она никогда не скрывала, что вашим указаниям последует даже вопреки чувствам, – пробормотал пристыженный, но разозлившийся то ли на себя, то ли на Индивиди, то ли на учителя Ноам. Его рвало на части, но он пытался не выглядеть потерянным. – Она в первую очередь жаждет вашего одобрения. По сравнению с этим моя любовь для нее... ничто.

– Ты зря обвиняешь жену и тем более патетично заостряешь свою оценку. Ее любовь по сравнению с тем же или с возможностью учиться тоже проиграет, если судьба поставит тебя перед выбором. Это ничего не меняет.

Ноам даже онемел на миг. Он хотел что-то возразить, но не смог – учитель, как и обычно, видел своего ученика насквозь. И вскрывал подобные нарывы не затем, чтобы причинить боль – вместе с еще одной волной мучительного стыда железная рука словно разжала солнечное сплетение. Вот о чем говорил граф Лестос: приоритет служения, как и обучения, не обнуляет ценности того, что стоит на втором месте.

Эту ужасную, неромантическую правду, словно взятую из историй о древних рыцарях чести, можно было и дальше гнать от себя, как весь последний год. А можно было принять – «долг превыше брака», – и наслаждаться любовью восхитительной Индивиди, такой же невероятной, как и тогда, когда чувство дарило только счастье.

И тогда, не поднимая глаз, Ноам выпалил последний вопрос, уже наплевав на все:

– Она любит вас? Вы же...

В ушах звенело. Ноам боялся ответа и жаждал услышать его, уверенный – и сейчас учитель не солжет.

– Между нами никогда не было физической близости. Она пока хочет моего внимания, да, но в романтические отношения это не перерастет. Твоя жена прекрасно это понимает и со свойственной ей силой направляет пока не отжившую свое неуместную влюбленность в другое русло. Поэтому я не стал бы списывать ее чувство к тебе, Ноам, со счетов. Ведь она вышла замуж уже после того, как встретила меня, и, насколько я вижу, тебя очень радуют эти отношения, пока не начинаешь изводить себя подобными вопросами.

Повисла пауза.

Ноам сидел, опустив лоб к коленям, не решаясь распрямиться. В голове было пусто и гулко, в горле стоял ком. Все озвучено, будто душа вывернута наизнанку... И от этого легче, как и всегда.

Наконец он поднял голову.

Учитель сидел за своим массивным столом и снова что-то писал, изредка опуская перо в чернильницу. В плоской чаше догорали свечи, и перо отбрасывало на его лицо тень, перечеркивая бровь, будто он надел маску. За спиной графа в широком окне небо уже совсем посветлело.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Ноам. – Что всегда отвечаете. И мне жаль, если я разочаровываю вас.

Глава 11. Неожиданная помощь (Саэли)

«И если жизнь, власть и семья человека положить на одну чашу весов, а на другую – лишь крупицу знания, мои дети выберут второе. И нет пути, что запрещен, и не существует метода, что презрен ради сияния истины, что осветит путь тысячам поколений, следующих за нами. Нет и не будет ни одного правителя, что не пришел бы на поклон к нам. И нет ни одного вопрошающего, кто не признал бы, обратившись, что всезнающая Кута – могущественнейшая из богинь, хоть и не создает армий».

Откровение неизвестного служителя Куты.

Спустя семь часов, когда Кеар очнулся, Саэли не сказала ему о своей затее и глупости ни слова. Скрывать от брата что-то столь важное – впервые за всю жизнь! – неожиданно оказалось намного проще, чем она думала, но вместе с тем и тяжелее. Сразу заметив, что сестру что-то мучает, Кеар задал пару вопросов, на которые Саэли ответила общими фразами, упомянув Рора. Брат, доверявший ей целиком, и тут сочувственно кивнул, не сомневаясь, от чего на душе стало еще хуже.

Но Саэли не могла открыться! Она хорошо знала, что ответит Кеар, и даже что сделает: запретит ей выходить из монастыря и будет поить настойкой горянки, предупредит аскетов, чтобы следили за гостьей, потребует больше не высовываться и подпишет приговор всем, кроме них самих.

«Мне надо спасти тебя, Сэл».

Нет, хорошо, что он не знает.

А Саэли будто ступала по тонкому льду. И от трещин под ее ногами расходились разломы, грозящие потопить других. Да, у Рора теперь появилось немного времени, в этом Саэли не сомневалась. Наводящему сон не так просто солгать, это обнаружил еще Кеар. Саэли тысячу раз испытывала это на себе, поэтому сейчас тоже надеялась: и королева не лгала. На момент разговора с Саэли она вполне могла думать отпустить дедушку, и это грело душу.

Но не лгала королева и в остальном. Она станет искать других заложников.

– Сэл? Не волнуйся, ты все сделала правильно, главное, мы живы, – прервал ее размышления брат, к радости Саэли с небывалым аппетитом уплетавший принесенные аскетами свежий хлеб и что-то вроде жирного супа из корней со специями. – Главное, нам нельзя во дворец.

– Я... – очнулась Саэли, заглядывая в уже опустошенную Кеаром кружку. – Тебе не плохо? Они сказали, что если добавить в чай лапчатку и мяту, будет не так плохо после горянки. Не тошнит?

Брат чувствовал себя хорошо, раны поразительным образом покрылись тонкой коркой, и воспаление практически спало. Какие бы мази и снадобья ни использовали здешние врачи, средства работали. Только сейчас Саэли подумала, опять коря себя за несвоевременность, что стоило спросить лекарей и о средстве от подступающего к Кеару временного недуга.

– Близо, само собой, – отмахнулся Кеар, словно речь шла не о чудовищном, почти парализующем похмелье после настойки от сновидений, а о безобидной икоте. – Но пока меня не выворачивает, я намерен вылебать столько этой питательной дряни, сколько смогу. Глядишь, суп и проскочит. – Он залпом выпил варево через край металлической миски и со звоном отставил ее на столик. Потом поглядел на сестру своим черными от расширившихся зрачков глазами: – Ты молодец, что сообразила закрыть меня от снов. Если бы не подумала, носитель молний меня бы уже добил. Знаю это выражение лица. Не грызи себя, Сэл, ты умница.

– Я не уверена, что все сделала правильно, – позволила себе немного приоткрыться Саэли.

– Да уж, храм Куты – не лучшее место, – хмыкнул Кеар, не считая нужным даже понизить тон, и Саэли замахала на него руками. Брат только улыбнулся. – Конечно, нас просто так отсюда не отпустят, но теперь у нас, по крайней мере, есть шанс убежать. Нам придется сделать это как можно скорее. И насчет больниц и храмов Аграны ты права. А здесь... Ну, не принесли в жертву на входе – дальше уж разберемся, – как-то даже слишком весело, будто и сам был не уверен, добавил он. – Не закроешь окно? Уже ярко.

Чтобы исполнить его просьбу, Саэли расправила простую холщовую занавесь и подоткнула ее под раму. Небольшая комнатка, и до того еле освещенная, теперь погрузилась в сумрак. Сама Саэли почти ничего не видела, но зажигать свечей не стала: Кеара бы огонь слепил. Поэтому на ощупь нашла деревянное ведро, которое аскеты принесли утром, и ближе подвинула к изголовью кровати ближе. Похоже, брат кивнул – чуть дернулся силуэт.

– Ладно, этот день мы потеряли, но когда меня отпустит, двинемся дальше. Что я успел узнать, служа в столице, так это что у каждого есть цена. И у святош должна быть, и у их стражи. Можешь совершенно точно повторить ваш диалог со жрицей? Слово в слово, насколько это возможно. Проклятье!

Первый спазм скрутил его, и Кеар неловко обхватил живот руками, задевая повязки. Все же не вырвало – спустя несколько мгновений он опустил на подушки, долго выдыхая ртом.

– Кеар, я пойду, – прошептала Саэли. – Мне жрица назначила встречу. Вода вот здесь, в кувшине, и аскеты придут забрать посуду и дать еще супа около полудня. Меня может долго не быть, до самого вечера. Не волнуйся, я потом все расскажу. А если засну во время их многочасовых молитв, расскажу и раньше, – попыталась неловко пошутить она.

И Кеар, конечно, понял.

– Сэл? – его приглушенный голос звучал полным тревоги. – Рассказывай. Чего они от тебя хотят?

Слава Творцу, он подумал не о том. Можно было не лгать.

– Клянусь тебе, Кеар, я рассказала тебе про вчерашнюю встречу с жрицей чистую правду. Сегодня я буду искать свой вопрос, вот и все. Извини, что бросаю в таком состоянии, но наших хозяев не надо злить, правда?

«Я *должна* попасть в Арноар».

– Правда, – настороженно согласился Кеар и снова подскочил на кровати, скрючиваясь от еще одного сильного спазма.

Именно сейчас, эти несколько часов, пока брат будет мучиться тошнотой и светобоязнью, можно было попробовать...

Что? Убежать из храма, бросить его одного, где-то найти маску и пробраться на королевский карнавал?

Губы задрожали. Хорошо, что в темноте Кеару не видно. Как попрощаться с ним? Нужно ли прощаться? Разом вдруг навалилось осознание, что если удастся выбраться из храма Куты и встретиться с королевой, то вряд ли когда-нибудь... Даже додумывать не хотелось. Эта змея вряд ли просто отпустит того, кого зазывает шантажом. Даже если не убьет, не даст свободы.

«У нас остаются сны. Я приду к нему и все объясню, просто позже. Здесь его выходят, они обещали. И он намного сообразительнее меня, точно не пропадет».

Саэли выскользнула за дверь в освещенный солнцем открытый коридор. Прикрыла створку плавно, без стука, а потом навалилась на деревянное полотно всем весом, как если бы пыталась что-то удержать внутри. По щекам ползли слезы. Полированная древесина приятно холодила лоб.

– Кеар, я очень люблю тебя, – шепнула Саэли одним губами.

– Все в порядке? – раздался голос из коридора, и Саэли поняла, что за ней наблюдают. Ничего. Они ничего не видели – только сестру, которая боится за брата. Нечего и подозревать.

Так что Саэли обернулась к задавшему вопрос аскету, не утирая слез:

– Моему брату очень плохо. Я боюсь за него.

– Не оскорбляй нас недоверием, – услышала она в ответ уже знакомые слова и только теперь поняла, что говорит с тем же высоким голубоглазым мужчиной, что нес носилки ее брата ночью. – Мы пообещали ему помочь. Кута дала все нужные ответы врачам. Он выживет, останутся лишь шрамы. Нечего бояться.

Мужчина сделал к ней несколько шагов. Теперь, при свете дня, Саэли удалось рассмотреть его лучше. Служитель выглядел как будто немного иначе, и все-таки это точно был именно он. То же бесстрастно-заинтересованное лицо с глубокими льдистыми глазами и тонкими бровями. Та же светлая, почти прозрачная кожа.

В этот раз волнистые светлые волосы, туго сплетенные на затылке, не покрывал капюшон. Теперь вместо бесформенного балахона аскет был одет в некоторое подобие хитона и многослойной мантии с узкими рукавами, перехваченной широким поясом. Да и само одеяние, бесцветное, как и у всех здесь, все же отличалось от остальных: по краю подола и поясу ветвился едва заметный орнамент из повторяющихся круглых символов, вышитый серыми шелковыми нитками на сером же полотне.

В этом одеянии он казался еще более высоким и худым, чем вчера.

– Я не хотела вас оскорбить, – склонила голову Саэли, украдкой вытирая мокрые щеки.

– Знаю. Ты просто не понимаешь, где оказалась.

И этот человек вчера показался Саэли бесцветным? От него холодок шел по коже.

Саэли бросила быстрый взгляд во двор. Мимо открытого коридора прошли трое аскетов, и все они выглядели одинаково: в простых, не опоясанных балахонах с накинутыми глубоко на лицо капюшонами. Ткань их одеяний была светлее и проще, чем у того, кто сейчас не сводил с Саэли взгляда.

К тому же, на его шее блестел символ Куты на длинной цепи, чего Саэли не видела ни на одном из других служителей этого храма, даже на жрице.

«Точно не один из них, – подумала Саэли, разглядывая символ. – Но кто он тогда?»

И вдруг свет померк, и сознание, как в сон, рухнуло в быстрый образ.

Дедушка Рор принес с рынка марионетку с порванными нитями.

– Смотри, я заставлю его заплясать. Знаешь как? Это самое интересное.

Маленькая Саэли начала вертеть яркую куклу-арлекина в руках, не понимая, как он может двигаться, если и ручки, и ножки фигурки – мягкие и податливые. Она попыталась поставить его на блестящие ботиночки, но не смогла.

Рор же подмигнул и быстро и ловко связал несколько нитей, а потом поднял крестовину к глазам. И произошло чудо: арлекинчик, до того представлявший из себя только безжизненное тряпье, вдруг выпрямился и замахал сначала одной рукой, потом другой, а затем и вовсе, переставляя ноги, пустился танцевать. Саэли захлопала, и Рор засмеялся.

Саэли отступила на шаг, хватаясь за каменные перила, что отделяли коридор от улицы. Сердце колотилось где-то в горле. Когда она снова поглядела аскету – жрецу, кукольнику, одному из тех, кто подвешивает и связывает нити! – в лицо, тот едва заметно усмехался.

– Я думала, вы простой аскет, – покачала головой Саэли. Потом собралась и добавила: – Но вы сегодня одеты иначе.

– Простые аскеты не выходят наружу и не встречают вопрошающих. Ты так легко обращаешься к Куте, – покровительственно, одобрительно заметил мужчина. – Это интересно – и делает твой приход сюда еще более осмысленным. Я сказал бы, ты из являющих сон.

Наверно, ее лицо вытянулось от неожиданности. Что-то ухнуло вниз, и Саэли еле нашла в себе силы, чтобы ответить:

– Я бы не стала заниматься подобной мерзостью. Это запрещено короной и законами Творца. Вы обвиняете меня в том, что я – приспешник Аспида? На основании того, что вчера я сказала о брате? Так вот, мы жертвы, а не злодеи. Не переворачивайте...

– Глупость, – прервав ее суетливую оправдательную речь, снова шагнул ей навстречу жрец, и Саэли по его тону сразу стало ясно, что он видит ее насквозь. – Быть являющим сон становится опасно. Сегодня за одним из наших вопрошающих пришла Голодная Тень. Мы будем вынуждены похоронить его.

Словно повеяло холодом. Мысли метались, произнесенные служителем слова казались странно знакомыми, но Саэли не удавалось уцепиться за них и что-то вспомнить. Голодная Тень, Голодная Тень... Что же такое? Может, Кеар что-то рассказывал?

– Быть являющим сон всегда опасно, разве нет? – пробормотала она. – В Ауленштадте...

– Это происходит везде.

– Что?

Хорошо, что прикусила язык и не уточнила, гонения ли мастер Адриан имел в виду. Сама постановка вопроса таким образом подставляла и Саэли, и Кеара под удар, что бы жрец ни говорил о здешних правилах. Да и не могло это быть правдой...

Когда, будучи подростками, они с братом решили сбежать из Ауленштадта, Кеар где-то вычитал, что союзный Золотым землям соседний Каладар тоже объявил являющих вне закона, поддержав Деаго в его притязаниях на трон. Они с Кеаром тогда надеялись, что однажды окажутся в солнечной Таргасии, где смогут гулять по оранжевым пляжам... Или и вовсе уплывут в Солисар, подальше от всего, что с ними случилось здесь.

Этот было так давно! С тех пор они с Кеаром повзрослели. Детские мечты остались в детстве, отправились на свалку, как когда-то благородная фамилия.

Служитель Куты не ответил. Вместо этого сощурился, словно услышав ее мысли о прошлом:

– Как тебя зовут, Саэли?

– Вы только что ответили на свой вопрос, – сделала шаг назад Саэли. Она ткнулась спиной в холодный камень перил, и теперь отступать оказалось некуда. Жрец же небыстро, но неотвратимо шел вперед. Саэли совладала со страхом и подняла подбородок: – А как зовут вас?

– Адриан Аморвес. – Ничего себе, так он из рода бывших королей! Увидев, как расширились глаза Саэли, мужчина добавил: – Моя семья носила титул Ищущих Звезды и претендовала на престол задолго до того, как появились Сакрисы. Знаешь мою фамилию, – он не спрашивал. – Ты тоже из высокородных, Саэли.

Нужно было срочно перевести тему.

– А как к вам правильно обращаться? Отец? – вспомнила Саэли матушек-жриц в храме Агранны.

– Мастер Адриан. Мы не священники. По сути, это не храм, а школа. И пребывание здесь – не служение, а обучение. Всему, чему захочешь, Саэли. Любое знание поощряется Кутой, раз ты вносишь свой вклад. Поэтому и являющих в этих стенах можно упоминать спокойно.

Саэли сглотнула образовавшийся в горле ком. Мужчина стоял уже совсем близко, буквально на расстоянии шага. Выражение его лица оставалось таким же спокойным и заинтересованным, как и раньше, но в глаза глядеть было тяжело, словно они кололи.

– Не знаю, зачем вы мне это говорите.

– Чтобы ты могла сформулировать свой вопрос открыто, не ставя себе рамок. Здесь мы снимаем шоры. Он может быть вне поля твоего привычного зрения.

Опять этот вопрос! Да сколько же можно! Саэли хотелось послать их всех в аспидово жерло, вот так прямо, как Кеар обычно посылал своих врагов. Почему именно сейчас? Почему

этому жрецу приспичило прийти сюда именно в тот миг, когда Саэли искала возможности покинуть это место?!

С этим – не убежишь. Один его взгляд весит больше, чем кандалы.

– Спасибо, мастер Адриан. Я подумаю над вашими словами, – попыталась избавиться от собеседника Саэли, но когда хотела проشمыгнуть мимо, надеясь, что жрец, как бы он себя ни называл, просто уступит дорогу, тот не двинулся с места. – Я пойду.

– Ты хочешь уйти?

– С чего вы взяли? – опешила Саэли.

– Этот вопрос важен для меня. И Кута дает мне ответы так же, как и тебе.

И словно еще один удар в грудь – так это происходит не только с ней! Саэли рассеянно провела рукой по волосам. Что сказать? Отрицать – глупо, признавать – недальновидно.

А вдруг именно одобрение жреца – ее путь на свободу? Может, Творец как раз послал этого мастера Адриана не просто так?! И нужно убедить только его?

– Я не знаю, что сказать, – честно ответила Саэли. – Но вряд ли вы удивитесь, что кто-то, кто обратился к вам в отчаянии, может иметь необходимость оказаться снаружи. Я слышала, что в храме Куты все – пленники, – добавила она, почему-то надеясь, что наглость и открытость сыграет ей на руку. – Если бы я ушла, то обязательно затем бы вернулась, ведь здесь мой брат, а я бы не бросила его. Это правда, что выходить запрещено?

Вдруг Адриан наклонился к Саэли, и ее обдало запахом горящих свечей. Качнувшийся на цепи сферический символ почти коснулся лифа платья, так жрец был близко.

Блеснули белые зубы:

– Тебе я разрешаю.

Глава 12. Сердце Энстадта (Саэли)

«Разве кто-то может кому-то принадлежать, хоть родителю, хоть учителю, хоть божеству, хоть королю? Все сделки такого рода – вздор. Невозможно продать то, чего у тебя никогда не было. Так и тебя никто не сможет продать, и ты никем не владеешь и ни перед кем не в ответе. Принадлежишь только себе и решаешь только за себя».
Автор неизвестен. Говорят, слова взяты из откровения последователя Аспида.

Последнее, что Саэли себе представляла, когда думала, как выбраться из храма, это что ей просто откроют двери.

Адриан, отдавший аскетам приказ снять засов – правда, не со знаменитых треугольных ворот, а с металлических скоб одной из небольших калиток, проводил Саэли внимательным взглядом.

«Ты сформулировала вопрос?»

«Я могу попробовать сейчас...»

«Не спеши. Пока ты не сделала этого, ты наша. Тебе повезло».

«Почему?»

«Ты думаешь, что идешь на смерть, но Кута не даст тебе умереть. Не переубеждай меня, сама же понимаешь, как это глупо. И возвращайся, как только сможешь».

«А если... со мной что-то случится?»

Саэли до дрожи боялась, вдруг мастер Адриан скажет, что жизнь Кеара зависит от ее возвращения – но он не сказал. Не ограничил жрец и срока пребывания снаружи, словно не посчитав нужным. Саэли было не по себе от мысли, что мастер Адриан знает что-то о ее договоренности с королевой и молчит. Да что там! Она почти готова была поверить, что Кута и правда дает своему последователю знания, которые не доступны больше никому.

Кеар назвал бы это самовнушением. Он все, что касалось религий, называл так, а после неудачи жрецов Аграны в излечении Рора только уверился в своем мнении. Если бы сестра рассказала ему о ярких, дающих ответы воспоминаниях при взгляде на символ знания Куты, Кеар, конечно, не стал бы откровенно поднимать ее на смех, но отпустил бы пару саркастичных комментариев, как он умел.

Может, сейчас это пошло бы на пользу.

На пороге Саэли обернулась: мастер Адриан все так же не сводил с нее глаз. Прямой, как у птицы, взгляд, по-прежнему казался и заинтересованным, и бесстрастным.

Нет, что-то явно не так!

Саэли неловко подняла руку, прощаясь, но жрец не отметил ее жест. Вместо этого аскеты захлопнули деревянную калитку перед носом Саэли, и она осталась одна – прямо посреди улицы, с вскинутой рукой.

«И по другую сторону стены от Кеара».

Она оглянулась, вдруг ощутив себя невероятно уязвимой и одинокой, поймала взгляд какого-то бродяги и спешно отвела глаза, а затем натянула капюшон поглубже и заспешила прочь от высокой стены, чтобы никто не обратил на нее внимания.

Солнце было почти в зените. Вокруг шумел большой город, пахло луком, свежим хлебом со специями, лошадиным пометом, пылью и почему-то дымом. Завернув за угол чуть косога, заброшенного каменного дома с деревянной надстройкой на крыше, Саэли замедлила шаг и обернулась.

Стены храма Куты даже отсюда казались такими высокими, что преобладали над разномастными, все как один заброшенными зданиями, которым то ли повезло, то ли не повезло с подобным соседством. Чуть вдалеке, но прямо над покосившимся шпилем дома с надстройкой блестели, отражая солнечные лучи, похожие на перья пики, и это зрелище отозвалось смутной тревогой. Саэли отошла еще, чтобы посчитать – их же не меньше полутора дюжин!

– Что встала! – прикрикнул на нее проезжающий мимо всадник в зеленом бархатном тапперте с золотыми листьями, явно из свиты какого-то из графов.

Саэли ушла с дороги, прижимаясь к дому напротив, чтобы не мешаться. Риттер прогарцевал мимо, более не устаивая ее вниманием, а вслед за ним, не сворачивая к храмовым стенам, пробежали несколько мальчишек, явно использующих заброшенные дома как игровую площадку и не боящиеся ютящихся в этих строениях бродяг.

«Я впервые здесь одна».

Как она вчера не заметила этих странных трущоб? Или подходила к храму с другой стороны?

– Деточка, ты дай старику на опохмел, – схватил ее за плечо какой-то мужчина в лохмотьях. Разило от него невероятно, и Саэли перепугалась, что он бросится искать у нее кошель, поэтому она только рванулась, чуть не оставляя в грязных пальцах кусок рукава. – Во имя короны! – плюнул ей вслед пьяница, а она уже неслась прочь из неблагополучного района.

– Фонарики за медяк! Фонарики! – надрывал горло мальчишка, которому еще и пятнадцати явно не исполнилось. – Фонарики и чистая вода на сдачу!

Саэли обогнула повозку с разбитым колесом, стараясь не привлекать к себе внимания. Справа визгливо захохотала женщина, кто-то толкнул Саэли плечом, и она схватилась за карман своего короткого плаща, боясь потерять остатки денег, которые были так нужны, чтобы пробраться в поместье Арноар. Нет, случайный прохожий не оказался карманником – простой человек, такой же, как и она сама.

Сердце почему-то колотилось очень быстро. Хотелось плакать. Хотелось оказаться дома или хотя бы рядом с Кеаром. Ругая себя за наворачнувшиеся слезы, Саэли перебежала еще одну улицу, шмыгнула в темный, но короткий переулок, перегороженный веревками с бельем, обогнула телегу с битыми горшками, быстро улыбнулась пожилой женщине, отчищавшей черепки, и выскочила на портовой площади, переводя дух.

Никто за ней не следил.

Вот здесь они вчера проходили. Направо и вниз – склады и доки, а если налево – питейные заведения, небольшие лавочки и площадь с большим колодцем под резной крышей. Там, у вечно закрытых южных ворот, обычно до обеда шумел стихийный рынок – они с Кеаром не раз бывали здесь, когда требовались ткань, чернила и перья.

Брат просил ее не ходить сюда одну. *«Порт и рынок – опасные места для молодой девушки, Сэл. Здесь бьется сердце Энстадта, но оно пьяно, грязновато и вынуждено обманывать».*

Мимо прошла королевская стража, и Саэли инстинктивно съежилась, пряча лицо. Но благодушным после вчерашних возлияний воякам не было до нее никакого дела.

– И что мне делать теперь? – растерянно прошептала Саэли, присаживаясь на колесо от телеги и массируя виски. Боясь доставать кожаный мешочек, служивший ей кошельком, она пальцем пересчитала монеты, так удачно полученные ею за выполненный накануне заказ: семнадцать маленьких медных и две побольше. – Путь состоит из мелких шажков, так всегда учил дедушка. Найти платье и маску, на рынке же продают поношенное. Выяснить, где находится поместье Арноар. И ждать возможности пробраться внутрь. А вечером встретиться с королевой и при свидетелях попытаться договориться об обмене. Это даже звучит глупо.

*** «Предательница короны и опасная преступница»

Изрядно потрепанное и пропахшее душистыми эфирными маслами коричнево-рыжее платье, должно быть, смотрелось смешно – в просторном поясе вполне могла бы поместиться еще одна Саэли. Торговка, утянувшая «обновку» из какого-то тюка богатой белошвейки, помогла приладить поверх вороха ткани пояс и даже заложить складки, чтобы скрыть неподходящий размер, и все говорила, как к лицу Саэли «достойное одеяние», как она его называла.

– Настоящая благородная эдле! – то и дело восклицала она.

Подделка под парчу кололась, была тяжелой и неудобной, но Саэли удовольствовалась и этим: так, по крайней мере, мало кто мог бы узнать в ней деревенскую. Косы пришлось уложить на голове, а поверх натянуть платок. Когда она глянула в тусклое металлическое зеркало, не поверила своим глазам: на нее смотрела почтенная городская матрона с лицом молодой девушки.

С маской пришлось сложнее: чудом найденная ею на рынке бумажная заготовка, раньше бывшая, наверно, каким-то чудным зверем, немного промокла, и теперь сморщилась с одной стороны и пошла волнами с другой. Ушлый паренек, продававший ее, предложил заклеить неудачные места потрепанным кружевом, и Саэли отдала за это последний медяк. Теперь, выбравшись из-под глухих крыш рынка, она рассматривала получившегося монстра на свету и готова была истоптать ногами и маску, и себя за подобную глупость.

Таким никого не проведешь! Да ее просто засмеют!

– Дорогуша, а твой-то плащ что, куда девать? – нагнала ее торговка. – Забыла она!

– Да я... – не нашлась сразу Саэли. По привычке она замешкалась, думая, что бросать хорошую вещь жалко, но одернула себя: какой ей плащ? Пережить бы ночь. – Вы себе оставьте, тетушка, – махнула она рукой.

– Хорошо, – расплылась в улыбке довольная торговка, явно радуясь очередной «обновке». – Спасибо, деточка. Хочешь, медяк верну? Нет? – сама ответила она на свой вопрос и довольно вздохнула. – А я тебя не спросила, куда ты так вырядилась-то? На работу кто взял?

– Попробовать устроиться горничной хочу, – вслепую соврала Саэли, хватаясь за шанс спросить о поместье как бы невзначай. – В поместье Арноар, слышали о таком, тетушка? Знаете, где оно?

– А-а-а, так ты из этих... – протянула торговка понимающе. – Ну, удачи. Только я вот думаю, глупости все это. Сказки. Я как считаю: тебе совершеннолетие пришло – в сказки верить перестань. А то все как с ума сошли.

– Какие сказки? – переспросила Саэли ошарашенно.

– Дак что можно пригляднуться кому важному. Платье я тебе хорошее продала, но как по мне, мужики, что знатные, что наши, одно любят – молодость и деньги, да не считают ни того, ни другого. – Торговка пожевала губами. – А вы, дурехи, платите кровные, чтобы на виду у графьев показаться. Не понимаешь, что ли, что мы как были, так и есть для них невидимки? Вот ты сколько заплатила за Арноар этот проклятый?

Кажется, сердце пропустило несколько ударов. Не ослышалась?! Заплатить, чтобы попасть в поместье?! Такая удача?! Может, и правда благоволит Саэли какое божество...

– Я пока не платила, только слышала, что можно, – выдохнула Саэли, в очередной раз поправляя высокий колющийся воротник. – Умоляю, вы мне расскажите, к кому обратиться?

Кеар посмеялся бы над наивностью. Торговка тоже ругала глупышек, а Саэли отчего-то стало очень горько, и сердце защемило: как же должна складываться жизнь, чтобы верить в

подобные сказки? Да и каким медом намазана жизнь знатных? Чтобы в любой момент всю семью могли объявить предателями и казнить?

Но городские мечтательницы считали это шансом на счастье.

Оказалось, что купец, распоряжавшийся свежими цветами и украшавший поместье Арноар к праздникам, иногда приторговывал и весьма небанальным товаром – билетом в лучшую жизнь для незнатных столичных красавиц. Каждый раз нанимал новых цветочниц, вот только не он платил им, а они отдавали все свои сбережения, чтобы попасть на бал. Ходили слухи, что кто-то однажды не вернулся из поместья, и остальные посчитали это успехом, а купец поднял цену вдвое.

У Саэли не было двух десятков серебряных монет, она не договорилась с ловкачом заранее. Поэтому она внимательно выслушала торговку и, грустно улыбнувшись, поблагодарила и побрела к цветочной лавке, надеясь убедить купца хотя бы подкинуть ее до поместья.

«Мне везет, – повторяла Саэли, убеждая себя, гоня из памяти данный королевой пароль и стараясь не думать, что будет вечером. – Теперь я знаю, где поместье. Мне даже не пришлось спрашивать людей на улицах или в тавернах и привлекать к себе лишнее внимание. Я знаю, кого туда точно пропустят. Наверно, купец доставляет цветы заранее, чтобы все украсить. Не придется сидеть здесь до ночи, не зная куда приткнуться. Будет время осмотреться, может, там есть, где перелезть через забор. Разберусь. Я со всем разберусь. Буду пробовать столько, сколько нужно. И главное, если и поймают, никого это не удивит: скажу, что просто мечтаю посмотреть на гостей. Не может же стража не знать о делах цветочника. Маленькие шажки. Ты по крайней мере не узнаешь, что я внутри, пока я не загляну тебе в глаза».

Наверно, Кеар назвал бы самообманом и это. Саэли старалась не думать о ловушке, в которую искала путь.

И это даже удавалось ей, пока она не оказалась на главной площади.

И не увидела большой, с два локтя, портрет на доске объявлений.

«Предательница короны и опасная преступница! Лжива и злонамеренна! За сведения о местонахождении – от 5 до 20 золотых орлов. Обращаться к городской страже», – гласила крупная красная надпись под ее схематично, но реалистично выписанным чернилами лицом.

Мальчишка, только что прибивший колышком объявление к шербленной древесине, поправил его и заспешил дальше, в сторону рынка: под мышкой он сжимал не меньше двадцати таких листов. За ним по пятам следовал стражник.

Несколько секунд Саэли просто пялилась на собственное чернильное лицо, задержав дыхание. Затем втянула подбородок в воротник так, что жесткое кружево оцарапало кончик носа. Никак не удавалось вдохнуть.

Наконец она сделала рваный, судорожный вдох и быстро осмотрелась. Казалось, будто ступни прибили к земле перед доской такими же колышками, и что каждый бросающий случайный взгляд на объявление, тут же понимает, кого все ищут и кто так нелепо скрывается на самом виду. Саэли ощупала руками платок, наглухо скрывавший темные волосы – на портрете художник, чуть преувеличив, выписал длинную косу, – и подоткнула вылезшие пряди под плотную ткань.

Ладно. Ладно. Она все равно сейчас выглядит совершенно иначе. Художник изобразил молодую стройную девушку в простом деревенском платье и с локонами, небрежно забранными в косу, а Саэли сейчас смотрелась, как почтенная, покрывшая голову мать городского семейства. Платье добавляло объема талии и особенно бедрам, воротник скрывал лицо, белый, перевязанный металлической тесьмой хлопок платка – волосы. Везет, все еще везет... Ведь везет же?

И объявления о Кеаре рядом не было... Королева поверила! Наверно, Ноам, этот жуткий ходящий по снам, не нашел забывшегося под настойкой горянки Кеара и сделал вывод о его смерти. Хоть брат в безопасности.

Стараясь не частить, чтобы волнение никто не заметил, и даже пытаюсь переваливаться, словно у нее больные ноги, Саэли пересекла площадь, не поднимая глаз. На нее налетел какой-то мальчишка, но вместо того, чтобы помочь ему подняться, Саэли только отшатнулась, как от бешеной собаки, и парень, хлюпая носом, сам вскочил и бросился наутек.

Куда теперь?!

Какова вероятность, что тот ловкий купец видел объявления? Обратил внимания на них? Саэли не сомневалась, что человек, играющий мечтами молодых девушек и зарабатывающий на их страхе прожить обычную жизнь, сдаст преступницу страже даже за пару монет, а уж за золото – тем более. Но ведь он мог быть очень занят утром... Да и спрашивать прохожих о местоположении Арноара теперь опасно.

Неожиданная мысль пришла в голову: «Я могу вернуться в храм и спросить у Куты».

Саэли застыла, как вкопанная. Отчего-то осознание, что она размышляет, словно адепт богини знания, очень испугало ее. «Не верь церковникам», – говорил дедушка Рор...

Поэтому Саэли еще плотнее прижала подбородок к груди, вынужденно вдыхая запах пропитанного пылью и почти выветрившимися эфирными духами воротника, и, стараясь держаться тени, поспешила к дому купца, оглушенная громкостью собственных шагов.

Она увидела нагруженные громадными цветочными вазами телеги, как только миновала последний перекресток и завернула за угол. Четыре повозки – подумать только, как много! – стояли друг за другом. Лошади меланхолично переступали с ноги на ногу, фырча то ли от голода, то ли от недовольства. Цветы были укрыты каким-то материалом, более всего напоминавшим бумагу. Саэли пригляделась: как же должен быть богат этот купец, чтобы так использовать ценнейшие древесные листья? Или какими ценными могли быть цветы?

Похоже, они собирались выезжать. На широких козлах каждой из повозок сидели, теснясь, едва удерживаясь по бокам, по три девушки. Возницы – рослые парни в легких кожаных доспехах, по-свойски хватали красавиц за коленки и талии, притягивая к себе плотнее, будто бы чтобы те не упали.

Парни эти выглядели не как обычные работяги. Ни один кучер не носит доспехи. Саэли вдруг поняла, что группа всадников-стражников, карауливших на перекрестке, тоже посматривает на телеги. Неужели у простого купца такое сопровождение? Что он везет в поместье на самом деле? «Это не мое дело, – оборвала себя Саэли, вытягивая шею и пытаясь разглядеть крыльцо. – Да хоть телеги золотом набиты».

Повозки перегородили небольшой переулок, и даже протиснуться между бортом и стеной, не сминая с таким трудом уложенного платья, ей бы не удалось. Хуже оказалось бы другое – на нее точно обратили бы внимание и возницы, и девушки. Вход в дом купца находился чуть дальше, так что Саэли бросилась в обход, надеясь, что повезет снова, и процессия не тронется в путь, пока она обегает дом с другой стороны.

К моменту, как она оказалась у двери, повозки все еще стояли на месте. Саэли радостно устремилась к крыльцу, спрятав лицо, но распрямив спину: еще один парень в доспехах дежурил у самой двери, и он должен был подумать, что девушка имеет право здесь находиться.

– Ты кто? – прогудел стражник.

Саэли глубоко вдохнула, придумывая ответ, но тут он словно ответил сам себе:

– Прошу вас.

Удивленная, она шагнула вперед, все еще не поднимая лица, – и столкнулась со спускающимся со ступеней мужчиной, которому слуга и открыл дверь. Мелькнул серый подол дорогого одеяния, пахло едва заметным ароматом дыма, а Саэли, успевшая сделать наверх всего один шаг, потеряла равновесие и, ухватившись до боли за перила, сразу поняла, что знает посетителя купца.

Она глянула на мастера Адриана поверх воротника, не зная, что делать. Он смерил препятствие взглядом – и узнал, несмотря на маскировку.

– Простите, – выдохнула Саэли, отступая.

Жрец удивленно глядел на нее с пару мгновений. Взгляд его метнулся от так похожего на чепец белого платка к кружевному воротнику, потом на складки безразмерного платья. И вдруг вся невозмутимость разом, словно задули свечу, слетела с него, и он расхохотался, прикрывая ладонью глаза.

Это было так неожиданно, что Саэли, не зная, куда деться от неловкости, тоже хихикнула, а потом смущенно зажмурилась.

– Господин? – как-то обиженно обратился к Адриану слуга. – Вы эту женщину знаете? Мне велено не пускать никого до... ну, вы поняли.

– Встречал, – будто все еще не веря, покачал головой жрец. – Пойдем-ка... – Он некоторое время выбирал обращение и остановился на том, что дало знать Саэли: переодевалась она все-таки не зря. – Эдле, очевидно.

Так обращались к свободным, зажиточным подданным короны.

– Мне сначала нужно поговорить с купцом, – выпалила Саэли, забыв даже изменить голос на более низкий, как изначально собиралась.

– Так ты – одна из искательниц богатого мужа? – все еще посмеиваясь, поднял бровь мастер Адриан. Сейчас он не выглядел пугающе: обычный человек, презирующий глупость. Отчего-то Саэли стало еще более неловко, словно его мнение могло что-то изменить. – За этим ушла из храма? Чтобы попасть на бал, – Адриан красноречиво оглядел ее с ног до головы, – в новом наряде?

– Да все девки уже распаханы по телегам, – вдруг недовольно вступил слуга. – Лишняя она. Наверно, просить пришла. Тут все время шастают, кому места не хватило. Предлагают господину всякое непотребство, – хохотнул он.

Саэли сама не знала, что на нее нашло. Щеки, наверно, стали уже совершенно пунцовыми, и чтобы скрыть смущение, она уперла руки в бока и набросилась на бедолагу:

– Ты почему со мной без уважения говоришь? – возмутилась она, пытаясь подражать деревенской учительнице. – Какая я тебе девка?! И что, если мне в Арноар надо? Это повод надо мной смеяться?!

А голос предательски дрожал. Конечно, внимательный слуга не повелся на такую глупость – только нахмурился больше. В отличие от мастера Адриана, этот ситуацию смешной не считал. И даже наклонился вперед, пристально разглядывая лицо посетительницы. Мысль о развешенных по городу плакатах пришла в голову Саэли почти мгновенно, и она отступила, поддергивая вверх воротник.

– Поедешь в Арноар со мной, – вдруг распорядился мастер Адриан. И добавил тише, ближе подходя к едва сдерживающей нервную дрожь Саэли: – И поговорим по дороге.

– Так это... – неуверенно пробормотал слуга. – Она кто вообще?

– Цветочница, как все, – пожал плечами мастер Адриан. Только сейчас Саэли заметила, что вне храма символа Куты жрец не носил. Хотя в остальном теперь выглядел почти как там: веселость пропала из холодных и острых черт, словно ее и не было. И на бедного мужика смотрел он свысока, как и положено представителю знатной семьи, да еще и священнослужителю в придачу. – Сомневаешься в моем слове?

– Нет, – заверил его слуга. – Мне тогда господину что сказать? Что еще одна будет?

– Скажи, – махнул рукой Адриан, беря совершенно растерявшуюся Саэли за плечо и почти что силой ведя к хвостовой повозке, козлы которой оказались пустыми. – Садись, искательница счастья.

«Зачем он мне помогает?! – билось в голове Саэли, когда она как в трансе забиралась на уступку своеобразного облучка. – Что вообще происходит? Он же не купец-цветочник? Что ему известно?!»

– Будем считать, все-таки везет, – пробормотала она себе под нос, решая довериться.

– С такими могущественными друзьями – я бы не назвал это везением, – неожиданно отозвался жрец.

Это он о себе?! Или кто-то попросил за нее?! Кеар не мог бы, королева бы не стала...

Мастер Адриан ловко забрался наверх и сел рядом, будто его совершенно не смущала и не удивляла вся эта странная ситуация. Он плотнее закутался в плащ, накинул капюшон и взял в руки поводья. Грубые ленты с хлопковой оплеткой смотрелись поверх искусной выделки перчаток из тонкой серой кожи почти неподобающе, – и, снова смерив Саэли взглядом, коротко напомнил:

– Нос спрячь. Узнают – придется прогуляться во дворец. – И крикнул куда-то вперед:

– Через Южные!

Саэли послушно втянула голову в плечи.

Глава 13. Цветочная девушка (Саэли)

«Очень просто осудить глупого, злого или развратного человека за то, что он плох. А ты примерь его шкуру, ощути его боль и радость, стань им – тогда получишь такое право. Не можешь? Тогда держи свои речи при себе! Поэтому и существует закон – справедливость и совесть слишком субъективны. И мы будем судить их по закону».

Из речи будущего короля Лайола Сакриса из рода Грозы Времен в защиту независимого поселения язычников на северных островах.

Путь до моста у Южных ворот миновали быстро.

Стражники, дежурившие в несущих пролеты башнях, рванулись было к повозкам, даже схватились за бумагу, и Саэли вся скукожилась, как горбунья. Но это оказалось лишним: казавшиеся непреодолимым препятствием вояки вдруг с улыбками отступили, давая дорогу. Даже повозки не смотрели. Что именно они увидели или что им сказали головные, Саэли не слышала. Мастер Адриан держался совершенно расслабленно, хотя и велел спутнице пока помалкивать, и его спокойное до равнодушия лицо немного глушило тревогу.

Уже подъезжая к сторожевой каморке с зарешеченными окнами, Саэли заметила между прутьев знакомое красное платье и светлые локоны. Оура? И точно, она: первая красавица селения и по совместительству зазноба Кеара над чем-то звонко смеялась, игриво положив ладонь одному из стражников на массивный металлический наплечник доспеха. Ее пожилая мать Еарка сидела на грубом табурете чуть поодаль, ближе к дороге, и мрачно провожала глазами проезжающих. Вид у нее был то ли сонный, то ли вымотанный, она устало опиралась локтями на колени и подбородком на ладони.

Как они тут оказались?

Старушка скользила глазами по лицам, кивала стражнику – и повозку пропускали. Кивала снова – и стражник махал рукой следующей: проезжайте. Даже сопровождающие воины снимали шлемы, чтобы она могла увидеть их лица.

Если увидит!.. Поздоровается!..

– Там мои соседи, – шепнула Саэли Адриану, утыкаясь носом в его руку, как будто устраивалась на его плече, чтобы уснуть. – Не знаю, почему они тут. Простите, – добавила она напряженно, поняв, как двусмысленно выглядит ее жест.

Адриан хмыкнул.

– Ищут тебя и твоего брата, – заметил он безразлично. А затем неспешно переложил поводья в левую руку, а правой потянулся за плечо Саэли, накрывая ту своим серым плащом и немного подтягивая к себе. – Сделай вид, что спишь. Плечи расслабь, – похлопал он ее по спине.

Расслабь! Легко ему говорить!

Вот они поравнялись с каморкой и табуретом.

– Лицо не видно, – прогудел стражник. – Велено глядеть.

– Не буди мою спутницу, – ровно отозвался мастер Адриан, крепче придерживая Саэли за плечо, чтобы она не повернулась.

Саэли не видела, что происходит, но повозка не двигалась. По скрежету железа и скрипу сапог она поняла, что стражник отдаляется, похоже, послушавшись жреца, и чуть расслабилась. Тяжелая рука Адриана на плече исчезла, повозка медленно двинулась дальше, и Саэли наконец выдохнула: похоже, все это время она вообще не дышала, так саднило грудь.

Тут ее руки коснулось что-то легкое, и Саэли инстинктивно дернулась, открывая глаза.

И встретила взглядом с подбежавшей к повозке старушкой. Только взглядом – по самую переносицу лицо укрывал воротник, щеку не могло быть видно из-за серого плаща, а на брови давил платок. Но сразу поняла, что Еарка ее узнала.

– Убери старуху, – бросил мастер Адриан стражнику, не останавливая хода, как будто ничего особенно не произошло. – Она под колеса лезет.

– Та, что ли? – недоверчиво нахмурился стражник. – Ты внимательно смотри, если мы самого мастера Адриана в таком обвиним, нам всем головы не сносить, и тебе тоже, – раздраженно шикнул он на Еарку. – Та ж молодая быть должна, а эта как моя теща...

– Нет, мне показалось, просто похожа, – пробормотала старушка в сторону стражника. А сама, на миг повернувшись к воинам спиной и глядя Саэли прямо в глаза, одними губами прошептала: – Беги.

Сердце успокоилось только через полверсты, когда пролесок сменился полями. Все это время Саэли сидела, вцепившись своему спутнику в плечо, укрытая его плащом, по-прежнему зачем-то делая вид, что спит, даже не задумываясь о том, как непристойно выглядит для мастера храма Куты такое поведение. Адриан, впрочем, ее не отталкивал, как не начинал и разговора.

Наконец Саэли медленно отстранилась и распрямилась, отсаживаясь, чтобы не касаться бедра мужчины. Она аккуратно сбросила с себя его тяжелый и, признаться, очень теплый плащ и прочистила горло.

– Куда мы едем?

– Ты забыла? – хмыкнул мастер Адриан. – К твоему светлому цветочному будущему в поместье Арноар.

Саэли оглянулась. Большинство воинов сопровождения ушли вперед, а оставшиеся держались шагах в пятнадцать позади. Колеса повозки громко стучали по сухой ледяной корке с вмерзшими в нее камнями, девушки пели веселую песню где-то впереди, лошади хрипели. Вряд ли их разговор было бы слышно. И все равно голос она понизила почти до шепота:

– Вы же видели, что она меня узнала.

– Глупая женщина, – скривились губы Адриана, и Саэли, до глубины души благодарной Еарке, захотелось его ударить. Впрочем, он пояснил: – Раз уж готова была тебя пропустить, и подходить не стоило. Часто забываю, как чернь тупа.

Саэли открыла рот, чтобы возмутиться, но, проглотив комок в горле, вместо этого спросила:

– Ее накажут?

– Зависит от того, расскажет ли стражник, – пожал плечами жрец. – И настроения короля. Тебе очень повезло, что старуха не понимает, чего стоит ее маленький бунт. Знай она, что на кону ее собственная жизнь и жизнь ее дочери, вела бы себя иначе.

– Тем более, если так! Она нас обоих спасла, – не выдержала Саэли. – Думаете, на вас бы внимания не обратили? Так что нам повезло. И не смейте называть Еарку старухой.

Мастер Адриан повернул голову.

– Не слишком ли длинный у тебя язык? Ты должна быть благодарна. Я не задаю тебе вопросов.

Саэли хотелось доказать, что оскорбление Еарки непозволительно, но уже жалела и о прошлой фразе. В конце концов, жрец мог просто сделать знак воинам, они бы подхватили Саэли прямо на ходу – и все закончилось бы прямо здесь. Никакого Арноара, никакого спасения дедушке и соседям.

Даже Кеар оставался в некотором смысле во власти этого безразличного человека. И Саэли думала, как же договориться, чтобы храм приютил и Рора.

В общем, цепляться к словам, настолько завися от благосклонности, было бы глупо.

– Но почему вы помогаете мне? О каких друзьях вы говорили?

Мастер Адриан не ответил, и Саэли попыталась снова:

– Это как-то связано с вашей богиней? Вопросом? Или я и тут оскорбляю вас недоверием?

– Почему же, – ухмыльнулся жрец. – Ты начала доверять, когда искала у меня спасения и жалась ко мне, как кролик. Можешь снова завернуться в плащ, все и так уже решили, что ты моя любовница, меня твоя близость не отвращает, так не нужно мерзнуть.

Саэли ощутила, как к щекам приливает кровь. Он что же, решил, что она заигрывает?!

А ведь на вопрос так и не ответил.

Тогда Саэли, не реагируя на возмутительное, хотя по-своему заманчивое на холодном ветру предложение, попыталась начать с другой стороны:

– А здесь Кута тоже дает вам ответы? Вы же сняли шеи символ.

– Прибереги подобное рвение для храма, – рассмеялся Адриан. – Или для бала, цветочница. Скоро прибудем.

Даже камень разговорить было бы проще!

*** Стрелиция

– Как тебя зовут? – сморщила свое и так похожее на печеное яблоко лицо распорядительница, оттягивая кружевной воротник вниз, а затем пробегаясь пальцами по толстой, в четыре раза сложенной ткани у пояса. – Сэ-эл? Это что за имя такое, как кличка у собаки? Велено же было красивое имя взять!

Другие «цветочные девушки», как они себя называли, захихикали, прикрывая ладошками рты.

– Родовое, – огрызнулась испуганная Саэли. – Чем оно вам смешно? Я не смеюсь над вашим.

– И оделась же, – продолжила женщина брезгливо. – У кого такой страх одолжила, у бабки? Тебя ж к приличным господам выпускать нельзя. Привезли на мою голову. Да хоть платок сними, дай посмотреть!

Саэли распустила тесьму, и женщина сорвала с нее платок. Потом отошла на шаг, сощурилась, поджала губы и, снова приблизившись, несколькими быстрыми движениями распустила Саэли косы, так что длинные темные локоны упали ей на спину и грудь.

– Вот, так получше, – оценила она свой труд. – Нет, хорошенькая на мордашку, чудо, почти как благородная. Но в таком платье... – Она вдруг ядовито улыбнулась, словно хотела ударить Саэли ножом, и медленно, с удовольствием проговорила: – Нечего господам на тебя такую смотреть. А в темноте, может, и сойдет.

– Сойдет для чего? – вырвалось у Саэли.

За вопросом последовал взрыв смеха. Похоже, все тут понимали правила, которые Саэли, разумеется, никто не озвучил. На нее смотрели, как на чудачку. Распорядительница, имени которой Саэли не запомнила, только глаза закатила.

Наверно, одним из правил было не перечить ей и не задавать вопросов.

– Так, ты, прелесть какая дурочка в бабушкином платье, будешь Стрелиция, поняла?

Звучало, как название болезни, которое искренне пытается походить на имя цветка – мерзко и пошло. Да и цветком стрелицию вообще сложно было считать – ее лепестки скорее напоминали шипы или гребень. Но Саэли же только кивнула. Стрелиция так Стрелиция. Какое бы имя ей ни дали, носить его оставалось недолго.

– Да.

Распорядительница перенесла вес на изогнутую по последней моде трость и вздохнула, поднимая руку. Девушки тут же замолкли, как воды в рот набрали. Ну и дисциплина... Саэли медленно вернулась в круг, стараясь не особо озираясь, чтобы не выдать себя.

– Ты и ты, Кореантес и Камелия, – ткнула женщина пальцем с длинным, окрашенным хной ногтем в сестер-близняшек, последние десять минут прихорашивавшихся у громадного зеркала в золоченой раме. – Будете в главном бальном зале. Да, да, повезло.

Девушки радостно обнялись, а по рядам оставшихся прошел разочарованный стон.

– Ты, Гиацинт, и ты, Фрезия – на первом ярусе балкона-сада, ты, Орхидея, – на втором, – раздавала женщина указания, и девушки загорались радостью, словно искорки. Они перемигивались, перешептывались, бесконечно поправляли прически. – Астрольмерия – коридор. Гортензия – задний дворик. Лизиантус – галерея. Протея – маленький балкон. Цинерария – внутренний двор. Матиола – банкетный зал. Лунария – вход в лабиринт. Ну а ты, Стрелиция, – наконец обратилась она к Саэли. – Лабиринт, да поглубже. Будешь на розы ленточки вязать. Увидела в зеленой изгороди розу – навязала золотую ленту. Розы чтоб не трогала, это игра для гостей.

И все снова засмеялись.

Саэли стало обидно. Она бы прямо сейчас потребовала объяснений, но... праздник приближался. Какая уж теперь разница?

Да и потом, и так все ясно: девушки, которым вручили по громадному цветку, приглашали их к лифам платьев. Совершенно однозначный жест. Еще вечером, неся Кеара через город, Саэли видела женщин с блеклыми, но пышными искусственными розами на вытершихся корсетах – таких обычно сопровождали веселые, пьяные мужчины, позволявшие себе не только прикосновение к цветку, но и куда больше.

Выходило, бедные девушки платили, чтобы стать игрушками на одну ночь для знатных мужчин. И находились же желающие! Это было так грустно, что горло прихватывало спазмом. И примерно столь же отвратительно.

«Так вот что подумал мастер Адриан, – как-то уныло заключила Саэли. – А я все удивлялась, почему он пренебрежительно себя ведет. Ну и дура».

А что бы сказал Кеар, увидев ее здесь? С цветком на корсете, как носят шлюхи?

– Вам – полчаса, чтобы подготовиться. Косметика, украшения, ленты и ароматы на столике, – махнула распорядительница на громадный, заваленный какими-то тысячу раз использованными пузырьками стол с гнутыми на манер птичьих лапок ножками. – И сразу. В руках всегда держите цветок, только смотрите, чтобы свежий. Маски не снимайте. Поправляйте украшения и букеты, арки, будто вы при деле. С каждым, кто с вами говорит, будьте милы, узнаю о какой грубости – вышвырну в чем есть за ворота, прямо в метель. Если ваше время попытаются занять слуги, не общайтесь с ними. Ближе к закату появится королевская чета, все соберутся на первом ярусе, чтобы поприветствовать их и запустить фейерверки. В этот момент вас там быть не должно, ясно? Цветок подбираем под цвет платья, чтобы выглядело не легкомысленно. Нам важно сохранять приличия! Все поняли?

Саэли посмотрела на пышную хризантему в своих руках – канареечно-желтую, совершенно не подходящую к рыжему платью. Что ж, лабиринт, подальше от глаз, в темноте – тем лучше. Значит, будет время засунуть этот «символ» в изгородь и убежать. К закату на первый ярус... помощи, Творец.

– А перемещаться по поместью можно? – робко спросила совсем юная блондинка, которой назначили зваться Лунарией и стоять на входе в лабиринт.

– Только с гостями. Увижу, что идешь одна – вышвырну наружу, а то каждый год находят умные, – сощурилась женщина, глядя на подавшую голос в упор. – Ходят в легком, такие трепетные птички, а потом: «Ой, я просто замерзла, вот и оказалась в бальном зале!» – пискляво спародировала она.

– Холодно же на улице, – попыталась возразить Лунария.

Блондинка была одной из тех, чьи простенькие накидки с капюшоном эта «хозяйка» забрала, объявив позорными. Сама девушка дрожала, как осиновый лист, и явно не желала находиться здесь, в отличие от остальных. И платье ее и правда выглядело легким. Глядя на глубокий вырез без намека на воротник и рукава с длинной прорезью, Саэли подумала, что зря оставила у торговли свой плащ – а вдруг он бы подошел.

– Значит, грейся у чаш или уходи.

– Хорошо, – послушно кивнула блондинка, будто весь ее пыл ушел на то, чтобы задать вопрос.

– На улице мороз, – вступилась Саэли за Лунарию. – Хоть плащ дайте.

– Обойдешься, – махнула рукой распорядительница.

– Мне и не нужен, – покачала головой Саэли. – А вот она простынет, а то и хуже. Как так можно?

Повисла тишина.

– Наша Лунария вон хрупкая какая. Ее быстро спасут. За тем господа и едут в Арноар, – пожалла плечами женщина, прерывая спор. – Полчаса!

И вышла.

Девушки сразу бросились к столику, как оголодавшие нищие к благотворительному обозу с пищей.

– Знаешь, давай тебе вот этим шею и грудь замотаем? – предложила Саэли сидевшей в стороне и хлюпающей носом юной блондинке. Имя «Лунария» ей на удивление подходило – такая же нежная, хрупкая, полупрозрачная, как цветок. – Хорошая, теплая, и у хозяйки к ней вопросов не было.

Кусок узорного сукна, которым торговка подпоясала Саэли, и правда выглядел неплохо, а если разложить, то вполне мог укрыть стройный стан блондинки минимум дважды. Девушка посмотрела на Саэли как-то затравленно, словно ей предлагали яд, а не ткань, и покачала головой:

– Некрасивый. И потом, ты же сама в лабиринте, а там нет огненных чаш, холоднее всего, поэтому все и смеялись. Ты окоченеешь, так почему мне предлагаешь? Я ведь тоже радовалась, что меня в лабиринт не поставили. Говорят, туда отправляют только тех, кого хотят на самом деле выгнать.

– Я почти никогда не мерзну, – легко солгала Саэли. – Не знаю, особенность такая. И потом, я в это, – она оттянула подол, чтобы было видно, насколько наряд ей велик, – дважды завернуться могу, а оно с шерстью – ну, колется точно как шерстяное. Так что бери.

– Я над тобой смеялась, – повторила Лунария.

– Наверно, было смешно, – пожала плечами Саэли, никогда не хранившая обиды долго. – Я растерялась.

– Твое платье ужасно без него смотрится, – как-то обиженно протянула блондинка. Наверно, она только-только достигла совершеннолетия, совсем еще юная. – Как колокол. И как будто ты баба.

– Там на столе столько бус и тесьмы, – улыбнулась Саэли. – Я чем-нибудь другим подпоясаюсь.

Блондинка неохотно забрала у Саэли ткань. Потом поглядела на нее снизу вверх громадными голубыми, как озера, глазами:

– Давай я тебя тогда покрашу? Ты ужасно выглядишь.

– Давай, – согласилась Саэли, вспоминая о плакатах. – Мне нужно как можно меньше походить на себя. Сможешь превратить меня в кого-нибудь другого?

– Тоже не хочешь тут быть? – шепнула блондинка понятиливо, но почему-то очень тихо, словно озвучивать подобное было постыдно. – Мне мама сказала, что я потом все забуду, как утренний кошмар.

– Тогда зачем вообще тебя послала? – не поняла Саэли.

У стола ворковали и смеялись девушки-цветы. Они выглядели счастливыми, довольными и точно знающими, чего хотят. Платья из благородных легких тканей походили на крылья бабочек, мелькали оголенные руки и тщательно уложенные локоны. Облачка пудры и духов мелкой пылью оседали на них, и яркий свет свечей играл на стеклянных украшениях. Громадное зеркало в толстой раме – единственное на все тесное помещение, – отражало отблески, расцветивая простые стены.

Цветы в вазах пахли почти одуряюще.

А здесь, на небольшом пуфике в углу, атмосферы радости не витало. Саэли пыталась не думать, на что идет, а юная блондинка Лунария, похоже, переживала какую-то свою глубокую трагедию.

– Я порченная, – тихо ответила девушка наконец, завязывая бывший пояс Саэли на плечах, закрепляя его брошкой и выправляя из-под толстого края розовые лепестки пиона. – Он на

войне погиб. А так, мама сказала, все будут думать, что меня спортил благородный. И она у всех денег заняла, а теперь надеется, что я глянусь кому, и меня заберут в богатое поместье. Тогда у нас все хорошо будет. А иначе отчим меня прибьет.

Что за мать отправит дочь на такой бал?! Не защитит от отчима? Как они вообще узнали?

– С дитя под сердцем? – догадалась Саэли, прижимая кончики пальцев к губам.

– Нет никакого дитя, – спохватилась Лунария, и в ее глазах сверкнули слезы. – Никакого нет! Не говорила я такого!

– Боишься, что расскажу кому-нибудь, – прошептала Саэли, у которой слезы навернулись на глаза. Она кивнула: – Вижу, что ты не беременна. Прости, что я обозналась.

– И я тебе не скажу, как меня на самом деле зовут, – выдохнула блондинка.

Саэли вдруг стало ужасно стыдно, что судила о девушках, не зная их. У каждой могла быть своя причина – и для присутствия здесь, и для скрытности, и для насмешек над остальными, и для показной веселости. Что Саэли, давно забывшая раннее детство и выросшая в тепле и заботе дедушки Рора и под защитой Кеара, до прошлой ночи знала о тяжести жизни?

Поэтому она просто согласилась, не споря:

– Конечно, – нашла в себе силы улыбнуться Саэли. – Знаешь, а ведь можно просто спрятаться тут. Не ходи туда. Все равно все будут говорить, что ты провела ночь в Арноаре. А если распорядительница тебя найдет, скажешь, что пришла за свежим цветком. А?

– Спасибо, – тихо отозвалась девушка. – Ты сама же тоже идешь, не прячешься.

– Мне нужно кое с кем встретиться. Я не могу иначе.

– И я не могу. У нас мало времени, – стряхнула Лунария с пышных светлых ресниц крупные капли слез. – Давай я тебя накрашу, Стрелиция. Я умею. А хочешь не походить на себя совсем, неси сюда пудру, будем делать из темных волос светлые.

Глава 14. Путь (Саэли)

«Мои великие дела и победы связывают нас воедино, и на этом единстве стоит Ауренстадт. Я не позволю более неверности, несправедливости и страху перед тьмой разделять нас!»

Из тронной речи короля Деаго Сакриса. Передается лишь на словах, все записи уничтожены.

Солнце давно село, бал, наверно, был в самом разгаре, королева и король вовсю пировали, а Саэли уже почти потеряла надежду попасть внутрь поместья.

В промерзшем лабиринте из покрытых изморозью вечнозеленых кустарников ожидаемо никого не было.

Стражи охраняли две начинавшиеся с площадки входа в лабиринт полукруглые лестницы, ведущие куда-то наверх, где горели огни, играла музыка и слышался шум толпы. Саэли слышала треск фейерверков, хохот и какой-то звон, похожий на колокольчики, и злилась на себя, что не удержала язык за зубами и разозлила распорядительницу. Теперь понятно, почему изгнание сюда, вниз, считалось наказанием...

Конечно, у причудливых фигур из древесных лоз слуги зажгли факелы, но их едва хватало, чтобы освещать перекрестки. Роз Саэли не нашла – может, распорядительница вообще выдумала их, чтобы как-то обосновать свое издевательство.

Хорошо хоть Лунарии удалось убежать наверх – когда, Саэли не заметила, но дрожащего на ветру силуэта девушки давно не виднелось. Может, бедняжка даже послушала совета и прячется. Вот бы было здорово.

Запихав ворох золотых лент под лапу фигуры гордого льва, Саэли бродила по темным дорожкам и закоулкам, чтобы не замерзнуть. Наверно, окажись она здесь в другой ситуации, восхитилась бы мастерством садовников. Сейчас же в груди били, как набат часы, отсчитывающие время – ее, Рора, всех знакомых, если Саэли не явится.

Никто не видел ее.

Можно было, наконец, дать себе волю: в темноте Саэли то и дело переходила на бег, чтобы немного согреться, а потом опиралась спиной о лозы и хвою и отчаянно била раскрытыми ладонями по древесным лозам, чуть не сдирая кожу. Ее лихорадило от мысли, что плана так и нет, и что тайно пробраться в Арноар было глупо, но ничего лучшего, чем просто в глаза попросить королеву сдержать слово, она не придумала. «Я скажу, что она дала мне обещание в письме, предложу ей свою верность. Буду почтительна и... А она... посмеется и велит страже вывести меня прочь. Вот что она сделает».

Вот о чем нужно было спрашивать Куту в храме! Как заставить королеву сдержать слово! Вот же идиотка!

С другой стороны, а разве существовал выбор? Спрятаться и ждать, пока на стенах королевского дворца не закачаются в петлях знакомые и соседи?

Дав себе несколько таких минут, Саэли снова брала себя в руки, утирала слезы и бежала к одному из выходов из лабиринта, чтобы проверить, закрыт ли еще путь наверх, запрещая себе думать о чем-то, кроме лестницы и маленьких шагов. Первый маленький шаг – пробраться на бал. Второй – найти королеву.

Как запертая в хитрой клетке зверушка, Саэли снова и снова выходила на небольшой пяточок с огненными чашами и пустыми в этот холод мраморными скамьями, только чтобы удостовериться: ничего не изменилось, и по периметру этого осыпанного мелким камнем пяточка по-прежнему дежурят стражники, с сожалением качающие головой. «Нет, наверх не положено». Саэли раз за разом делала вид, что пришла просто погреться у чаш – парни пре-

красно понимали, что ей холодно, – и стояла, бездумно плясь в огонь, пока лицо не начинало печь, а потом снова уходила в лабиринт.

И, стыдно признаться, каждый раз, как она натыкалась на блестящие в свете огня доспехи стражников и видела их сочувствующие лица, вместе с горем в ней вспыхивал огонек надежды. Значит, можно было не идти наверх и не глядеть в глаза королеве еще немного... хотя бы немного.

– Ты еще кто? – с некой долей недоумения оглядел Саэли пожилой слуга в зеленой с золотой отделкой ливрее, доливавший из сосуда с длинным и тонким носиком масло в поддон огненной чаши.

Стражи не было. Собственно, и шум толпы теперь словно раздавался издалека. Саэли сделала к лестнице несколько неверных шагов, но тут мужчина положил руку ей на плечо.

Взгляд его прошелся по напудренным до белизны волосам, паклей царапавшим щеки, по остаткам алой помады на, должно быть, серых от холода губах, по черным завиткам тканевой маски, по жесткому кружевному воротнику и наконец остановился на хризантеме, неуклюже прибитой брошкой к закрытому лифу. Кончики острых лепестков на морозе потемнели и скрутились, так что теперь цветок смотрелся мертвым.

– Стрелиция, – ответила Саэли медленно, сдерживая дрожь: зуб на зуб не попадал, и если руки удалось спрятать в складках безразмерной юбки, то пальцев ног она почти не ощущала. – Я из цветочных девушек. Мне бы новый цветок взять, этот завял. И у меня закончились золотые ленты, которые нужно навязывать на розы.

– Да? – лицо слуги немного смягчилось. Он подождал Саэли поближе к чаше, и та благодарно подвинулась к огню, а мужчина сумел разглядеть ее лицо. – Вход в служебные корпуса через левое крыло сада, а сюда... – Он указал на пустую лестницу. – Сюда только благородным можно. Но ты же просто посмотреть на короля хочешь? – заговорщицки подмигнул он, и Саэли робко кивнула. – Тебя в лабиринт, бедняжку? Совсем синяя же! Неужели эта мегера еще так поступает? Чем ей не угодила, дышала громко?

– Туда не ходит никто, – вздохнула Саэли и неожиданно закашлялась. Получилось даже печальнее, чем ожидалось, так что, видя сострадание в глазах слуги, она добавила жалостливо: – И холодно. Мне бы хоть немножко погреться. Я ненадолго, обещаю. Если что, скажу, меня господин привел и потом бросил ради другой. Я вас не выдам.

Мужчина задумчиво поджал губы и вдруг улыбнулся, отчего-то напомнив Саэли дедушку Рора:

– Да потом в лабиринт пойдут, как напьются и кровь загорячится. Когда его величество уедет, пред очами его не положено. Ты беги давай, только тихо, а вернуться успеешь. Мегеру встретить не бойся, она наверняка на кухне поварят дворцовой темницей пугает. На вот, кувшин возьми. Овальду отдашь, он в бальном зале где-то, слуг поспрашивай, где найти. А пока спрашиваешь, как раз все и посмотришь и погреешься немного. Они ж много еды и питья на блюдах оставляют, только надкусят и бросают, а ты вина хлебни, да мяса припрячь, так потеплее будет. И на месте не стой, слугам положено быть при деле. Там внутри красиво, что рот разинешь!

– Спасибо, – пробормотала Саэли, удивляясь, как все разом стало просто. Страшная, суеверная мысль, что дедушки Рора теперь уже нет, и он помогает ей с той стороны, смягчая сердце слуги, пронеслась молнией, и Саэли тут же со злостью прогнала ее. – А ничего, если я Овальда не сразу найду?

– Ничего, – улыбнулся старик, поправляя кочергой угли. – Главное, согрейся, дочка. Надо же, в лабиринт!..

*** Наверху

Ноги словно стали невесомыми. Саэли взлетела по мраморным ступеням, даже не заметив, как преодолела их. Она на миг обернулась: темный лабиринт раскинулся внизу, как одно сплошное жерло громадной пещеры. Кое-где светились оранжевые огонечки факелов, но они казались отсюда такими жалкими, что только усиливали впечатление.

Вообще-то, там, внизу, безопаснее.

Трусиха!

Саэли так быстро, как могла, пересекла просторный, будто городская площадь, балкон-сад, стараясь не наступать на еще не убранные бумажные шутихи и фонарики, брошенные прямо на замерзшую траву. Раскидистые деревья шевелили своими похожими на шупальца черными ветвями, ветер подкидывал болтающиеся фонари. И хотя здесь, наверху, все задумывалось как сказочно красивое, сейчас узоры, огни, черные силуэты статуй и необычные раскидистые кусты с кроваво-красными ягодами смотрелись скорее жутко.

Толпа, очевидно, переместилась вглубь. Несколько слуг неспешно убирали выложенный драгоценной золотой тканью помост, недалеко у стены как-то немного сиротливо примостились два переносных трона. На скамейках у фонтанов расположились, укутавшись пледами, около десятка человек – похоже, те, кто пытался избежать шума или искал уединения.

Рядом с одним из молодых господ, тянущим из кубка вино, Саэли заметила цветочную девушку, игриво примостившуюся на железной и, должно быть, совершенно ледяной ручке скамьи. Мужчина на нее не смотрел.

Слуги в парадных ливреях подходили то к одному гостю, то к другому, неслышные, как тени. На Саэли тоже никто внимания не обратил. Прижимая к себе кувшин и не поднимая глаз, стараясь ступать неслышно, как остальные слуги, она прошмыгнула мимо осиротевших тронов в галерею. Когда же юркнула в переход, то услышала, как цветочная девушка зло окликнула ее, но предпочла сделать вид, что ничего не заметила.

Здесь народу было уже больше – наверно, чем ближе к основным залам, откуда доносилась громкая музыка, тем оживленнее становилось. Саэли взяла себе это за ориентир и шла туда, где толпа становилась оживленнее, по-прежнему глядя лишь под ноги и старательно закрывая цветок – еще не хватало, чтобы кто-то обратил на него внимание! – тяжелым медным кувшином. Она пыталась не сталкиваться с парочками и с весело беседующими друг с другом господами, и каждый раз вздрагивала, когда мимо проходил облаченный в зелень и золото слуга.

Никому не было до Саэли дела. Даже когда она налетела на стражника, флегматично разглядывающего через открытые проемы двор, он только помог ей восстановить равновесие, не услышав, как громко и быстро бьется ее сердце.

Пахло духами, розами, вином и какими-то приторными благовониями. Драгоценности, которыми леди щедро украсили прически и платья, поблескивали в свете огненных чаш. Эти переливающиеся самоцветы, а еще дорогие меха плащей составлявших им компанию мужчин и толстые золотые цепи поверх таппертов слились для Саэли в мешанину вспышек.

Все казалось нереальным.

«Я слишком глубоко дышу. Кеар говорил, глубоко дышать вредно, может голова закружиться. Надо успокоиться. Пара минут ничего не изменит».

Только тогда она решилась перевести дух. Забравшись в уголок за пустой каменной чашей, прислонившись спиной к стене, Саэли прикрыла глаза, пытаясь дышать ровно, представляя себе ровный круг и ведя по нему глазами – так ее учил Кеар. Но вот этот круг разделился на три, словно сложенные вместе кольца, а потом вспыхнул, засиял каплями, превращаясь в символ Куты – не статичный, а живой, с медленно кружащимися на кольцах сферами.

Саэли тут же открыла глаза. Ощущение нереальности как рукой сняло. Теперь, наоборот, все выглядело ярким, контрастным, болезненно острым. И в голове прояснилось.

Что это было?!

– Ее величество просто невероятна! – почти под ухом пропел женский голос, и Саэли вздрогнула, со звоном задев кувшином стену. – Ваша племянница выглядит, как дочь Аграны! Она словно родилась в короне!

– Долгих лет ее величеству Лианари и ее дитя! – вторил незнакомке мужской голос, низкий и с хрипотцой. – Но, отмечу, не одна она прекрасна сегодня.

Этот голос был Саэли смутно знаком. Она подняла глаза: пожилой, но статный мужчина в темно-рыжем бархатном камзоле и рыжей же полумаске лиса придерживал за талию молодую, годящуюся ему в дочери, а то и во внучки, леди, игриво закрывшую губы кружевным платком. Саэли вгляделась в суровое, исчерченное морщинами, но будто оплывшее вниз лицо, украшенное окладистой седой бородой: мужчина точно был ей знаком. Но откуда?

Воспоминание пришло, будто вспышка – почти так же, как в храме Куты.

Когда-то красивый мужчина с наполовину белой бородой и оранжевым солнцем на плаще сидел напротив отца в зеленом кабинете, а Саэли наблюдала за ними в щелочку двери. Мужчина выглядел таким серьезным и пугающим! Не то что улыбчивый отец.

Они пили вино и говорили о чем-то скучном. Но вот незнакомец упомянул Холодный Пик, и тогда Саэли захотела подобраться поближе, чтобы услышать сказки об этом легендарном месте. Алиам Вэргос заметил ее, но вместо того, чтобы прогнать, посадил себе на колени, а граф Восточных земель пожал ее ладошку своей громадной шершавой рукой.

– Как тебя зовут, малышка?

– Представься моему доброму другу, – подбодрил стесняющуюся Саэли отец.

– Асэлиари, – послушно ответила та. И добавила, зная, что отец гордо глядит на нее: – Вэргос.

– Приятно познакомиться, Асэлиари, – засмеялся граф. – Меня зовут Роорас Нургос. Твой папа – очень хороший человек. Я рад, что у него такая чудесная дочка, мы обязательно будем дружить, правда?

– Вы что-то хотели? – окликнула Саэли спутница графа. – Нет, ну посмотри на нее! Так плянется... – Женщина скривилась, рассматривая Саэли. – Да еще цветочная, Роорас, посмотри! Какой позор! Ты хоть понимаешь, кому досаждаешь? – накинулась она на Саэли, тут же снова подтянувшую кувшин к груди. – Еще бы еще к графу Лестосу лезла!

– Я не лезу, – наконец нашлась Саэли, оглушенная только что произошедшим. В правдивости воспоминания она не сомневалась, но сколько лет ей тогда было? Пять? Шесть? Как можно помнить диалог такой давности?! Это могло быть только новое вмешательство Куты... И что же хотела сказать ей богиня, раз так? – Простите, граф. Мне стало плохо.

Не дожидаясь, пока ее снова начнут ругать, Саэли обогнула пару и бросилась в открывшиеся двери, как в пламя.

И словно шагнула из ночи в солнечный день.

Здесь оказалось так светло и жарко, что даже глаза заслезилась. Шум тоже стал гуще: кто-то разговаривал, кто-то пил, чокаясь бокалами, а где-то ближе к окнам на противоположной стороне зала звучала громкая музыка, поддерживаемая возгласами танцующих пар.

«Что Кута хотела мне сказать? Напомнить, что я – Асэлиари Вэргос? Почему сейчас?»

Никогда еще у Саэли не появлялось чувства, что ей положено быть среди роскоши и позолоты, среди вычурных разговоров и интриг. Сейчас вдруг оно разом навалилось на нее, как лавина, но так же быстро и ушло, оставив только омерзительный привкус на корне языка.

Она оглядывала толпу. Восхитительные платья, золото, рубины и изумруды, бриллианты, серебро, кружево, шелк, бархат... И всего одно простое серое одеяние человека, который мог ей помочь.

Мастер Адриан тоже заметил ее. И, к удивлению Саэли, не сделал ей жеста оставаться на расстоянии, когда она рванулась к нему, сталкиваясь с парами. И даже когда оказалась совсем рядом, он не отступил, наоборот, давая ей возможность спрятаться у подсвечника и закрывая собой от случайных взглядов. Впрочем, на лице его читалось пренебрежение.

Не утруждаясь этикетом, мужчина тронул скукожившиеся на груди Саэли лепестки хризантемы:

– Ты выглядишь отвратительно.

– Мастер Адриан, прошу, ответьте, – горячо зашептала Саэли. – Кута же говорит с вами? С помощью воспоминаний? Кажется, она дала мне подсказку, что делать, но я не понимаю, как ее расшифровать. Мне нужна помощь, пожалуйста. Это вообще нормально? Или я просто придумываю себе, как говорит Кеар?

– Какую подсказку? – прервал ее жрец.

Кажется, он совершенно не удивился.

– Я не могу вам сказать, – призналась Саэли тихо.

– Хорошо. – Он немного помолчал, вглядываясь в ее лицо. Голубые глаза будто пронзали насквозь, но в этот раз Саэли выдержала острый взгляд, не отводя свой. Наконец мужчина улыбнулся: – Когда ты становишься вопрошающей, Кута берет тебя в некотором смысле под свою защиту. Ты не первая и не последняя, кто ориентируется на ее образы, Саэли. Многие боятся знания и пропускают видения мимо, но некоторые потом остаются в храме, не желая более терять связи. Я не знаю, что она показала тебе, но да, воплощенному ею есть смысл довериться больше, чем себе. Ответ всегда связан с вопросом, которым ты задаешься в миг, когда ответ приходит. О чем ты беспокоишься прямо сейчас – о том и читай ее подсказку.

– А вы? – пробормотала Саэли. – Вы говорите с ней?

– Когда что-то занимает мои мысли, она дает мне ответы. Сейчас мои мысли занимаешь ты, и я вижу тебя.

– И что вы видите?

– Что ты идешь по острию. Что хочешь бросить вызов короне. Что думаешь про себя, как про что-то незначительное, не понимая собственной важности. Что твоя фигура, Саэли – одна из крупнейших в нескольких партиях, которые разыгрываются прямо сейчас самыми влиятельными людьми не только Ауленстадта, но и мира.

– Вас же убьют, если услышат, – севшим голосом заметила Саэли, отчаянно размышляя, каким весом может обладать этот человек, если не боится. – Про корону... Почему вы помогаете? Почему?

– За тебя попросил тот, которому я пока не могу отказать, – едва заметно улыбнулся мастер Адриан. – И большего я рассказать не могу тоже. Значит, с тобой Кута пользуется языком воспоминаний. Хорошо. А теперь подумай: как именно меняет все актуализация нового воспоминания? Сейчас – на что оно влияет?

– Я знаю... – прошептала Саэли пораженно, вдруг складывая все воедино. – Знаю, как говорить с ней. Как сделать так, чтобы не исчезнуть без следа. К кому обратиться, какие имена назвать. – Она сглотнула, прокручивая в голове, что означает выступить как Асэлиари, а не Саэлира, и добавила: – Я могу попросить вас приютить моего дедушку в храме, когда королева отпустит его? Конечно, если она это сделает.

Брови жреца удивленно приподнялись. Но он медленно кивнул.

Улыбаясь, Саэли обогнула его и двинулась вперед, прямо через плотную толпу, к возвышению, на котором располагался длинный стол монархов.

Выдав завершающий пронзительный писк, замолчала последняя скрипка, и разгоряченные пары под аплодисменты поклонились друг другу, с неохотой размыкая руки. Две шеренги – мужчины напротив женщин, – отступили к стенам, смешиваясь с пирующими и оставляя центр бального зала свободным.

И Саэли сразу увидела королеву, сидящую по центру длинного стола. Та с полуулыбкой довольной кошки наблюдала за суетящимися подданными сверху, чуть наклонив изящную голову в золотой короне с острыми зубьями. Ее лисьи глаза искрились, а кроваво-красные, подведенные кармином губы на сатиново-белом лице казались аккуратной влажной раной.

Пальцы королевы играли с красным, плетеным на деревенский манер потрепанным поясом, который небрежно бросили на стол прямо под тарелки, чтобы он свисал с обратной стороны бело-золотой скатерти кровавым ручейком – неотвратимо заметным, если знаешь, на что смотреть.

Никто, кроме Саэли, не понимал значения этого страшного знака.

А кисточка кушака дедушки даже не мохрилась, как обычно: волокна спеклись и зачёрствели от крови.

Саэли и не знала, что может так ненавидеть – чтобы во рту было горько, как от полыни, а грудь словно расплавленным свинцом налилась. Эта женщина улыбалась, навёрчивая на палец пояс, и расслабленно обводила цветок на скатерти. Вторая ее тонкая кисть покоилась на локте глядевшего на жену обожающими глазами короля, а к уху Лианари склонился молодой знатный ауренстадец, говоривший, должно быть, что-то веселое. А эта тварь улыбалась, поддерживая пояс, будто играла с котенком.

Саэли вновь не ощущала под собой ног. Просто шла вперед, не обращая внимания на шипящих на нее женщин и пьяных мужчин. Лицо Лианари расплывалось на фоне зелено-золотого знамени, как белый треугольник.

Саэли и не заметила, как оказалась посреди пустого пространства: здесь, перед самым столом, даже не танцевали. Краем глаза удалось отметить, как наперерез ей двинулась стража, и как повернул к ней свое громадное, как волосатый блин, лицо король Деаго.

Ручка кувшина ранила пальцы.

«Кто это? Как она смеет? – пронеслось шепотом по рядам. – Какая убогая служка!»

Губы дрогнули... сейчас.

Внезапно что-то заступило Саэли путь, да так резко, что она ударилась об эту непреодолимую черную преграду и даже на миг потеряла равновесие. Однако жесткая, горячая рука поддержала ее под спину, не давая упасть, и незнакомец перехватил Саэли за запястье, увлекая за собой с неожиданной настойчивостью.словно на привязи, Саэли сделала за ним несколько быстрых шагов, вынужденно позволяя увести себя из центра зала. Она попыталась освободиться, хоть как-то воспротивиться, но мужчина оказался намного сильнее.

– Эта служанка... – раздался откуда-то сбоку возмущенный женский вопль.

– Принесла масло по моему приказу, – раздался в ответ негромкий, низкий голос, от которого Саэли вдруг стало страшно, как от рыка безжалостного скального тигра.

Она подняла глаза и похолодела: незнакомец рассматривал ее в упор, и было в его взгляде что-то такое, от чего даже лик Лианари померк, и ненависть словно затрещала, сковываемая льдом страха, не пробудившегося при взгляде на королеву.

Мужчина сделал знак воинам, и те преградили путь кому-то, кто шел за ними, и внезапно Саэли обнаружила, что жмет к одной из каменных колонн-чаш, слева, совсем далеко от королевского стола, а между нею и толпой высятся стражники – но не королевские в бело-золотых кирасах, а в легких доспехах цвета золы. За широкими спинами ей удалось заметить

быстрые, любопытные, полные интереса взгляды, и как какая-то из женщин прижала пальцы к губам – совсем как делала сама Саэли, когда пугалась.

Мужчина наконец отпустил ее руку. Саэли подхватила ею под дно кувшин, почему-то скользкий. Кровь! Орнамент на ручке порезал ладонь! А она и не заметила...

Синие глаза незнакомца скользнули вслед за ее взглядом, и почему-то Саэли стало неловко, будто она вдруг обнажилась. Впрочем, попыток ей как-то помочь мужчина не делал, лишь рассматривал, немного прищурившись.

«Я его знаю», – пронеслась быстрая и почему-то окрашенная паникой мысль.

– Вам нужно... масло? – сами по себе пробормотали губы.

– Поверить не могу, что ты настолько глупа, – заметил он в ответ. – Придется наградить Адриана. И что же ты собралась делать? Еще шаг – и в тебя полетели бы арбалетные болты.

– Я... мы знакомы?

Мужчина усмехнулся.

– Я – Дэймар Лестос, Саэли.

Глаза ее расширились.

Словно во сне – вот каким было то ощущение! Его иссиня-черный наряд с серебряной нитью и сапфировыми полосами. Широкие, расправленные плечи. Белые, как снег, длинные волосы, убранные сложным северным плетением за спину. Светлокожее, остроскулое лицо с тонкими губами... Маски он, как и король с королевой, не носил. Но глаз не цеплялся за черты – все они казались лишь оболочкой, будто за спиной незнакомца вот-вот взвоется плащом и расплзется, пожирая мир, тень, похожая на крылья. Невероятное чувство, что граф Северных земель – страшнейшее из чудищ, какие встречались Саэли в кошмарах, накрыло ее целиком.

Но ведь все происходило наяву! Нельзя перепутать сон и явь...

– Стой здесь, пока я не позову тебя, – приказал Лестос. Его тон не оставлял сомнений: он не просто ждет подчинения, а уверен в нем. Затем мужчина поднял лицо молчащей Саэли за подбородок и добавил, глядя прямо в глаза: – Разумеется, Лианари не привезла с собой старика. В глубине души ты знала это, как и то, что бессмысленно было пробираться сюда. Не вини себя: ты пришла, потому что я приказал тебе. – Низкий голос, взрезающий ставшие вдруг такими очевидными сомнения и дававший им безумное объяснение, звучал отстраненно, но за холодом крылось что-то вяжущее, утягивающее внимание, как магнит тянет металл. – Тебе не стоит меня бояться, во вред тебе и твоим близким я не заинтересован, наоборот, хочу предложить сотрудничество, в котором ты получишь намного больше, чем вложишь. А сейчас тебе нужно подождать здесь и не высовываться до конца пира. Моя охрана тебя закроет, когда начнется бойня. Поняла?

«Бойня». «Адриана придется наградить». «Сотрудничество». Каждое его слово выбивало почву из-под ног. Саэли пыталась сориентироваться, но не успевала. И все же знала одно: чем бы ни был этот пугающий одновременно знакомый и незнакомый человек, она, Саэли, не позволит приказывать ей.

Нет. Только отвернись – и Саэли тут же скользнет между колонной и стеной.

– Хорошо.

И снова мужчина почти незаметно усмехнулся, качнув головой:

– Лжешь. Значит, все-таки умная девочка. Но не зли меня. Не стоит с этого начинать.

Это не была угроза – спокойное, почти не агрессивное предупреждение. Казалось, мужчине почти все равно, верит ли она ему. А Саэли верила, верила до глубины души, и доверчивость эта поразила и возмутила ее саму, как только удалось осознать свою слабость.

Можно было закричать прямо сейчас. Просто завопить, что есть сил, и тогда королева бы узнала, что Саэли приходила. Но она бы поняла, что граф Лестос... что? Прячет Саэли, предлагая какую-то сделку в обход монархов? А это его рассердит? Ведь если граф приказывает

мастеру Адриану, можно считать, Кеар в его руках. Проклятие! Королева держит у себя Рора, Кеар – в храме Куты, и...

«Бойня». Покушение на короля? Смена власти?

Паника подступала волнами. Саэли стиснула складку на юбке – так она всегда делала, когда нервничала. И прямо посмотрела в синие, как ночное небо, глаза:

– Я поняла. И не хочу вас злить. Но раз знаете, что я пришла встретиться с королевой, раз она рассказала вам, тогда и знаете, что я не могу сделать вид, будто не приходила. Она шантажирует меня.

Вдруг со стороны королевского стола раздался громкий, залиvistый смех, и Саэли осеклась. Тут же, как по команде, стихла толпа. Саэли, узнавшая этот звонкий, но полный внутреннего шипения звук, выглянула из-за плеча графа, чтобы убедиться: веселится именно ее величество змея Лианари.

И похолодела: перед королевой, вышедшей из-за стола и теперь стоявшей перед ним, на коленях сидела Лунария, за спиной которой с интересом глядел на склоненную светлую голову тот знатный аристократ, что раньше рассказывал королеве какую-то шутку. Лунария же закрыла лицо руками. Кажется, она плакала. Волосы ее кто-то взлохматил, а от цветка на корсаже остался лишь стебель, все еще проколотый брошкой. Бедняжка как-то отчаянно прижимала к груди бывший пояс Саэли, будто пыталась спрятаться за ним.

– Цветочная девушка взяла себе имя, похожее на мое, – пропела Лианари с широкой улыбкой. – Что же ты прячешь лицо, милая? Нет ничего постыдного в том, чтобы захотеть на вечер стать королевой. Лунария. Как красиво, правда? – подмигнула королева мужу, в ответ равнодушно поднявшему кубок с вином. – И как непредусмотрительно, – с притворным сожалением покачала она головой.

– Нет, – выдохнула Саэли.

Королева же схватила со стола нож и вскользь ударила Лунарию лезвием по щеке. Девушка вскрикнула и схватилась за лицо, из-под пальцев показалась кровь.

Кто-то из женщин охнул, но никто не возмутился. Все молчали – и знатные господа, и стража, и слуги. Только следили во все глаза.

– Ты понимаешь, что это – неуважение к короне? – наклонилась к цветочной девушке королева. Округлый живот был прямо напротив носа Лунарии, и Саэли вдруг показалось, что Лианари хочет оставить на белом шелке кровавый отпечаток, чтобы пометить ребенка. – И что бывает за такие вещи?

– Это не ее имя! – закричала Саэли в тишине замершего зала. – Я его взяла!

Краем глаза она успела заметить изменившееся лицо графа. Толпа охнула, и все внимание обратилось к маленькому закутку, в котором расположились Саэли и Лестос.

Лианари подняла изящную кисть, делая знак страже посторониться, но от Саэли не укрылось, что двинулись они только после тихого приказа графа Лестоса: «Отойдите». Сам он, хмыкнув, тоже отстранился, и теперь Саэли глядела на королеву напрямую. Уже разворачиваясь, Лианари почти машинально толкнула Лунарию раскрытой ладонью прямо в лицо, и та со стоном повалилась на плиты.

Королева сделала к Саэли несколько шагов – и все равно их разделяло не меньше двадцати, к тому же, Лианари стояла на три ступени выше. Улыбка ее стала шире.

– Ты кто, пугало? – со смехом спросила королева, переводя веселый взгляд на графа Лестоса и обратно на Саэли. Не узнала в маске! – Ведь это не ваша служанка, граф? У нее тоже цветок на платье.

Саэли быстро обернулась. Граф Лестос с насмешливой улыбкой наблюдал за происходящим, не говоря ни слова, будто ему действительно интересно, что же случится дальше.

– Мне распорядительница... – Саэли сглотнула. Она хотела обвинить ту женщину, но вовремя остановилась: Лианари вполне могла даже такую мелочь посчитать достойным казни или пытки. – Одобрила имя Лунария. Я хотела, чтобы оно походило на «луну», – выступила она вперед, соображая на ходу. – Но потом поняла, что оно звучит, как ваше. И тогда я обманула Стрелицию и попросила ее имя себе, а ей за это отдала свой пояс. Видите, та ткань, которая не подходит к ее платью, но подходит к моему. Ей было холодно, а это стало платой. Она не знала, как вас зовут, я воспользовалась ее невежеством.

Повисла тишина. Кровь стучала в ушах.

«А еще я – Асэлиари Вэргос, – вертелось в голове у Саэли. – И если ты подойдешь, чтобы меня тоже порезать, я скажу тебе об этом».

Лианари сделала к Саэли еще несколько шагов. Стук каблучков разносился по залу, в котором, казалось, все в рот воды набрали. Потом развела руки в стороны – два идеальных белых крыла-рукава и когтистые длани, выглядывающие из складок шелка, – и пожала плечами.

– Значит, вздернут двух цветочных шлюх, а не одну, вот и все.

И то, с каким плотоядным удовольствием Лианари произнесла этот страшный вердикт, явно принесло ей большое наслаждение.

Внезапно за ее спиной во весь рост поднялся король. Он медленно и степенно кивнул страже, а затем поднял кубок:

– Душа моя, это не стоит твоих переживаний. Да и нашего внимания. Продолжим же праздник! – громогласно объявил он, и подданные радостно подняли вверх свои кубки, с облегчением крича поздравления королеве.

– А здесь зачем? – услышала покровительственно-веселый голос Дэймара Лестоса Саэли, с отчаянием наблюдающая, как Лунарию утаскивают за руки с помоста, и скорее понявшая, чем увидевшая направившихся и к ней несколько блестящих доспехами с королевским знаком воинов. – Она тебе тоже сестра или какая родственница? Не умеешь сидеть тихо?

Саэли отступила к стене. Что теперь-то делать?!

И тут что-то грохнуло в дальнем конце зала, за спинами разодетых в шелк и бархат господ, за подсвечниками и колоннами. И сразу же раздался звон – коричневые тени метнулись сквозь окна внутрь, переворачивая столы, сшибая подсвечники и срывая со стен знамена.

Почти сразу по толпе пронеслись крики, послышался лязг металла и свист арбалетных болтов, а потом всё в зале одновременно пришло в движение и смешалось в один ком. Саэли только ощутила, как падает, рассекая бровь и губу о многоярусную базу колонны. Удар оглушил ее, но удалось перевернуться спиной к камню, пусть и завалившись набок, не ощущая в себе способности подняться.

Почтенные графы и леди жались к стенам, прятались под столами и за колоннами, а воины в легких кожаных доспехах бились со стражей.

Только на возвышении было почти пусто. Король Деаго опрокинул кресло и теперь неловко, пьяно и как-то медленно сражался с каким-то чудом добравшимся до него убийцей, используя громадное блюдо, как щит. Его покрасневшее от вина и усилия лицо почему-то казалось скорее расслабленным, чем испуганным или злым, словно он не только не удивился, но и совершенно не ощущал опасности. Чего не скажешь о королеве: закрыв голову руками, съжившись, она пыталась забраться под стол и избежать летающих то тут, то там болтов. Впрочем, ее закрывали собой минимум трое детей в доспехах.

Вот неудавшийся убийца короля неловко ударился о кресло: со спины его пронзило копье одного из стражников, а еще четверо окружили монарха сплошным живым щитом. Деаго отбросил блюдо и теперь просто наблюдал за происходящим в зале, и снова уже теряющей сознание Саэли отчего-то показалось, что он совершенно не удивлен.

Но выражение лица монарха изменилось на панически-неверящее, когда двое из защищавших его стражников повернулись лицами внутрь небольшого круга, как по команде отшвыривая прочь двух оставшихся и занося мечи для удара. Однако в этот миг в блестящем круге доспехов появилась черная тень. И еще мгновение спустя граф Лестос, уклонившись сам и отшвырнув из-под атаки Деаго, ударил предавших короля стражников сразу обеими руками – в каждой он держал по непонятно откуда взявшемуся мечу.

Лезвия прошли одному горло, другому подмышку. Деаго, перекатившийся через одно из тел, попытался подняться, но граф Лестос вновь толкнул его вниз: над головой короля пролетели и пришили к стене знамя с тремя журавлями два болта.

Саэли медленно моргнула своими тяжелыми, будто налившимися металлом веками. Кажется, прошло всего несколько мгновений, но они тянулись и тянулись на грани обморока, как годы. Еще, кажется, люди кричали, по крайней мере, ее взгляд уперся в распахнутый в вопле рот одной из не успевших убраться из центра женщин – но звука почему-то не было.

Медленно и неотвратно, холодной рукой на затылке и горячей молнией во лбу накатывала слабость. Во рту кислила кровь.

Перед глазами мелькнуло почему-то испуганное, что-то говорящее лицо мастера Адриана – и пропало в темноте, как и все остальное.

Глава 15. Ящик (Ноам)

«Сила – это непоколебимость. Независимость твоего состояния и действий от того, что пытается задержать тебя. Масштаб твоих возможностей и во сне, и наяву тесно связан с масштабом неудобных тебе событий, которые ты считаешь сложными или достойными расстройства. Пока тебя способны выбить из колеи даже мелочи. Тренируйся, и это изменится».

Граф Дэймар Лаэр Лестос из рода Ядовитая Тень, учитель Ноама.

Хорошо, что Индивиди уже далеко от Арноара.

И как же унизительно – быть перекинутым через плечо какого-то распаленного битвой разбойника, точно тук с соломой! Ноам не помнил, как его вынесли из поместья, не помнил, как швырнули в этот тесный ящик из-под овощей и тем более – как он оказался на холоде. Шум битвы на улице Ноам тоже мог воссоздать в памяти слабо: кажется, кто-то хватил его древком копья по голове.

Потом были, скорее всего, стук колес по грязи и снова звуки битвы – наверно, на выезде из поместья. И лезвие, пробившее дерево ящика прямо рядом с виском, от чего Ноам свернулся в настолько плотный клубок, насколько позволяли стенки пыльного деревянного гроба, и зажмурился, как ребенок.

Непрощенное, непонятно откуда взявшееся воспоминание, даже скорее призрак, пронеслось в его разуме: как похожее лезвие протыкает тканевую стенку кровати и вонзается в пышное одеяло рядом с его щекой, и как он кричит изо всех сил, пытаясь позвать плачем маму или брата, но кто-то бросает на него окровавленную подушку, а когда Ноам откидывает ее, безжалостно смеется.

«Мама? Ак? Где вы?»

Но те, кого ждал он тогда, так и не пришли. Вместо них лишь громадный воин наклонился над кроватью, готовый прервать ничтожную жизнь...

Когда Ноам пришел в себя, было уже тихо. Пропало все, кроме стука копыт и тряски, какая бывает, когда едешь на плохой повозке по заледеневшему тракту. Мутило, затылок ныл глухой болью. Он открыл глаза – темно. Сквозь щели ящика, в который его поместили, пробивался свет луны и редкие вспышки факелов. Еще Ноам слышал смех и негромкий разговор где-то впереди – но акцент звучал не как северный, а скорее похожим на западный и даже немного южный.

Ноам медленно вдохнул душный, пропахший плесенью, свеклой и его собственным потом воздух, затем еще медленнее выдохнул, как учил его граф Лестос, и постарался подавить в себе панику, отчаянно соображая.

Сначала он, конечно, попытался связаться с учителем. Тишина и темнота выплюнули его, как косточку, и он вернулся в ящик. Разумеется, граф не спал. И уж точно не ждал разговора со своим учеником.

Оставалось ориентироваться самому.

Если бы по плану его должны были увозить, господин, конечно, предупредил бы. Эти явно работают на кого-то другого. Его захватили те, кто не считался с правителем Северных земель и, вероятно, и понятия не имел, кто такой Ноам и почему не стоит его убивать.

Ужас сковывал горло и предлагал мысленному взору картины жутких пыток, смерти или жизни в рабстве, как у цветочных девушек. Ноам стискивал кулаки, мерно дышал, пытаясь

прийти в себя. Он позволил себе в темноте лишь пару минут слез страха, а затем закусил губу до крови, пытаясь разозлиться или хотя бы перестать трястись.

Что сказал бы учитель? Да, что-то пошло не так, да даже если все пошло не так, он, Ноам, все еще жив – и это главное.

Значит, на Арноар напал кто-то другой, а не купленные королем наемники, которым был дан приказ выкосить ненужную знать. Те люди не тронули бы ни Ноама, ни королеву, ни самого господина, ни его слуг. Но их заменил кто-то, кто знал о плане Деаго Сакриса. А еще понимал, что живым Ноам может стоять больше, чем мертвым. Кто-то, кто заморочился тем, чтобы вывезти воспитанника графа Лестоса в ящике – а значит, рассчитывал воспользоваться его жизнью, как козырем. Нет смысла убивать. Нет смысла калечить.

У господина было много врагов и в Ауренстадте, и за его пределами. Еще больше людей хотели принудить его к сотрудничеству или купить расположение. Кто-то мог решить, что жизнь Ноама – хороший повод начать переговоры. Если так... главное... Что?

Что бы сделала Индивиди? Однажды она рассказывала, как попала в плен и освободилась всего через пару часов, зарезав главаря напавшей на храм Агранны шайки. Тогда от нее не ожидали многого – кто ждет сопротивления от жрицы?

«Знал бы ты, с каким удовольствием я отрезала то, чем он в меня потянулся. И каким обиженным он выглядел, как маленький мальчик. А я всего-то притворилась жалкой».

Вести себя уверенно, но не заносчиво. Быть жалким и ударить, как представится возможность. Или, если они хотят переговоров и не угрожают смертью, подождать, пока граф Лестос не вытащит его.

А еще лучше – перебить гадов во сне одного за другим. Для этого нужно было оказаться рядом, видеть лица. И тогда пусть только заснут. Да, на ближайшем привале им конец. Нужно лишь выбраться из этой маленькой темницы.

Ноам снова глубоко вдохнул, чуть не закашлявшись, и несколько раз ударил раскрытой ладонью по дереву:

– Эй! Меня зовут Ноам, я воспитанник графа Лестоса. Выпустите меня, чтобы мы могли поговорить! Если хотите – свяжите, но откройте этот аспидов ящик, я в нем задыхаюсь!

– Пролупился, – хохотнул кто-то справа. – Доложишь?

– Да не, – отозвался другой голос, мажущий гласные, словно пьяный. – Довезем так. Там уж Варшкаар решит. А то как деранет в лес, мужик все-таки. И останется у нас только девка Лестоса, а от шлюхи цветочной какой толк?

– Да какой он мужик, – громко харкнул его собеседник. – Мелкий, как прыщ. Церковник и то повнушительнее.

– Все равно. Уйми его, чтобы не шумел.

И стоило Ноаму стукнуть снова, вместо ответа на крышку ящика, обжигая приложенную к крышке ладонь, обрушился удар чего-то тяжелого. Ноам вжался в дно, игнорируя боль в затылке, боясь, что доски проломаются и пронзят его, но сверху только посыпалась грязь – ящик выдержал. И когда что-то проехалось по крышке и пропало, Ноам наконец чуть расслабился – и тут же его вырвало.

Больше рисковать не хотелось.

Глава 16. Методы (Саэли)

«Если дать кому-то власть над собой, пустить в свои мысли, слушать, как непрекращаемый авторитет – как найти границу, где заканчивается его желание и начинается твое собственное? Поэтому я стоял и всегда буду стоять на своем: служение любой церкви – путь к тому, чтобы запутаться, а не обрести себя. Хотя, конечно, лучше иметь такое наполнение, чем никакое, вот все и выбирают красивую альтернативу грызущей их пустоте».

Третий руководитель больницы Энстадта, Фараам Лорвес. Не снискал популярности, так как отказывался сотрудничать с церковью Аграны в лечении душевных недугов.

На небе появилась рассветная полоса, а Кеар, наверно, так и не лег спать. Саэли несколько раз тянулась к нему и каждый раз сходила с темной тропы в еще более глухую темноту.

Она была одна. Опустошена, раздавлена, испугана. Не добилась ничего, и впереди ждала только пустота.

Пытаясь сбежать от этой пустоты, ища в ней хотя бы частичку надежды, Саэли потянулась к дедушке. Он как раз спал, ему снился осенний лес и голодные, несчастные дети. Вместе с ним Саэли смотрела на себя – маленькую, жалкую и беззащитную. Дедушка Рор в том сне плакал, думал, что детей спасти не удалось. Может, так он осознавал, что о секрете теперь узнали...

Саэли присела между дедушкой и почерневшими, исчерченными жуткими линиями порезов детьми. Рор снова не узнал ее, но глядел с теплом, словно даже так понимал, зачем она пришла. Тогда Саэли взяла руки плачущего Рора в свои – и из последних сил поменяла жуткий пейзаж на мирную заводь. Дедушка даже не вздрогнул, только вскинул лицо к небу и как-то по-детски ойкнул.

– Смотри, летят, – сказал он, по-простецки тыкая в небо пальцем.

За одним косяком диких уток – еще один. И еще. Рор всегда любил наблюдать за птицами. Говорил, они успокаивают.

Саэли устроилась рядом с ним и обняла широкую, но уже такую согбенную спину. Она ткнулась в его ватный тулуп, который здесь совершенно ничем не пах, и наконец дала волю слезам.

– Знаю, ты меня не помнишь, но я с тобой, дедушка. Все будет хорошо. Я здесь, ты не один.

– Больно, – сказал дедушка вдруг, и Саэли всхлипнула громче, поняв, что он показывает ей левую руку с когда-то такими ловкими, а сейчас слишком мутными пальцами.

Возможно, кто-то повредил ее... В наказание, Творец помилуй. Лианари ведь думает, что Саэли так и не явилась. Королеве тоже и в голову не пришло спать – Саэли пыталась связаться и с ней.

– Все будет хорошо. Хочешь, я нарисую в небе громадную стаю галок? Она будет танцевать и складываться в узоры, – сквозь рыдания прошептала Саэли. – Хочешь?

– Нарисуй, – согласился Рор, наконец посмотрев на внуку прямо. Саэли даже показалось... Но нет. Искра узнавания погасла в его глазах. – Скворцов.

– Скворцов, – повторила Саэли, выполняя пожелание дедушки.

Над ними взметнулись, закрывая небо, вырисовывая немыслимые фигуры, тысячи крыл, а само небо пожелтело от шафрана, превращаясь в закатное. Необычные, перетекающие друг в друга узоры отражались в спокойной воде, и даже ветви деревьев тряслись от их движения, танцуя вместе с птицами.

Рор улыбался. Саэли обняла его руку, положила голову на плечо и так и застыла, понимая, что заводь постепенно истончается, пропадает... Слишком мало сил.

– Проснись! – Кто-то тряс ее за плечо. – Эй! Проснись! Саэли, ты плачешь!

– Не разговаривать! – рыкнул другой голос, куда громче первого.

По краю обоза прямо рядом с Саэли что-то ударило, и она окончательно проснулась, с колотящимся сердцем вглядываясь в лицо сидевшего напротив мужчины. Память вернулась мгновенно: лес, онемевшие от веревок руки и ноги, повозки с открытым верхом, конные всадники... Кажущаяся бесконечной дорога.

Лицо было мокрым от слез. Саэли хотела утереть их, но когда поднесла ладони к лицу – а руки мастера Адриана дернулись вниз, к кольцу на дне телеги, через которое проходила общая веревка, – то вдруг не сдержалась, а ткнулась в собственные запястья и разрыдалась. Ее воющие всхлипы прозвучали в тишине, как свист.

Вдруг она ощутила, как качнулась повозка, и стало теплее: несмотря на веревки, мастер Адриан как-то пересел к ней. Наверно, он пытался ее обнять, но связанные запястья не дали ему, поэтому мужчина просто притянул Саэли ближе к себе, и она с благодарностью уткнулась в его плечо.

– Не разговаривать! – снова закричал воин.

– У нее истерика, – спокойно ответил мастер Адриан. Его слова доносились до Саэли как сквозь толщу воды. – Думаешь, мы станем обсуждать планы побега, когда она рыдает? Пусть придет в себя. Веди себя по-человечески.

– Заткни ее, а то вырублю, – ругнувшись, громко бросил воин. И добавил тише: – И запомни, что я пошел вам навстречу.

– Запомню и вознагражу, – отозвался жрец. – Саэли, тебе больше нельзя терять сознание, – тихо обратился он к ней. Большая ладонь мягко легла на ее губы, и Саэли подавила желание впиться в нее зубами, словно это Адриан, а не захватившие их преступники, был во всем виноват. – Пожалуйста, постарайся успокоиться.

Его голос звучал неожиданно растерянно. Саэли отодвинулась, дав в себе всхлипы, и обессилено прислонилась к борту повозки. Дерево удивительно холодило кожу виска. Мастер Адриан взял ее руки в свои, как только что делала она сама во сне бабушки – согревая.

– Я в порядке.

– Конечно, нет, – почти неслышно ответил он. – Не волнуйся, все обойдется. Это – только наемники, низшее звено, которому не объяснили, кто заплатил пославшему их Варшкаару. Было бы очень забавно, если бы знали. Но повеселимся позже.

Это даже немного отвлекло Саэли.

– Вы знаете, кто им платит?

Мастер Адриан ухмыльнулся и сжал ее ладони сильнее.

– Я. Можешь себе представить, насколько на самом деле ситуация комична?

– Вы... вы... это же нападение на корону, – зашептала Саэли, не увидевшая ничего смешного в том, что ей только что поведали секрет из тех, которые хранят ценой жизни. Точнее, смерти всех, кто его слышал. – Зачем вы сказали мне?

– Ты все равно узнаешь, когда доедем, – пожал плечами Адриан. – И я хотел тебя отвлечь.

– Тогда это ложь?

– А вроде в деревне воспитана, – с уважением кивнул жрец. И добавил весело: – Хорошо, пусть будет ложь, – улыбнулся он, вдруг стирая со щеки Саэли слезу. – Но согласись, забавная. Повезло, что эти глупцы не знают наших имен и потому боятся нам вредить. С четырьмя из шести я уже договорился с нуля: каждый знает, что храму Куты дорогу переходить нельзя, а мне повезло не снять серого балахона. Наемники везут нас к своему главарю, который потом, как они решили, надеется нас продать. Я в их глазах стою очень дорого, и ты тоже – они считают

тебя любовницей графа Холодного Пика, а я поддержал их в этом предположении. Так что никто не посмеет нас тронуть. Вообще-то, Варшкаар за голову схватится, когда оценит рвение подчиненных. А пока я тебя в обиду не дам.

– Вы же связаны, – заметила Саэли.

– В том, чтобы освободиться сейчас, смысла не слишком много. Да и тебя я бросить не могу.

– Граф Лестос платит вам за мою защиту?

Жрец скривился, словно ему стало неприятно. Затем очень медленно, тщательно выбирая слова, проговорил:

– Дело не в этом. Сейчас мысль, что тебе причинят боль, способна всерьез напугать меня.

– Почему?

Он помолчал, прежде чем ответить, словно взвешивая, говорить ли правду.

– Я влюблен в тебя.

– Что?!

Тут уж Саэли забыла о правиле придерживаться шепота, настолько ее возмутила очередная шутка этого то бесчувственного, как ледяной столб, то почти по-человечески веселого жреца. Да как он смеет! Что, если она – безродная деревенская девушка, можно делать такие... заявления?! Не ждет ли он, что теперь она поведет себя, как та самая цветочная девица?!

Поэтому когда возмущившийся ее вскриком наемник ударил по краю телеги, а затем, встретившись взглядом со жрецом, скривил губы и вновь обогнал повозку, первое, что она сказала смеющемуся ей в глаза мастеру Адриану, было:

– Я – не цветочная девушка. У меня были другие цели в Арноаре, мне пришлось проникнуть так, другого пути не нашла.

– Я понял.

– Вы меня совершенно не знаете!

– Рад, что ты это понимаешь. Поэтому и сказал, не утаивая – из уважения к тебе. Ты достаточно умна, чтобы понять: речь не о глубоких чувствах. Некоторые из нас пользуются этим приемом в храме. Внушаем себе влюбленность или желание позаботиться, чтобы жаждать ответа о судьбе и секретах человека, насчет которого нам нужно получить сведения. Кута ведь дает лишь ответы, которых мы по-настоящему хотим, ты могла это заметить. И в этот раз – скорее всего, чтобы мне было проще привести тебя в Арноар, – Дэймар создал во мне чувство к тебе. Пожалуй, я предпочел бы отеческое, но вероятно, так он своеобразным подарком оставил мне возможность забавляться с тобой, если решу. Хотя в остальном выбора твой благодетель не дал, – добавил жрец едко. Видя, как меняется выражение лица ошарашенной Саэли, он продолжил: – Не бойся, если бы я не контролировал себя по-настоящему хорошо и если бы ты хоть немного привлекала меня изначально, а между нами были бы возможны отношения, я просто оградился бы от общения с тобой. Обычно подобный пыл проходит в течение полудня, иногда суток. Чаще всего это забавно и даже приятно, но сейчас, когда мы в опасности, а ты плачешь, становится мучительным. Поэтому будь добра, соберись, не рыдай, не лезь в опасность и дай мне тебя спасти, чтобы я не изводился от волнения. У тебя и так лицо изранено.

Не выбрав, что ответить – обвинить его в самой возмутительной из когда-либо слышанных ею лжи, послать жреца и весь идиотский храм знания в жерло Аспида, восхититься изобретательностью ненормального ума, уточнить характер взаимоотношений между Адрианом и контролирующим его чувства Дэймаром Лестосом, – Саэли пискнула что-то нечленораздельное и отвернулась.

Все это безумие роилось в ее сознании, пока не оформилось в единственную мысль.

«Он может через сон контролировать волю и даже чувства».

И вторая.

«И хочет чего-то от меня».

Глава 17

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.